МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Том 16, № 2, 2025

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
2025

TERRA LINGUISTICA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Чернявская В.Е., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.

Редакционная коллегия:

Беляева Л.Н., д-р филол. наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;
Ван Цзясин, д-р филол. наук, профессор, Нанкинский университет, Нанкин, КНР;
Гаспарян Г.Р., д-р филол. наук, профессор, Ереванский Государственный Университет им. В.Я. Брюсова, Ереван, Республика Армения;
Головко Е.В., чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, профессор, Институт лингвистических исследований РАН, Россия;
Жаркынбекова Ш.К., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан;
Зеноп-Айата Дж., д-р филос. наук, профессор, Стамбульский университет, Стамбул, Турция;
Иванова С.В., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;
Иссерс О.С., д-р филол. наук, профессор, Омский государственный университет, Омск, Россия;
Клочкова Е.С., канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», Россия;
Кронгауз М.А., д-р филол. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия;
Куликова Л.В., д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;
Мавродиева И.Т., д-р филос. наук, профессор, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, София, Болгария;
Рацибурская Л.В., д-р филол. наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;
Тарева Е.Г., д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;
Шестакова Л.Л., д-р филол. наук, профессор, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
Яковлева А.Ф., канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Сетевое издание публикует научно-исследовательские статьи и рецензии на русском и английском языках в области лингвистических исследований.
С 2002 года входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Сетевое издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-77377 от 25 декабря 2019 г.
Сведения о публикациях представлены в Реферативном журнале ВИНИТИ РАН, в международной справочной системе «Ulrich`s Periodical Directory», в Российской государственной библиотеке. В базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, КиберЛенинка.
Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Редакция журнала
д-р филол. наук, профессор В.Е. Чернявская – главный редактор;
Г.А. Пышкина – ответственный секретарь, выпускающий редактор; Ф.К.С. Бастиан – редактор;
А.А. Кононова – компьютерная вёрстка; И.Е. Лебедева – перевод на английский язык.
Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.
Тел. редакции: +7 (812) 552-62-16, e-mail редакции: ntv-human@spbstu.ru
Дата выхода: 30.06.2025

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2025

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Vol. 16, No. 2, 2025

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
2025

TERRA LINGUISTICA

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Valeriya E. Chernyavskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation.

Members:

Larisa N. Belyaeva, Dr.Sc. (philol.), prof., Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation;
Wang Jiaxing, Dr.Sc. (philol.), prof., Nanjing University, China;
Gayane R. Gasparyan, Dr.Sc. (philol.), prof., Yerevan State University after V. Brusov, Yerevan, Republic of Armenia;
Evgeniy V. Golovko, corresponding member of RAS, Dr.Sc. (philol.), prof., Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation;
Sholpan K. Zharkynbekova, Dr.Sc. (philol.), prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan;
Canan Şenöz-Ayata, Dr.Sc. (philos.), prof., Istanbul University, Turkey;
Svetlana V. Ivanova, Dr.Sc. (philol.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;
Oxana S. Issers, Dr.Sc. (philol.), prof., Omsk State University, Russian Federation;
Yelena S. Klochkova, Ph.D (philol.), St. Petersburg Electrotechnical University, Russian Federation;
Maxim A. Krongauz, Dr.Sc. (philol.), prof., HSE University, Moscow, Russian Federation;
Lyudmila V. Kulikova, Dr.Sc. (philol.), prof., Siberian Federal University, Russian Federation;
Ivanka T. Mavrodieva, Dr.Sc. (philos.), prof., Sofia University "St. Kliment Ohridski", Bulgaria;
Larisa V. Ratsiburskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation;
Elena G. Tareva, Dr.Sc. (ped.), prof., Moscow Pedagogical University, Russian Federation;
Larisa L. Shestakova, Dr.Sc. (philol.), prof., Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Russian Federation;
Aleksandra F. Yakovleva, (political), leading researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow, Russian Federation.

The open access journal publishes research papers and reviews on theoretical orientations, and methodological approaches that have a central focus on language in the perspective of theoretical and applied linguistics, linguistic pragmatics, sociolinguistics, linguistic anthropology, discourse analysis, translation studies.

The journal is included in the List of Leading PeerReviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is indexed by Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, VINITI RAS Abstract Journal (Referativnyi Zhurnal), VINITI RAS Scientific and Technical Literature Collection, Russian Science Citation Index (RSCI) database Scientific Electronic Library.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ЭЛ No. ФС77-77377 issued 25.12.2019.

Editorial office

Dr. Sc., Professor V.E. Chernyavskaya – Editor-in-Chief;

G.A. Pyshkina – editorial manager; Ph.Ch.S. Bastian – editor.

A.A. Kononova – computer layout; I.E. Lebedeva – English translation.

Address: 195251 Polytekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia.

+7 (812) 552-62-16, e-mail: ntv-human@spbstu.ru

Release date: 30.06.2025

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2025

Содержание

Беляева Л.Н., Камшилова О.Н. *Тональность словаря научной рецензии в фокусе заключения рецензента* 7

Кагиров И.А., Киселева К.О., Кипяткова И.С. *Анализ переключения кодов в речи носителей карельского языка* 22

Калинина С.В., Коцюбинская Л.В. *Онтология как инструмент терминологической оптимизации машинного перевода лексики нефтегазовой отрасли* 41

Клочкова Е.С. *Стратегии оценки в открытой научной рецензии: полярность оценки и вариативность ее репрезентации* 56

Лушпей А.А., Лунькова Е.С. *Особенности территориальной дистрибуции дериватов с формантом -уш/а в западных и сибирских говорах русского диалектного языка* 71

Москин Н.Д., Лебедев А.А. *Объяснительные возможности агрегирования теоретико-графовых моделей сказочных сюжетов в практике филологического анализа текста* 85

Пиотровская Л.А. *Теоретические основания разграничения терминов «описание эмоций», «выражение эмоций» и «отражение эмоций» в лингвистическом анализе* 101

Нгуен Т.Б.Д., Чан С.Х. *Лингвистические средства выражения отказа в инаугурационных речах Дональда Трампа: корпусный подход* 118

Рецензии

Загуменнов А.В. *Рефлексия над языком. Рецензия на издание: Щедровицкий Г.П. На перекрестке мысли: Введение в системомыследеятельностный подход. М.: МИФ, 2024. 672 С. ISBN 978-5-00214-612-3* 135

Contents

Beliaeva L.N., Kamshilova O.N. *Tonality of peer-review vocabulary in the focus of the reviewer's conclusion* 7

Kagirov I.A., Kiseleva K.O., Kipyatkova I.S. *Code-switching analysis in Karelian language speakers' speech* 22

Kalinina S.V., Kotsyubinskaya L.V. *Ontology as a tool for mashine translation terminological optimization of oil and gas industry lexis* 41

Klochkova Ye.S. *Evaluation strategies in open peer-review: Polarity of evaluation and representational variability* 56

Lushpey A.A., Lunkova E.S. *Features of the territorial distribution of derivatives with the -ush/a formant in Western and Siberian dialects of the Russian dialect language* 71

Moskin N.D., Lebedev A.A. *Explanatory potential of aggregating graph-theoretical models of fairy tale plots in philological text analysis practice* 85

Piotrovskaya L.A. *Theoretical framework for distinguishing the terms "description of emotions", "expression of emotions", and "reflection of emotions" in linguistic analysis* 101

Nguen T.B.G., Tran X.H. *Disclaim resources in Donald Trump's inaugural speeches: A corpus-based approach* 118

Review

Zagumennov A.V. *Language reflection. Book Review: Shchedrovitsky G.P. At the crossroads of thought: Introduction to the system-thinking-activity approach. Moscow: MIF, 2024. 672 P. ISBN 978-5-00214-612-3* 135

Terra Linguistica. 2025, Том 16, № 2. С. 7–21.
Terra Linguistica. 16 (2) (2025) 7–21.

Научная статья
УДК 81’33
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16201
EDN: https://elibrary/BQHYLD

ТОНАЛЬНОСТЬ СЛОВАРЯ НАУЧНОЙ РЕЦЕНЗИИ В ФОКУСЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ РЕЦЕНЗЕНТА

Л.Н. Беляева , О.Н. Камшилова ✉

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ onkamshilova@gmail.com

Аннотация. Выражение и озвучивание научной оценки относится к ключевым инструментам в профессиональной научной коммуникации, а сам текст научной рецензии носит явно выраженный институализированный характер, что делает обращение к этому типу текста весьма актуальным в русле исследований научно-экспертной дискурсивной практики. В фокусе данного исследования стоит вопрос о соотношении тональности словаря текста рецензии и общего оценочного фона рецензии, выраженного в заключительном выводе рецензента. На материале исследовательского корпуса тестов рецензий и тонального словаря для русского языка РуСентиЛекс в статье анализируется характер использования рецензентом признаковых слов со значением квалификационной оценки (прилагательных, наречий) и их распределение в подкорпусах положительных и отрицательных рецензий. В результате анализа выявлен список оценочных лексем, равномерно распределенных в обоих подкорпусах, которые представляют собой базовый оценочный словарь рецензии, детерминированный установкой редакции журнала (шаблоном). Равномерность распределения базового словаря поддерживается сменой тональности на противоположную с помощью грамматических и лексических средств отрицания и градуирования признака, что устанавливает баланс между использованной тональной лексикой и общим выводом рецензента. Дополнительные списки тонально окрашенной лексики свидетельствуют о том, что репертуар положительных оценок очень ограничен, в то время как более представленные и разнообразные средства эксплицитной отрицательной оценки говорят о прямолинейности и категоричности, свойственной стилю русской научно-экспертной оценки. В исследуемом материале наблюдается положительная корреляция между выбором тонально окрашенной лексики и заключительным оценочным выводом рецензента. В отрицательных рецензиях наблюдаются семантизация и контекстуализация нейтрально окрашенной лексики, индуцирующие соответствующую оценку, что усиливает обоснование заключительного вывода рецензента.

Ключевые слова: тональный словарь, отрицательная оценка, положительная оценка, рецензия, научно-экспертная практика, корпус текстов.

Для цитирования: Беляева Л.Н., Камшилова О.Н. Тональность словаря научной рецензии в фокусе заключения рецензента // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 2. С. 7–21. DOI: 10.18721/JHSS.16201

© Беляева Л.Н., Камшилова О.Н., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Research article
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16201

TONALITY OF PEER-REVIEW VOCABULARY IN THE FOCUS OF THE REVIEWER'S CONCLUSION

L.N. Beliaeva , O.N. Kamshilova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Peterburg, Russian Federation

onkamshilova@gmail.com

Abstract. The expression and articulation of scientific assessment are key instruments in professional academic communication, and the text of peer-review exhibits a distinctly institutionalized nature, which making it a highly relevant subject for studies of expert discursive practices. The focus of this study is the relationship between the tonality of the vocabulary of the peer-review text and the general evaluative background, expressed in the reviewer's conclusion. Based on the research corpus of peer-reviews and the Russian sentiment lexicon (RuSentiLex), the article analyzes the reviewer's use of words expressing a qualification assessment (adjectives, adverbs) and their distribution across subcorpora of positive and negative reviews. The analysis revealed a list of evaluative lexemes evenly distributed across both subcorpora, which represents the basic evaluative vocabulary of a peer-review, determined by the journal editorial standards (a review template). The uniformity of the distribution of the basic vocabulary is maintained by changing the tonality to the opposite one using grammatical and lexical means of negation and gradation of the evaluation. Thus, a balance is established between the used sentiment lexicon and the reviewer's conclusion. Additional sentiment lexicon indicates that the repertoire of positive assessments is very limited, while the more represented and diverse means of explicit negative assessment indicate the categorical directness – a hallmark of Russian peer-reviews. The studied material shows a positive correlation between the choice of sentiment lexicon and the reviewers' final verdicts, in negative contexts, the semantization and contextualization of neutrally colored vocabulary induces a corresponding assessment, which strengthens the reviewer's final verdict.

Keywords: sentiment lexicon, negative assessment, positive assessment, peer-review, expert academic practice, text corpus.

Citation: Beliaeva L.N., Kamshilova O.N., Tonality of peer-review vocabulary in the focus of the reviewer's conclusion, Terra Linguistica, 16 (2) (2025) 7–21. DOI: 10.18721/JHSS.16201

Введение

Интерес к исследованиям научного дискурса в рамках лингводискурсивного подхода, особенно активно реализуемого в последнее десятилетие, обусловлен разнообразием типов научного текста и форм дискурсивных практик, среди которых особое место занимает рецензия как вторичный текст, выработанный коммуникативной практикой научной экспертизы, и научно-экспертная коммуникативная практика. Важность обращения к рецензии как объекту лингводискурсивного анализа подтверждается тем, что оценка является ключевым инструментом в профессиональной коммуникации, озвучивание оценки позволяет изучать научное сообщество и различные практики научной деятельности в передаче знаний, а сам жанр рецензирования в русскоязычном научном дискурсе в отношении рецензий на монографические научные издания переживает явный кризис [1–4]. В этой связи рецензирование научных статей для крупных периодических изданий – практика сегодня более распространенная, чем рецензии на отдельные книги, – можно рассматривать в качестве релевантного источника для исследования дискурсивных характеристик акторов научно-экспертной практики – автора и рецензента. Исходя из прагматической установки рецензии, можно с уверенностью говорить о первичности ее оценочной составляющей.

© Beliaeva L.N., Kamshilova O.N., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Как объект дискурсивного анализа рецензия представляет собой институциональный текст, который характеризуется формальными выражениями и формальными языковыми структурами. В исследовании [5] было установлено, что в русскоязычном научном сообществе оценочная деятельность рецензента определена предлагаемыми научным изданием критериями и регламентируется формой и содержанием рецензии как особого типа вторичного текста, а также правилами научной этики. Рецензент и автор – акторы научно-экспертной коммуникативной практики – не взаимодействуют напрямую и не известны друг другу, что должно обеспечивать достаточную долю независимости и объективности рецензента. Профессиональная экспертиза предлагаемого нового знания характеризуется нормоцентричностью, регламентированностью универсальными критериями научности (новизна, актуальность, верифицируемость и др.), с одной стороны, и заданной полярностью оценки «положительная/отрицательная», с другой.

Если рассматривать оценочные высказывания как отражение научно-экспертной активности дискурсивных субъектов, то для автора рецензии на научную статью выражение в тексте эмоций, связанных с восприятием текста и его оценкой, в определенной мере является нарушением научной этики, но собственные ощущения, возникающие в процессе анализа чужого произведения, так или иначе выплескиваются в текст рецензии. Разделенные местом и временем, а также обязательным условием слепого рецензирования (blind peer-review), рецензент и автор становятся участниками научной коммуникации (ситуации) с особым социальным и психологическим контекстом, в которой рецензент оказывается в «сильной» позиции: «Незнание адресата, по нашим наблюдениям, дает рецензенту чувство некоторой свободы в выражении своего мнения и эмоций. Рецензент в большей степени фокусирует свое внимание на тексте статьи, а ее автор при этом остается незамеченным, он оказывается вне контекста» [6, с. 42]. Резкие оценочные суждения оказывают деструктивное воздействие на автора, что вряд ли способствует его научному прогрессу, поэтому сегодня научный дискурс становится предметом исследования лингвоэкологии, которая призывает к балансу позитивно- и негативно-оценочных выражений [7, 8].

Тем не менее в рецензии оценка должна быть сформулирована явно, хотя в принципе она может быть выражена рецензентом и имплицитно. Явную (эксплицитную) оценку можно рассматривать как «простой» случай, поскольку она реализуется лексическими или грамматическими средствами, которые напрямую указывают на позитивное или негативное отношение автора. Случаи имплицитной (неявной) оценки представляют проблему для тех, кто принимает решение (в данном случае о желательности публикации конкретной статьи), поскольку они не ограничиваются оценочными словами [9, с. 274]. Неявная оценка передается внешне нейтральными выражениями, которые могут быть интерпретированы как истинное отношение автора рецензии к рассматриваемому тексту [10, с. 130]. В связи с этим возникает вопрос о соответствии вывода рецензента (принять, рассмотреть повторно после доработки или отклонить) и тональности самой рецензии, т.е. о том, насколько тональность словаря рецензии отражается в заключительном выводе о качестве представленного текста.

Представление о тональности текста связано с практикой сентимент- анализа – инновационной методикой выявления и обобщения неочевидных лингво-прагматических особенностей текстов на основе автоматической обработки больших коллекций текстов. Тональность текста – это выраженное в нем отношение (положительное, отрицательное или нейтральное) автора или субъекта к объекту высказывания. С начала века данная технология активно используется для мониторинга общественного мнения, сопровождения маркетинга, анализа новостных потоков и социальных сетей [11–16 и др.]. Исследования тональности текста проводились и на материале официальных моделированных текстов (например, миграционных анкет), в результате которых было продемонстрировано, что оценочные модели и эмоционально-оценочная лексика весьма характерны для официального институционального дискурса [17].

Методы и процедуры сентимент-анализа постоянно совершенствуются, поскольку «традиционные лингвистические средства уже малоэффективны для осмысления колоссальных объемов новейшей речевой практики. Ежесекундный прирост терабайтов коммуникационных данных уже не охватывается специалистами вручную за год» [18, с. 117]. Помимо значимых результатов для совершенствования мониторинговых, аналитических и сигнальных систем, для систем документооборота, рекламных платформ и других социально-ориентированных областей науки и производства, достижения сентимент-анализа, опирающиеся на лингвистический анализ на стадии предобработки текста, имеют немалое значение для лингвистических исследований вне рамок масштабных проектов. В частности, бесспорную автономную ценность имеют разрабатываемые в рамках подхода «на основе правил» словари тональности (сентимент-лексиконы), позволяющие однозначно идентифицировать эмоционально-оценочную окраску слов и выражений. Дефицит таких словарей для русского языка был значительно восполнен в течение последних пяти лет созданием новых словарей и развитием методов их автоматического построения. В числе наиболее авторитетных тональных словарей для русского языка чаще всего упоминают РуСентиЛекс[1] и КартаСловСент[2] [18–21].

Создание таких словарей осуществляется различными методами: частично автоматически, частично с привлечением экспертов-лингвистов или более широкой поддержки в форме краудсорсинга на основе анализа статистической значимости некоторых лексем, языковых конструкций, их морфологических и синтаксических признаков, выступающих маркерами оценки (ср. [22]). В словарях тональности лексемы размечены по полярности, интенсивности и иногда по источнику сентимента (эмоция, мнение, факт). Поскольку экспертная оценка научной статьи предполагает (в общем виде) принятие положительного или отрицательного заключения, то словарная информация о тональной разметке лексем (положительная, отрицательная, нейтральная тональность) может оказаться полезной в исследовании общего оценочного фона рецензии.

Если в качестве основания лингводискурсивного исследования принять интерпретацию С.Т. Нефедовым функционального потенциала оценочных высказываний как отражения научно-экспертной активности дискурсивных субъектов, то исследование лингвистической вариативности оценок по формам их выражения, содержанию и функциям [23, с. 761] позволит установить соответствие явно сделанных выводов и внутренней эмоциональной тональности текста.

Исследование словаря текстов рецензий [5] не выявило прямой связи между общей (положительной или отрицательной) оценкой рецензируемой статьи и выбором рецензентом лексических средств с соответствующей коннотацией. При этом отмечаются значимые тенденции, характеризующие поведение нейтральной лексики в текстах рецензий с разным общим оценочным фоном: семантизация и контекстуализация достаточно нейтральной в оценочном отношении лексики (*автор*, *название*, *работа*, *вопрос*, *ссылка*, *содержание* и др.) под влиянием дискурсивных параметров и регламентаций научно-экспертной коммуникативной практики. Тем более интересным представляется контекстное исследование тонально окрашенных языковых средств квалификационной оценки, характерной для научного дискурса (*актуальный*, *репрезентативный*, *доказательный*, *ясный* и др.) в фокусе заключительного вывода рецензента.

Изложенное выше позволяет определить задачу настоящего исследования, которая заключается в установлении корреляции между использованием рецензентом тонально окрашенной лексики в тексте рецензии и эксплицитно выраженной заключительной оценкой.

Материал и методы анализа

Материал исследования – тексты рецензий на статьи, поступившие в редакцию научного рецензируемого журнала «Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена» (список ВАК, категория К1) в период с 2019 по 2023 год. На базе этих текстов

[1] https://github.com/niceyeti/language_util/blob/master/lexica/RuSentiLex/rusentilex.txt
[2] https://github.com/dkulagin/kartaslov/tree/master/dataset/emo_dict_history/v2_2019_nov

был построен исследовательский корпус, сбалансированный по тематике (научные специальности 5.9.5 Языки народов России, 5.9.6 Языки народов зарубежных стран и 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика), форме и объему (в соответствии с принятым редакцией журнала шаблоном). Общий массив текстов рецензий составил 118 единиц, образующих два сопоставимых по объему подкорпуса: подкорпус отрицательных рецензий (53 текста) и подкорпус положительных рецензий (65 текстов).

Сравнительно малый объем корпуса исключает применение статистического анализа и процедур сентимент-анализа, рассчитанных на обработку больших массивов данных, относительно которых указанные методы способны давать значимые результаты, но допускает использование корпусных технологий с применением доступных корпусных инструментов, обеспечивающих доказательность количественного анализа, извлечение информации о контекстном окружении ключевых для анализа языковых единиц. В качестве такого инструмента использовался корпусный менеджер AntConc[3], достаточно известный по современным исследованиям.

Процедура корпусного анализа включает построение частотных и алфавитных списков словоформ, коллокаций, конкордансов и извлечение контекстов. Исследование контекстного окружения ключевых для анализа языковых единиц опирается на методологию изучения семантики языковых средств в аспекте экспертно-научной коммуникативной практики [24, 25].

В фокусе настоящего исследования находятся классы слов со значением признака (прилагательные и наречия), категориальная семантика и синтаксическая функция которых напрямую связана с выражением характеристики объектов и актов (действий) разного рода. На основе полученных частотных списков были составлены алфавитные словари прилагательных и наречий. Дальнейшая процедура анализа осуществлялась поэтапно:

- из общего алфавитного списка исключались относительные прилагательные и наречия, т.е. лексемы, называющие объект рецензируемого исследования (*английский*, *газетный*, *евангельский*, *диалектный*, *жестовый*), его аспекты, методы и направления (*дидактический*, *герменевтический*, *грамматический*, *интерсемиотический*, *исторический*, *когнитивный*, *коммуникативный*), и другие характеристики, обозначающие абсолютный признак, не предполагающий оценочного содержания (*ежегодный*, *октябрьский*, *отличительный*, *поэтапный*, *потенциальный*);
- из полученного словаря лексем с потенциальной тональной окраской были сформированы три списка: а) лексемы, которые встречаются и в отрицательных, и в положительных рецензиях; б) лексемы, встречающиеся только в отрицательных рецензиях и в) лексемы, отмеченные только в текстах положительных рецензий. При этом каждой лексеме приписывалось значение тональности по словарю РуСентиЛекс;
- в каждом из трех списков были определены первые десятки по показателю суммарной частоты, для которых извлекались контексты с последующим анализом.

Словарь РуСентиЛекс был выбран в качестве источника информации о тональности лексики по следующим основаниям: достаточный объем (более 10 000 слов и выражений; репрезентативность (лексикон словаря включает оценочные слова из тезауруса русского языка РуТез, сленговые слова из Твиттера и слова с позитивными или негативными коннотациями из корпуса новостей); валидность (участие экспертов-лингвистов в анализе тональности лексики); учет многозначности для слов, которые имеют разную тональность в разных значениях и контекстах [26]; доступность и практически полное пересечение с полученными на последнем этапе отбора списками признаковых слов.

Результаты исследования

Анализ результатов исследования требует некоторых предварительных замечаний. Атрибутивные тонально окрашенные прилагательные в полной форме (*ясные формулировки*) встречаются

[3] https://www.laurenceanthony.net/software

в текстах рецензий крайне редко, гораздо более распространено предикативное употребление краткой формы (*структура статьи ясна*). Один и тот же признак может быть выражен как прилагательным, так и наречием (*формулировка цели ясна*, *цели и задачи сформулированы ясно*) и, реже, существительным (*не хватает ясности*). Доля существительных в группе рассматриваемых однокоренных лексем (*современность*, *достаточность*, *ясность*, *полнота*, *убедительность* и др.) чрезвычайно мала – как правило, их суммарная частота в корпусе не превышает 1. Исключение составляют *актуальность* (22) и *новизна* (48). Для количественного анализа, направленного на выявление баланса тональной лексики и общего оценочного фона (результата), частеречные различия не столь значимы, как, возможно, для контекстного. Поэтому в дальнейшем будем говорить об общем значении тонального признака, количественно представленного в табл. 1, 2 и 3 однокоренными прилагательными, наречиями и существительными, а формально – леммой прилагательного.

Поскольку в качестве источника информации о тональности лексем принят словарь РуСентиЛекс, стоит уточнить, что разметка в данном словаре проходит по четырем классам тональности: позитивная (positive), негативная (negative), нейтральная (neutral) или неопределенная, зависящая от контекста оценка (positive/negative), и трем источникам сентимента: оценка (opinion), чувство (feeling), факт (fact). Классы тональности в целом соответствуют ожидаемой оценке в рецензии на научный текст: положительной (принять), отрицательной (отклонить, принять после доработки).

Общий оценочный словарь положительных и отрицательных рецензий. Анализ тонального словаря текстов рецензий, вошедших в исследовательский корпус, позволил выделить три списка по признаку совместной/раздельной встречаемости в положительных и отрицательных рецензиях. Большинство лексем сформировало список совместной встречаемости (табл. 1), при этом показатели суммарных частот значительно превышают показатели частот тональной лексики, обнаруженной только в положительных или только в отрицательных рецензиях (ср. табл. 2 и 3). Это позволяет говорить о детерминированности тонального словаря институализированным характером текста научной рецензии.

Как отмечалось выше, рецензент как актор научно-экспертной коммуникативной практики в рамках своей экспертной деятельности опирается на регламентируемые универсальные критерии научности (новизна, актуальность, верифицируемость, доказательность, учет современного научного контекста и др.), на действующие в научном дискурсе правила научной этики и заданную полярность оценки «принять/отклонить». Таким образом, форма и содержание текстов научно-экспертной оценки уже заданы набором установленных требований, сложившихся в рамках научного дискурса, что и определяет их институализированный характер. Это могут быть как общие требования к стилю научного текста и способам поддержания его связности, так и конкретные требования, предъявляемые редакциями журналов, которые бывают часто оформлены в виде шаблонов. Именно предлагаемый редакцией журнала шаблон рецензии обусловливает лидерство в списке лексем с признаками «актуальный», «новый» (*актуальность проблемы*, *новизна исследования*), «ясный» (*ясность и логичность структуры текста*), «существующий» (*существующий научный контекст*), «полный», «репрезентативный» и «современный» (*полная и репрезентативная библиография*, *современный исследования*), «неправомерный» (*признаки неправомерного заимствования*). Таким образом шаблон рецензии задает базовый словарь выражений оценочных смыслов.

Интересно отметить, что словарь РуСентиЛекс определяет тональность шести единиц из этого списка как несомненно положительную оценку (positive, opinion), три определены как отрицательная оценка (negative, opinion), одна (*полный*) – как оператор с нейтральной оценкой (neutral, operator) и еще одна (*новый*) характеризуется неопределенной, зависящей от контекста оценкой (positive/negative). Лексемы *репрезентативный*, *репрезентативно*, *репрезентативность*

Таблица 1. Словарь тональной лексики,
встретившейся в положительных и отрицательных рецензиях (фрагмент)
Table 1. Dictionary of tonal vocabulary found in positive and negative reviews (fragment)

№ п/п	Лемма	Частота в текстах рецензий (Adj, Adv, N)			Характеристика в словаре РуСентиЛекс: тональность, источник
		Отриц.	Полож.	Сумм.	
1.	новый	73	83	156	[только в составе NG, AG и VG: *новый горизонт* positive, opinion *идея не нова* negative, opinion]
2.	актуальный	76	70	146	positive, opinion
3.	современный	47	82	129	«СОВРЕМЕННЫЙ (ПРОГРЕССИВНЫЙ)» positive, opinion
4.	достаточный	51	82	133	*отсутствует*
5.	ясный	48	74	122	positive, opinion
6.	полный	40	69	109	«ПОЛНЫЙ (ВПОЛНЕ ЗАКОНЧЕННЫЙ))» neutral, operator «ПОЛНЫЙ, СОВЕРШЕННЫЙ)» neutral, operator,
7.	убедительный	34	60	94	positive, opinion
8.	логичный	30	58	88	positive, opinion
9.	неправомерный	27	36	63	negative, opinion
10.	репрезентативный	26	30	56	*отсутствует*
11.	четкий		30	46	positive, opinion
12.	недостаточный	38	6	44	negative, opinion

не обнаружены в словаре, однако их обязательный оценочный статус, установленный шаблоном рецензии по отношению к полноте представленности современного научного контекста в тексте статьи и в пристатейном списке литературы (библиографии) позволяют толковать их как определенно положительно заряженные.

Распределение единиц этого базового оценочного словаря показывает, что большая их часть характеризуется относительной численной сопоставимостью в текстах положительных и отрицательных рецензий. Это может быть частично объяснено ожидаемой «перезарядкой» оценки с положительной на отрицательную с помощью грамматических и лексических средств отрицания и градуирования признака (*не / не всегда / не представляется / не может быть названа / кажется достаточно логичной и убедительной в целом… однако… / в одних случаях… но…* и т.п.): *логика изложения* ***далеко не проявлена*** *и* ***не всегда ясна***; *библиографию работы* ***нельзя считать полной и репрезентативной***; *убедительная мотивировка цели* ***отсутствует***; *автор* ***далеко не в полной мере*** *учитывает современный научный контекст*.

Однако это совершенно не исключает прямого положительного оценивания отдельных аспектов рецензируемого исследования в отрицательных рецензиях, часто модифицированного градуированной или модальной лексикой, которая делает оценку менее категоричной (*рецензируемая статья обладает* ***достаточной*** *новизной*; *структуру данной статьи* ***можно назвать*** *довольно ясной и логичной*; [*подход*] ***можно считать*** *новым для немецкой германистики*), и отрицательных оценок в текстах рецензий с положительным заключением (*логика изложения в данной статье соблюдается не всегда*; *хотелось бы увидеть* ***более*** *ясные формулировки*; [*тема*] *не нашла* ***достаточно*** *полного, в том числе теоретического и лексикографического решения*).

Контекстный анализ обращает внимание на особенности в употреблении оценок «неправомерный» и «недостаточный». Лексема *неправомерный* встречается, как правило, в словосочетании *неправомерное заимствование*, закрепленном в шаблоне рецензии, и в 62 контекстах из 63, обнаруженных в корпусе, употребляется в контексте с отрицанием «не»: *неправомерных заимствований не обнаружено*, т.е. положительно характеризует этот аспект рецензируемого исследования. И только в одном контексте отрицательная тональность прилагательного *неправомерный* однозначно означает отрицательную оценку: *в библиографический список неправомерно добавлено 79 наименований художественной литературы*.

Согласованность отрицательной тональности слова и общего отрицательного вывода рецензента отчетливо проявляется лишь у лексем со значением «недостаточный» – частота 38 в текстах отрицательных рецензий по сравнению с частотой 6 в рецензиях с положительным выводом: *автор недостаточно учитывает научный контекст*; *выводы представляются большей частью понятными, но недостаточно актуальными и аргументированными*; [*объем материала*] *представляется недостаточным для объективного исследования*; *недостаточно эксплицируется обусловленность включения повтора*. Значение «недостаточный» относится к области градуированной оценки, выражаемой лексемами качественной/количественной семантики (*более/менее*, *больше/меньше*, *достаточно/недостаточно*, *очень*, *полностью*, *совершенно*; *своего рода*, *типа*, *почти*) и, как отмечается в [27, с. 826], обретает оценочный смысл именно в научно-критическом дискурсе, представленном в рецензиях, и на фоне этого контекста индуцирует оценочность. Исходя из этого значение «достаточный», не зафиксированное в тональном словаре, также можно отнести к оценочным смыслам в контексте экспертной оценки.

Отрицательное значение лексем со значением «недостаточный» подтверждается их отмеченностью в тональном словаре, в отличие от других слов со значением градации, например, *более/больше* в том же словаре имеют помету «neutral, fact» в адвербиальных группах *не более*, *не больше*, и «negative, feeling» в глагольных словосочетаниях *ожидать чего-то более*, *ожидать большего*. При этом источником отрицательной оценки является эмоция (feeling), а не оценочное суждение (opinion). Хотя основание для включения признака «больший» в оценочный словарь экспертной практики есть: распределение лексем с этим значением также свидетельствует о том, что фон контекста оценки индуцирует отрицательный оценочный смысл лексемам *более*, *больший*, *больше*, поскольку их частота в текстах отрицательных рецензий значительнее частоты их появления в положительных рецензиях: 38 и 17 соответственно. Ср.: *если бы автор более четко сформулировал частные задачи* индуцирует отрицательную тональность оценки «нечетко»; *хотелось бы увидеть более ясные формулировки* – формулировки в рецензируемом тексте неясны.

В аспекте индуцирования отрицательной оценки общим контекстом рецензии стоит обратить внимание на употребление указательного прилагательного данный, в значении которого отсутствует сема оценки. Однако его преимущественное появление в очевидно отрицательных контекстах в сочетании с существительными *статья*, *работа*, *раздел*, *подход* (*библиографию* ***данной работы*** *нельзя считать полной*; *оригинальность* ***данного раздела*** *не очевидна*; *в* ***данной статье*** *она* [*тема*] *раскрывается однобоко и на примитивном уровне*; *в* ***данной статье*** *представлены только общие формы работы*; *логика изложения в данной статье соблюдается не всегда*) явно свидетельствует о влиянии общего отрицательного фона, а прилагательное *данный* индуцирует значения «не соответствующий уровню и стандартам», «несовершенный», «неготовый».

Интересно отметить, что лексемы, называющие ядерные оценочные значения, *хороший* и *плохой* не попали в список базового тонального словаря рецензии по следующим причинам: лексемы *плохой* и *плохо* отмечены только в текстах отрицательных рецензий, а *хороший* и *хорошо* встречаются в обоих корпусах очень редко. Их суммарная частота – 12, при этом часто в отрицательных контекстах: *хорошо бы сопроводить* [*иллюстрации*] *ссылками на источник*; *было бы хорошо, если бы автор избегал таких окказионализмов*; *излагаются хорошо известные и не подвергаемые сомнению*

факты. И только в 5 контекстах из 12 *хороший* употребляется в прямом, положительном контексте: *статья в хорошем смысле полемична*; *статья написана хорошим языком*; *статья хорошо структурирована*; *автор точно хорошо погружен в современную социальную проблематику*; *современный научный контекст учтен достаточно хорошо*, из чего можно заключить, что рецензенты не щедры на прямую положительную оценку рассматриваемого научного продукта.

Исходя из задачи настоящего исследования, которая предполагает установление корреляции между использованием рецензентом тонально окрашенной лексики и его эксплицитно выраженной заключительной оценкой, можно сделать промежуточный вывод о том, что базовый тональный словарь (табл. 1), составленный на основе количественного анализа (показателя суммарной частоты вхождения тонально окрашенных лексем), в целом не ориентирован на общий оценочный фон рецензии. Исключение составляет оценка «недостаточный», которая в подавляющем большинстве случаев эксплицируется в отрицательных рецензиях. Рассмотрим оценочную лексику, которая встретилась в корпусе только в отрицательных или только в положительных рецензиях, и попытаемся определить, насколько значима в аспекте общего оценочного фона такая избирательность.

Дополнительный оценочный словарь положительных рецензий. Полученные результаты (табл. 2) демонстрируют чрезвычайно малое число лексем с тональной окраской, обнаруженных только в текстах положительных рецензий, и их крайне низкую суммарную частоту, что не дает никаких оснований говорить о детерминированности этих лексем общим положительным выводом эксперта.

Таблица 2. Словарь тональной лексики, встретившейся только в положительных рецензиях (фрагмент)
Table 2. Vocabulary of tonal vocabulary found only in positive reviews (fragment)

№ п/п	Лемма	Частота в текстах рецензий (Adj, Adv, N)	Характеристика в словаре РуСентиЛекс: тональность, источник
1.	необоснованный	3	negative, opinion
2.	привлекательный	3	positive, opinion
3.	закономерный	2	«ЗАКОННЫЙ, ЗАКОНОМЕРНЫЙ (ВПОЛНЕ ПОНЯТНЫЙ, ДОПУСТИМЫЙ)» positive, opinion
4.	адекватный	1	positive, opinion
5.	органичный	1	positive, opinion

Скорее всего, в данном случае можно говорить об идиостиле эксперта, его речевых привычках или габитусе (устойчивых схемах речевого поведения в одинаковых или сходных ситуациях научного общения [27, с. 822]). В частности, это касается отрицательной оценки «необоснованный» (*не обнаружено необоснованного включения источников*; *необоснованно включенные в библиографию источники отсутствуют*), которая употребляется как синоним значению «неправомерный» и в том же лексическом/грамматическом окружении, что «гасит» негативность оценки, переводит ее в разряд положительных.

Оценки «привлекательный», «адекватный», «органичный» своей положительной тональностью усиливают общий положительный фон рецензии (*статья в хорошем смысле полемична и привлекательна для всех, кто интересуется акцентологией и культурой русской речи*; *цели и задачи статьи представлены ясно и привлекательно для читателя*; *явление «окказионализм» рассмотрено на оригинальном материале и обильно снабжено интересными, привлекательными примерами*; *терминология используется адекватно*; [*статья*] *органично входит в современную научно-исследовательскую парадигму*). Возможно, выход за пределы словаря, заданного шаблоном,

эксплицирует эмоциональное отношение эксперта к тексту, текст определенно ему нравится, но также возможно, что это всего лишь проявление габитуса. Поскольку употребление этих тональных лексем крайне ограничено, нет достаточных оснований делать какие-либо выводы.

Дополнительный оценочный словарь отрицательных рецензий. Число лексем, обнаруженных только в корпусе отрицательных рецензий, значительно больше, и суммарная частота каждой, хоть и не велика по сравнению с частотой тональной лексики из «базового» списка (табл. 1), исключает идиостиль или габитус как причину, указывая, скорее, на норму, на то, что мы имеем дело с довольно активной частью тонального словаря отрицательной рецензии.

Таблица 3. Словарь тональной лексики, встретившейся только в отрицательных рецензиях (фрагмент)
Table 3. Dictionary of tonal vocabulary found only in negative reviews (fragment)

№ п/п	Лемма	Частота в текстах рецензий (Adj, Adv, N)	Характеристика в словаре РуСентиЛекс: тональность, источник
1.	неясный	13	negative, opinion
2.	крайний	8	[*только* крайняя степень negative, opinion]
3.	противоречивый	6	negative, opinion
4.	тривиальный	5	negative, opinion
5.	неверный	5	negative, opinion
6.	неудачный	5	negative, opinion
7.	нечеткий	5	negative, opinion
8.	плохой	5	negative, opinion
9.	поверхностный	5	«ПОВЕРХНОСТНЫЙ, НЕГЛУБОКИЙ» negative, opinion
10.	малый	4	[*только* малость, «НИЧТОЖНЫЙ ПО ЗНАЧИМОСТИ» negative, opinion «НЕБОЛЬШОЙ, МАЛЫЙ» neutral, opinion]
11.	сомнительный	4	negative, opinion
12.	неизвестный	3	[*только* по неизвестной причине negative, opinion]

Большинство (9 из 12) лексем в табл. 3 отмечены в словаре РуСентиЛекс как отрицательные оценки. Отличительной чертой этого списка является значительное число лексем с приставкой *не-*. Тональность лексем *неизвестный*, *неизвестно* тоже можно определить как отрицательную, поскольку в корпусе они означают недостаток знаний современного научного контекста, что противоречит одному из критериев приема статьи к публикации (*неизвестные автору работы*). Добавим к этому лексемы *недостаточный*, *недостаточно*, *недостаточность* из первого списка, которые тоже преимущественно характеризуют отрицательные рецензии: *цели и задачи сформулированы нечетко и неясно*; *совершенно неясно, на каком основании делается вывод*; *структура текста неясна*; *неверно использованы термины*; *имеет место неверная пунктуация*; *формулировка представляется неудачной*; *исследования в области когнитивного терминоведения автору просто неизвестны*.

Частое употребление отрицательных частицы *не* и приставки *не-* отмечается не только как механизм создания отрицательной тональности рецензии, но как характерная черта русского дискурса в принципе [28]. Отрицательная тональность нередко усиливается интенсификаторами: ***совершенно*** *неясно*; [*работы других авторов*] ***просто*** *неизвестны*; ***абсолютно*** *бездоказательный тезис*.

Собственно, словам-интенсификаторам принадлежат и лексемы градуального ряда *крайний* и *малый* в значении «НИЧТОЖНЫЙ ПО ЗНАЧИМОСТИ». Их избирательное использование

в отрицательных рецензиях можно также рассматривать как контекстно-обусловленную индуцированность общим отрицательным фоном: ***крайняя бедность*** *лингвистического инструментария*; *научная новизна статьи* ***крайне мала***; *подобные психолингвистические исследования остаются на сегодняшний день* ***мало представленными***. Наречие *мало* отмечено дважды в количественном значении, также с отрицательной коннотацией, усиленной градуальной оценкой: *лингвистического анализа* ***слишком*** *мало*; *примеров в тексте* ***очень*** *мало*.

В условиях взаимной анонимности косвенное обращение к автору позволяет эксперту наиболее эксплицитно и категорично выразить свое мнение о недостатках рецензируемого исследования. При этом если оценки *неверный*, *неясный*, *неудачный*, *нечеткий* можно рассматривать как конструктивные замечания, которые после доработки статьи могут обернуться *верным*, *ясным*, *удачным*, *четким*, то оценки *тривиальный*, *плохой*, *поверхностный*, *сомнительный* звучат бескомпромиссно, деструктивно. В целом дополнительный словарь оценочной лексики отрицательных рецензий подтверждает утверждение Т.В. Лариной о том, что стиль русской экспертной оценки отличается прямолинейностью, эксплицитностью, категоричностью и ориентированностью на содержание, при этом стратегии смягчения критики используются в незначительной степени [3, с. 49].

Заключение

Данная статья посвящена выявлению особенностей использования средств квалификационной оценки (признаковых слов) в текстах рецензий на научную статью. В фокусе исследования находится вопрос о возможности установить корреляцию между тональностью лексики, выражающей квалификационную оценку научного текста, и конечным выводом рецензента.

Материал исследования (корпус текстов отрицательных и положительных рецензий) недостаточно объемен для применения процедур автоматического сентимент-анализа, но достаточно релевантен для количественного и контекстного анализа квалификационной оценки для того, чтобы отвечать поставленной задаче. Как показал корпусный анализ, полученный словарь лексем, выражающих квалификационную оценку, почти полностью представлен в тональном словаре русского языка РуСентиЛекс, что позволило сделать предварительные выводы по поводу корреляции тональности лексики текстов рецензий и общего оценочного фона (заключения/вывода рецензента).

В ходе исследования была установлена детерминированность тонального словаря текста научной рецензии ее институализированным характером, поскольку форма и содержание текстов научно-экспертной оценки диктуются набором установленных требований, сложившихся в рамках научного дискурса, это могут быть как общие требования научного стиля, так и конкретные, предъявляемые редакциями журналов, которые бывают часто оформлены в виде шаблонов.

Количественный и контекстный анализ полученного списка лексем показал, что в их распределении по текстам рецензий прослеживается явная тенденция: большинство высокочастотных лексем с тональной окраской относительно равномерно представлены как в положительных, так и в отрицательных рецензиях, при этом их частота в корпусе значительно превосходит частоту тех, которые обнаруживаются только в положительных или только в отрицательных рецензиях. Список равномерно представленных разно заряженных тональных лексем можно считать ядром оценочного словаря научной рецензии, который задается шаблоном, установленным редакцией научного журнала. При этом наблюдается явление смены тональности на противоположную с помощью грамматических и лексических средств отрицания и градуирования признака. Подобным образом устанавливается баланс между использованной тональной лексикой и общим выводом рецензента. Кроме того, обоснование вывода рецензента в отрицательных рецензиях усиливается индуцированием отрицательной оценки лексемам, изначально

не окрашенным тонально. Так, в контексте вывода об отклонении рукописи часто отрицательную тональность приобретают слова нейтральные и средства градуированной оценки (*данный*, *большой*, *малый*).

Список тональной лексики, обнаруженный только в корпусе положительных рецензий, скуден и свидетельствует о том, что рецензент не склонен к проявлению положительных эмоций, вынося положительное заключение главным образом ассерцией положительных и отрицанием отрицательных характеристик, регламентированных установкой редакционной коллегии в шаблоне. Напротив, характер оценочных лексем, специфичных для отрицательного вывода, говорит о прямолинейности, эксплицитности, категоричности, свойственной стилю русской научно-экспертной оценки.

В целом можно заключить, что наблюдается положительная корреляция между выбором тонально окрашенной лексики и заключительным оценочным выводом рецензента, более того, проведенный анализ показал, что семантизация и контекстуализация нейтрально окрашенной лексики в отрицательных контекстах индуцирует соответствующую оценку, что усиливает основание соответствия заключительному выводу рецензента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Chernyavskaya V.E.** To be or not to be critical in academic communication? Pragmatics of evaluative language in Russian academic book reviews // Training, Language and Culture. 2023. Vol. 7, Iss. 2. P. 55–63. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-55-63

2. **Чернявская В.Е.** Негативная оценка в российской научной рецензии: между критической рефлексией и ритуальным жанром (на материале рецензий на монографии по социологии 2015–2022 гг.) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 11. С. 1680–1698. DOI: 10.17516/1997-1370-0944

3. **Кондратенко П.И.** Лингвокультурные особенности оценивания в научно-экспертной коммуникации (на материале немецко- и русскоязычных лингвистических рецензий) // Terra Linguistica. 2022. Т. 13, № 2. С. 66–74. DOI: 10.18721/JHSS.13207

4. **Клочкова Е.С.** Коммуникативные стратегии в виртуальной научной дискуссии в условиях речевого конфликта // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 2. С. 78–84. DOI: 10.18721/JHSS.15207

5. **Беляева Л.Н., Камшилова О.Н.** Лексические характеристики научно-экспертной оценки в аспекте общего оценочного фона: корпусное исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21, № 4. С. 767–783. DOI: 10.21638/spbu09.2024.401

6. **Ларина Т.В.** Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии // Вопросы психолингвистики. 2019. Т. 1, № 39. С. 38–57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57

7. **Шаховский В.И.** Эмоциональная аргументация в научном дискурсе // Человек. Язык. Культура / отв. ред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. Кемерово; Волгоград: ВГСПУ, 2013. С. 163–168.

8. **Шаховский В.И.** Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 11–19.

9. **Kaltenbacher M.** Culture related linguistic differences in tourist websites: The emotive and the factual. A corpus analysis within the framework of appraisal // System and Corpus: Exploring connections / ed. by G. Thompson, S. Hunston. Bristol: Equinox, 2006. P. 269–292.

10. **Hyatt D.F.** Applying a Critical Systemic-Functional Literacy Frame in a UK Secondary Education Context // Advances in language and education / ed. by A. McCabe, M. O'Donnell, R. Whittaker. London: Continuum, 2007. P. 125–141.

11. **Hu M., Bing L.** Mining and summarizing customer reviews // KDD-2004: Proceedings of the Tenth ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining. Seattle WA, 2004, pp.168–177. DOI: 10.1145/1014052.1014073

12. **Kim S.-M., Hovy E.** Extracting opinions, opinion holders, and topics expressed in online news media text // Proceedings of the Workshop on Sentiment and Subjectivity in Text (SST '06). Sidney, 2006. P. 1–8. DOI: 10.3115/1654641.1654642

13. **Pang B., Lee L.** Opinion Mining and Sentiment Analysis // Foundations and Trends in Information Retrieval. 2008. Vol. 2, No. 1–2. P. 1–135. DOI: 10.1561/1500000011

14. **Pak A., Paroubek P.** Twitter as a Corpus for Sentiment Analysis and Opinion Mining // Proceedings of the Seventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC '10). Valetta, 2010. P. 1320–1326.

15. **Liu B.** Corpus-based Approach // Sentiment Analysis and Opinion Mining. San Rafael CA: Morgan & Claypool, 2012. P. 95–99.

16. **Upadhye A.** Sentiment Analysis using Large Language Models: Methodologies, Applications, and Challenges // International Journal of Computer Applications. 2024. Vol. 186, No. 20. P. 30–34. DOI: 10.5120/ijca2024923625

17. **Tupala M.** Applying quantitative appraisal analysis to the study of institutional discourse: the case of EU migration documents // Functional Linguistics. 2019. Vol. 6. Art. no 2. DOI: 10.1186/s40554-018-0067-7

18. **Баркович А.А.** Сентимент-анализ: лингвистический потенциал регламентации предобработки // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2, № 3. С. 116–123. DOI: 10.21603/2782-4799-2023-2-3-116-123

19. **Kotelnikov E., Peskisheva T., Kotelnikova A., Razova E.** A Comparative Study of Publicly Available Russian Sentiment Lexicons // Artificial Intelligence and Natural Language (AINL 2018) / ed. by D. Ustalov, A. Filchenkov, L. Pivovarova, J. Žižka. Cham: Springer, 2018. P. 139–151. DOI: 10.1007/978-3-030-01204-5_14

20. **Smetanin S.** Applications of Sentiment Analysis for Russian Language Texts: Current Challenges and Future Perspectives // IEEE Access. 2020. Vol. 8. P. 110693–110719. DOI: 10.1109/ACCESS.2020.3002215

21. **Кулагин Д.И.** Открытый тональный словарь русского языка КартаСловСент // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». 2021. Вып. 20. С. 1106–1119. DOI: 10.28995/2075-7182-2021-20-1106-1119

22. **Колмогорова А.В., Калинин А.А., Маликова А.В.** Лингвистические принципы и методы компьютерной лингвистики для решения задач сентимент-анализа русскоязычных текстов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 1 (29). С. 139–148. DOI: 10.29025/2079–6021-2018-1(29)-139-148

23. **Нефедов С.Т.** Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 4. С. 760–778. DOI: 10.21638/spbu09.2021.408

24. **Нефёдов С.Т., Чернявская В.Е.** Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 83–97. DOI: 10.17223/19986645/63/5

25. **Chernyavskaya V., Nefedov S.** Towards social Indexicality: From “Kollektiv” to “Team”. And back via Coronavirus Pandemic? // Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur. 2021. Iss. 46. P. 1–21. DOI: 10.26650/sdsl2021-990815

26. **Лукашевич Н.В., Левчик А.В.** Создание лексикона оценочных слов русского языка РуСентиЛекс // OSTIS-2016 (Open Semantic Technologies for Intelligent Systems). Минск, 2016. С. 377–382.

27. **Нефёдов С.Т.** Язык оценок: что говорят оценки об оценивающем субъекте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, № 4. С. 821–838. DOI: 10.21638/spbu09.2022.410

28. **Ларина Т.В., Озюменко В.И.** «Да, наверное, нет»: русское отрицание в сопоставлении с английским // La lengua y literatura rusasen el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas. T. 2. Granada, 2010. P. 1261–1267.

REFERENCES

[1] **Chernyavskaya V.E.,** To be or not to be critical in academic communication? Pragmatics of evaluative language in Russian academic book reviews, Training, Language and Culture, 7 (2) (2023) 55–63. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-55-63

[2] **Chernyavskaya V.Ye.,** Negative evaluation in Russian academic book review: across critical reflection and ritual genre (based on reviews of monographs on sociology in 2015–2022), Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 15 (11) (2022) 1680–1698. DOI: 10.17516/1997-1370-0944

[3] **Kondratenko P.I.,** Linguistic and cultural features of evaluation in academic expert com-munication (based on German and Russian academic reviews in Linguistics), Terra Linguistica, 13 (2) (2022) 66–74. DOI: 10.18721/JHSS.13207

[4] **Klochkova Ye.S.,** Communicative strategies in virtual scholarly conflict discussion, Terra Linguistica, 15 (2) (2024) 78–84. DOI: 10.18721/JHSS.15207

[5] **Belyayeva L.N., Kamshilova O.N.,** Lexical characteristics of scientific expert evaluation in the context of positive/negative review: a corpus study, Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 21 (4) (2024) 767–783. DOI: 10.21638/spbu09.2024.401

[6] **Larina T.V.,** Emotive Ecology and Emotive Politeness in English and Russian Blind Peer-review, Journal of Psycholinguistics, 1 (39) (2019) 38–57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57

[7] **Shakhovskiy V.I.,** Emotsionalnaya argumentatsiya v nauchnom diskurse [Emotional argumentation in scientific discourse], Chelovek. Yazyk. Kultura [Man. Language. Culture], ed. by V.V. Kolesov, M.V. Pimenova, V.I. Terkulov, VGSPU, Kemerovo, Volgograd, 2013, pp. 163–168.

[8] **Shakhovskiy V.I.,** Ecological Compatibility Mode in Emotional Communication, Russian Journal of Linguistics, 1 (2015) 11–19.

[9] **Kaltenbacher M.,** Culture related linguistic differences in tourist websites: The emotive and the factual. A corpus analysis within the framework of appraisal, System and Corpus: Exploring connections, ed. by G. Thompson, S. Hunston, Equinox, Bristol, 2006, pp. 269–292.

[10] **Hyatt D.F.,** Applying a Critical Systemic-Functional Literacy Frame in a UK Secondary Education Context, Advances in language and education, ed. by A. McCabe, M. O'Donnell, R. Whittaker, Continuum, London, 2007, pp. 125–141.

[11] **Hu M., Bing L.,** Mining and summarizing customer reviews, KDD-2004: Proceedings of the Tenth ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining, Seattle WA, 2004, pp.168–177. DOI: 10.1145/1014052.1014073

[12] **Kim S.-M., Hovy E.,** Extracting opinions, opinion holders, and topics expressed in online news media text, Proceedings of the Workshop on Sentiment and Subjectivity in Text (SST '06), Sidney, 2006, pp.1–8. DOI: 10.3115/1654641.1654642

[13] **Pang B., Lee L.,** Opinion Mining and Sentiment Analysis, Foundations and Trends in Information Retrieval, 2 (1–2) (2008) 1–135. DOI: 10.1561/1500000011

[14] **Pak A., Paroubek P.,** Twitter as a Corpus for Sentiment Analysis and Opinion Mining, Proceedings of the Seventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC '10), Valetta, 2010, pp. 1320–1326.

[15] **Liu B.,** Corpus-based Approach, Sentiment Analysis and Opinion Mining, Morgan & Claypool, San Rafael CA, 2012, pp. 95–99.

[16] **Upadhye A.,** Sentiment Analysis using Large Language Models: Methodologies, Applications, and Challenges, International Journal of Computer Applications, 186 (20) (2024) 30–34. DOI: 10.5120/ijca2024923625

[17] **Tupala M.,** Applying quantitative appraisal analysis to the study of institutional discourse: the case of EU migration documents, Functional Linguistics, 6 (2019) 2. DOI: 10.1186/s40554-018-0067-7

[18] **Barkovich A.A.,** Sentiment Analysis: Linguistic Potential of Preprocessing Regimentation, Virtual Communication and Social Networks, 2 (3) (2023) 116–123. DOI: 10.21603/2782-4799-2023-2-3-116-123

[19] **Kotelnikov E., Peskisheva T., Kotelnikova A., Razova E.,** A Comparative Study of Publicly Available Russian Sentiment Lexicons, Artificial Intelligence and Natural Language (AINL 2018), ed. by D. Ustalov, A. Filchenkov, L. Pivovarova, J. Žižka, Springer, Cham, 2018, pp. 139–151. DOI: 10.1007/978-3-030-01204-5_14

[20] **Smetanin S.,** Applications of Sentiment Analysis for Russian Language Texts: Current Challenges and Future Perspectives, IEEE Access, 8 (2020) 110693–110719. DOI: 10.1109/ACCESS.2020.3002215

[21] **Kulagin D.I.,** Publicly Available Sentiment Dictionary for the Russian Language KartaSlovSent, Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialog", 20 (2021) 1106–1119. DOI: 10.28995/2075-7182-2021-20-1106-1119

[22] **Kolmogorova A.V., Kalinin A.A., Malikova A.V.,** Linguistic Principles and Computational Linguistics Methods for the Purposes of Sentiment Analysis of Russian Texts, Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 1 (29) (2018) 139–148. DOI: 10.29025/2079–6021-2018-1(29)-139-148

[23] **Nefedov S.T.,** The variety of evaluation in communicative practices of academic discourse, Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 18 (4) (2021) 760–778. DOI: 10.21638/spbu09.2021.408

[24] **Nefedov S.T., Chernyavskaya V.Ye.,** Context in Linguistics: Pragmatic and Discourse Analytical Dimensions, Tomsk State University Journal of Philology, 63 (2020) 83–97. DOI: 10.17223/19-986645/63/5

[25] **Chernyavskaya V., Nefedov S.,** Towards social Indexicality: From "Kollektiv" to "Team". And back via Coronavirus Pandemic?, Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur, 46 (2021) 1–21. DOI: 10.26650/sdsl2021-990815

[26] **Lukashevich N.V., Levchik A.V.,** Creating Russian Sentiment Lexicon, OSTIS-2016 (Open Semantic Technologies for Intelligent Systems), Minsk, 2016, pp. 377–382.

[27] **Nefedov S.T.,** The language of evaluation: What the evaluation says about the evaluator. Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 19 (4) (2022) 821–838. DOI: 10.21638/spbu09.2022.410

[28] **Larina T.V., Ozyumenko V.I.,** "Da, navernoye, net": russkoye otritsaniye v sopostavlenii s angliyskim ["Yes, probably not": Russian negation compared to English], La lengua y literatura rusasen el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas, 2, Granada, 2010, pp. 1261–1267.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Беляева Лариса Николаевна
Larisa N. Beliaeva
E-mail: lauranbel@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8622-4595

Камшилова Ольга Николаевна
Olga N. Kamshilova
E-mail: onkamshilova@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1488-2206

Поступила: 24.04.2025; Одобрена: 14.06.2025; Принята: 30.06.2025.
Submitted: 24.04.2025; Approved: 14.06.2025; Accepted: 30.06.2025.

Terra Linguistica. 2025, Том 16, № 2. С. 22–40.
Terra Linguistica. 16 (2) (2025) 22–40.

Научная статья
УДК 81’22
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16202
EDN: https://elibrary/CWACXT

АНАЛИЗ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ В РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

И.А. Кагиров ✉ , **К.О. Киселева** , **И.С. Кипяткова**

Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ kagirov@iias.spb.su

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию переключения кодов в современной карельской речи (ливвиковское наречие), при этом основное внимание уделяется структурным, морфонологическим и прагматическим аспектам этого явления. Несмотря на общую изученность карельско-русского билингвизма в научной литературе, по-прежнему остается недостаточно описанным ряд вопросов о преобладающих типах переключений кодов, механизмах морфонологической адаптации элементов из русского кода-донора и их функциях в коммуникации. Цель данной работы – дополнить исследования по этой теме, предложив формальный анализ карельско-русской речи. Материалом исследования послужил корпус из 41 записи (3,6 часа) спонтанных нарративов, собранных коллективом авторов этой статьи в 2024–2025 годах. Общая трактовка явлений из области переключения кодов соответствует моделям Л. Юхансона и П. Мейскена, методология основана на формальном анализе распределения дискурсивных типов контекста, морфофонологических моделей встраивания элементов кода-донора их частеречных признаков. Результаты показали, что переключение кодов встречается в 65% высказываний, при этом основной стратегией переключения является инсерция. С точки зрения частеречной принадлежности копируемых единиц на первом месте оказываются существительные, демонстрирующие высокую степень глобального копирования. Глаголы и прилагательные, напротив, чаще адаптируются морфологически. Также анализ выявил наибольшую частоту переключений в комментариях и цитированиях, что, вероятно, связано с метатекстовыми функциями этих дискурсивных типов. Выводы подтверждают наблюдения о системном характере карельско-русского переключения кодов, однако окончательный вывод является предметом более широкого исследования в будущем. Исследование вносит вклад в изучение языковых контактов и проблему переключения кодов в условиях двуязычия доминантного типа.

Ключевые слова: карельский язык, ливвиковское наречие, переключение кодов, двуязычие, глобальное копирование, дискурсивный анализ, прибалтийско-финские языки.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РНФ (проект № 24-21-00276, https://rscf.ru/project/24-21-00276/).

Для цитирования: Кагиров И.А., Киселева К.О., Кипяткова И.С. Анализ переключения кодов в речи носителей карельского языка // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 2. С. 22–40. DOI: 10.18721/JHSS.16202

© Кагиров И.А., Киселева К.О., Кипяткова И.С., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Research article
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16202

CODE-SWITCHING ANALYSIS IN KARELIAN LANGUAGE SPEAKERS' SPEECH

I.A. Kagirov ✉ , **K.O. Kiseleva** , **I.S. Kipyatkova**

St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

✉ kagirov@iias.spb.su

Abstract. This paper addresses the code-switching phenomena in contemporary Karelian speech (Livvi dialect), focusing on their structural, morphophonological, and pragmatic aspects. While Karelian-Russian bilingualism has been widely studied, a range of key problems regarding code-switching patterns, mechanisms of morphophonological adaptation of donor-code elements, and their communicative functions remain understudied. This study addresses this gap by providing a formal analysis of Karelian-Russian code-switching. For this research, a corpus of 41 recordings (3.6 hours) of spontaneous narratives collected by the authors in 2024–2025 is used. The analysis follows Johanson's and Muysken's theoretical frameworks, employing formal analysis of the distribution of discursive context types, morphophonological models of embedding the elements of the donor code and their part-of-speech features. The results showed that code-switching occurs in 65% of utterances, with insertion as the dominant strategy; nouns show the highest frequency, exhibiting extensive global copying; verbs and adjectives demonstrate stronger morphological adaptation; switching peaks in metatextual discourse types (comments, quotations). The results confirm the systematic nature of Karelian-Russian code-switching, while suggesting need for broader investigation. The study contributes to contact linguistics by examining code-switching patterns in dominant-language bilingualism contexts.

Keywords: Karelian language, Livvi-Karelian dialect, code-switching, bilingualism, global copying, discourse analysis, Balto-Finnic languages.

Acknowledgements: This research is supported by the Russian Science Foundation (project № 24-21-00276, https://rscf.ru/en/project/24-21-00276/).

Citation: Kagirov I.A., Kiseleva K.O., Kipyatkova I.S., Code-switching analysis in Karelian language speakers' speech, Terra Linguistica, 16 (2) (2025) 22–40. DOI: 10.18721/JHSS.16202

Введение

Переключение кодов [1–4] является распространенным явлением в современной карельской речи, неоднократно привлекавшим внимание специалистов за последние несколько десятков лет. Наиболее значимым исследованием в этой области является [5], анализирующее взаимодействие тверского диалекта карельского языка и северо-западных русских диалектов. В частности, автор выделяет шесть идиомов, сформировавшихся в регионах сохранения карельской речи под влиянием переключения кодов. Также хорошо известно, что карельский язык, особенно в устной коммуникации, включает значительное количество русских заимствований, которые фактически становятся частью языковой системы [6].

Несмотря на существующие описания, карельско-русское переключение кодов остается недостаточно исследованным с точки зрения целого ряда аспектов [7, с. 1–6; 8, с. 348]. Прежде всего, отсутствует систематическое описание структурных закономерностей данного явления: не выявлены преобладающие типы переключений и их распределение в спонтанной речи. Кроме того, недостаточно исследованы механизмы морфонологической адаптации русских элементов при их копировании в карельский языковой код. Наконец, требует уточнения прагматический аспект, а именно функции переключений кода в различных коммуникативных ситуациях.

В настоящей статье изложены наблюдения над карельской речью именно с точки зрения вышеизложенных проблем. Основное внимание уделяется трем аспектам: структурной типологии

© Kagirov I.A., Kiseleva K.O., Kipyatkova I.S., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

переключений; особенностям фонетико-морфологической адаптации словоформ; корреляции между типами переключений и параметрами коммуникативной ситуации.

Сведения о карельском языке

Карельский язык относится к прибалтийско-финской ветви финно-угорской языковой семьи. Основной ареал распространения включает Республику Карелию, а также отдельные районы Тверской, Ленинградской и Мурманской областей [9–11].

В лингвистическом отношении карельский язык демонстрирует диалектное разнообразие. Так, выделяются три основные диалектные группы: собственно карельские говоры (включающие северные и южные диалекты, а также анклавные идиомы), ливвиковское и людиковское наречия. В современных карельских СМИ и печатных изданиях на сегодня наибольшее распространение получило ливвиковское наречие [12]. При этом общее число говорящих на карельском сокращается: согласно данным переписи 2020 года, в Карелии проживало около 26 тысяч носителей карельского языка (из которых 11 тысяч сообщили о владении карельским языком и только 7 тысяч сказали, что карельский является их родным языком)[1], что в два раза меньше цифр, зафиксированных в переписи 2002 года [10].

Морфологически карельский язык относится к агглютинативным с развитой системой апофонии. Именные части речи изменяются по 16 падежам и двум числам, глаголы спрягаются по лицам, числам, четырем временам и нескольким наклонениям. В синтаксисе базовым порядком слов является SVO, однако под влиянием контактов с русским языком высказывания на карельском часто демонстрируют свободный порядок слов. Лексика включает как исконную прибалтийско-финскую основу, так и значительный пласт русских заимствований. Помимо русского языка, важным источником заимствований является (в том числе, в рамках стандартизации литературной нормы) финский язык [13, с. 707].

Описание корпуса

Материалом для настоящего исследования послужил корпус спонтанной карельской речи, собранный в 2024–2025 годах в рамках проекта по созданию системы автоматического транскрибирования карельского языка [14][2]. Материалы состоят из 41 записи спонтанных нарративов от носителей карельского языка на относительно узкий круг тем, например факты из биографии, особенности профессии или воспоминания о значимых периодах жизни информантов. Общая длительность записей составляет 3,6 часов. Запись производилась в форме индивидуальных бесед, где интервьюер, являющийся носителем карельского языка, задавал стимулирующие вопросы на карельском языке, однако в процессе общения допускалось свободное переключение на русский. Несмотря на то, что все информанты являются носителями карельского языка, они не используют его в повседневной коммуникации в силу текущей социолингвистической ситуации в Республике Карелии. Несмотря на это обстоятельство, все дикторы продемонстрировали способность к порождению текстов на карельском (с разной степенью частоты переключений на русский). Интервьюер, выступавший в роли инициатора беседы, также являлся носителем карельского языка, что способствовало созданию естественной коммуникативной ситуации. Отбор материала проводился на основе критериев, обеспечивающих релевантность для изучения переключения кодов: в корпус включались записи спонтанных нарративов от носителей карельского языка, способных к продуцированию текстов на карельском (даже при разной степени частоты переключений на русский) на заданную тематику.

[1] Федеральная служба государственной статистики. Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 12.05.2025).

[2] https://github.com/IrinaKipyatkova/KarRusCoS.

Ниже, в табл. 1, приведены метаданные, включающие в себя пол информантов, общее количество высказываний, а также информацию о тематике нарративов. Все записи были расшифрованы экспертом-носителем карельского языка и разбиты по высказываниям.

Таблица 1. Информация о дикторах и тематиках нарративов[3]
Table 1. Information about the speakers and the subjects of the narratives

Диктор	Пол	Кол-во высказываний	Тематика нарративов
speaker_08	муж	21	рассказ о профессии
speaker_17	муж	134	автобиография
speaker_18	жен	69	история создания музея
speaker_19	муж	77	рассказ о профессии
speaker_20	жен	105	рассказ о профессии и эпизоды из автобиографии
speaker_21	муж	205	краеведческий рассказ и автобиография
speaker_22	муж	108	рассказ о профессии
speaker_23	жен	148	автобиография
speaker_24	муж	111	автобиография
speaker_25	муж	114	рассказ о профессии
speaker_26	жен	195	автобиография и рассказ о профессии
speaker_27	муж	110	автобиография
speaker_28	муж	126	автобиография и рассказ о жизни в деревне
speaker_29	жен	62	рассказ о профессии
speaker_30	жен	48	автобиография
speaker_31	жен	41	эпизод из автобиографии
speaker_32	жен	55	нарратив на бытовые темы
speaker_33	жен	62	нарратив на бытовые темы
speaker_34	муж	89	рассказ о профессии
speaker_35	жен	118	автобиография
speaker_36	жен	156	автобиография с рассуждениями на отвлеченные темы
speaker_37	муж	103	автобиография и рассказ о профессии
speaker_38	муж	58	краеведческий рассказ
speaker_39	жен	216	автобиография
speaker_41	муж	34	рассказ о профессии
speaker_42	жен	48	краеведческий рассказ
speaker_43	жен	71	автобиография
speaker_44	жен	89	рассказ о профессии и воспоминания об отце
speaker_45	жен	31	автобиография
speaker_46	муж	28	автобиография
speaker_47	жен	65	автобиография
speaker_48	жен	28	автобиография
speaker_49	муж	22	автобиография
speaker_50	жен	43	рассказ о профессии
speaker_51	жен	58	автобиография
speaker_52	жен	56	автобиография

[3] Нумерация информантов в данном корпусе продолжает нумерацию, принятую в ранее собранном корпусе, который включал записи, выполненные в иных экспериментальных условиях (с другими стимулами и в другой обстановке).

Окончание таблицы 1

Диктор	Пол	Кол-во высказываний	Тематика нарративов
speaker_53	муж	65	автобиография (рассказ о войне) с рассуждениями на отвлеченные темы
speaker_54	жен	50	рассказ о болезни
speaker_55	жен	38	автобиография
speaker_56	жен	46	автобиография
speaker_57	жен	12	автобиография
		Всего: 3587	

При транскрибировании и морфологической разметке особое внимание уделялось словоизменительным аффиксам, присоединяемым к заимствованным основам. В некоторых из представленных показателей (-at, -an, -as, -ua и др.) собственно окончание с точки зрения карельской морфологии представлено только финальным согласным или гласным (-t, -n, -s, -a), а гласный перед ним является формативом. Например, в экскурсовод/at гласный /a/ не входит в состав окончания, а является морфологически обусловленным сегментом (иначе говоря, вариантом гласной основы), возникающим при присоединении карельского окончания. Разметка показателей проводилась по данной модели с целью явного выделения момента присоединения карельского морфологического материала к русской лексической основе.

Методика исследования

Анализ переключения кодов представляет собой нетривиальную задачу, требующую учета множества факторов: социолингвистического контекста, коммуникативных функций, структурных характеристик высказываний, степени интеграции элементов одного языка в другой и тому подобных явлений. На практике конкретный способ исследования переключения кодов чаще всего обусловлен кругом задач, обозначенным в каждом конкретном исследовании. Разные исследователи предлагают различные критерии разграничения этих явлений – от психолингвистических и социолингвистических до чисто формальных. В данной работе представляется целесообразным опираться, прежде всего, на формальные критерии из области синтаксиса и морфонологии, поскольку они позволяют анализировать языковые факты без обращения к трудно верифицируемым факторам из области психо- и социолингвистики. Единственным сознательным отступлением от этого подхода является анализ переключения в зависимости от дискурсивных типов контекста (см. ниже, раздел «Классификация данных»).

Это решение заслуживает отдельного пояснения. В самом деле, отказ, например, от социолингвистических аспектов переключения кодов существенно ограничивает исследование с точки зрения полноты интерпретации данных. Однако для качественного анализа собранного корпуса требуются, прежде всего, тщательная систематизация и количественное описание структурных закономерностей переключения кодов в собранных данных. Этот подход, таким образом, позволяет представить языковой материал, опираясь на четко наблюдаемые и формализуемые характеристики, что, разумеется, не отменяет возможности более сложных интерпретаций, учитывающих социо- и психолингвистические аспекты.

В современной литературе о переключении кодов в принципе существует проблема четкой терминологии, в частности определение самого явления переключения кодов и отмежевание его от смежного понятия смешения кодов[4]. Поскольку авторы этой статьи не ставят перед собой фундаментальной задачи определения типов мены кода и языковой интерференции, вопросы

[4] Русаков А.Ю. Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе): дисс. … д-ра филол. наук. СПб., 2004; Муслимов М.З. Языковые контакты в Западной Ингерманландии: Нижнее течение реки Луги: дисс. … канд. филол. наук. СПб., 2005; Мутылина А.Ю. Русско-китайское внутрифразовое переключение и смешение кодов: дисс. … канд. филол. наук. Владивосток, 2012.

терминологии в основном были оставлены за рамками исследования. Стоит все же заметить, что в настоящем исследовании механизмы переключения кодов анализируются в терминах модели Л. Юхансона [15] с привлечением модели П. Майскена [16]. Согласно Юхансону, процесс переключения кодов предполагает взаимодействие двух основных компонентов: кода-донора и кода-реципиента, при этом основным механизмом переключения является «копирование», то есть имитация элементов одного кода (код-донор) другим (код-реципиент). При этом принципиально важным является различение глобального и селективного копирований. Глобальное копирование предполагает воспроизведение целостных сегментных единиц – от отдельных фонем до высказываний – с сохранением их исходной семантики. Примером может служить «арендатор/at omua ruaduo ruatah» («арендаторы делают свою работу»)[5], где русская основа «арендатор-» сохраняет свое значение, но подчиняется синтаксическим и морфологическим правилам карельского языка, получая соответствующее морфосинтаксическое оформление.

Селективное копирование, напротив, затрагивает несегментные аспекты языка, включая грамматические структуры, фонологические особенности и семантические модели. Например, заимствования в карельский язык из русского зачастую сохраняют русскую фонологию: произношение /ы/ по русскому образцу, появление звука /щ/ в заимствованных словах, сохранение русского словесного ударения и частичное отсутствие дифтонгизации [12, с. 38; 17].

Помимо типов копирования, полезно различать структурные типы переключений кодов вслед за П. Майскеном [16]: инсерцию и альтернацию. Под инсерцией понимается копирование элементов кода-донора в морфосинтаксическую рамку кода-реципиента (см. рассмотренный выше пример «арендатор/at omua ruaduo ruatah»). Наоборот, альтернация – это (равноправное) чередование сегментов разных языков, каждый из которых сохраняет свои грамматические и синтаксические особенности. В отличие от инсерции, при альтернации сложно однозначно идентифицировать код-донор и код-реципиент. С формальной точки зрения для альтернации характерны паузы, хезитации, самоисправления и т.п. Кроме того, П. Майскен говорит о конгруэнтной лексикализации, характеризующейся большим количеством диаморфов (межъязыковых омонимов) и фактически указывающей на объединение двух языковых систем в одну с относительно случайным заполнением новой гибридной структуры элементами из обоих языков.

Еще одним аргументом в пользу подхода Майскена является, в частности, тот факт, что для ряда современных прибалтийско-финских языков, существующих в условиях контакта с русским, характерна высокая степень взаимодействия с доминантным кодом (русским), чье проявление выходит за рамки простого включения иноязычных элементов в матричный язык. Примеры согласования между разноязычными компонентами, в том числе по роду и падежу, указывают на формирование своего рода гибридной системы, где языки сливаются в единую структуру. Модель Майскена, с ее категориями альтернации, инсерции и особенно конгруэнтной лексикализации, позволяет адекватно представлять эти типы взаимодействия[6].

В исследовании [18] явления, связанные с переключением кодов, дополнительно анализируются по следующим формальным основаниям: вставка двух и более знаменательных слов; вставка служебного слова; «параллельное» употребление знаменательного слова с переключением; окказиональные заимствования. Авторы упомянутой статьи эксплицитно сообщают: они преследуют исключительно дескриптивные задачи, что очевидным образом и обусловило формальность выбранного им подхода. Вместе с тем представляется, что различение инкорпорированных знаменательных и служебных слов является совершенно оправданным. Так, согласно модели матричного языка К. Майерс-Скоттон [4], именно функциональная асимметрия системных и знаменательных морфем обусловливает структурную устойчивость высказываний

[5] В рамках настоящей статьи для удобства читателя было принято решение использовать знак косой черты (/), отграничивающий единицы, принадлежащие разным идиомам, в тех случаях, когда подробное глоссирование представляется излишним.

[6] Муслимов М.З. Языковые контакты в Западной Ингерманландии: Нижнее течение реки Луги: дисс. … канд. филол. наук. СПб., 2005.

при внутрифразовом переключении кодов. Жесткая привязка системных морфем к матричному языку создает грамматический каркас, обеспечивающий целостность языковой конструкции, тогда как относительная мобильность знаменательных морфем позволяет свободно интегрировать лексические единицы из встроенного языка.

Другим параметром классификации, также примененным в [18], является тип дискурсивного режима. При этом в качестве основы может быть использована классификация В.А. Плунгяна (с опорой на исследования П. Хоппера, С. Флейшман, Р. Лонгейкра и др.) с некоторыми модификациями. Основной идеей этого подхода является наблюдение о том, что каждому типу текста соответствуют своя дискурсивная функция и, следовательно, свой набор специализированных (грамматических) средств. Несмотря на то, что в оригинальной работе [19] речь идет в первую очередь о грамматических значениях из глагольной области, анализ типа дискурса может оказаться полезным и для задач, обозначенных во введении к настоящей статье. В последующих разделах будет исследована корреляция между следующими типами контекста и частотой переключений кодов:

1) Зачин, или интродуктивный тип дискурса, – включает экспозицию, раскрывающую предшествующие события и представляющую основных участников повествования:

(1) Karjal-an	mies	ole-n	rodi-i-mos
Карелия-GEN[7]	человек; NOM	быть; PRES-1SG	рождаться-PST-1SG
в Олонецком районе деревня Коткозеро			Kotkatjärve-s
{RUS}			Коткозеро-INE

‘Я – карел. Родился {в Олонецком районе, деревня Коткозеро}$_{RUS}$, в Коткозере’.

2) Секвенциальный тип дискурса – отражает последовательную смену ключевых эпизодов, составляющих основную сюжетную линию:

(2) täs	on	minä	täs	on
здесь	быть; 3SG	1SG; NOM	здесь	быть; 3SG
minu-n	заместител-u	sit	следовател-ät	olla-h,
1SG-GEN	заместитель-NOM	потом	следователь-PL; NOM	быть-3PL
sit	розыск-aspäi	miehe-t	sit	ГАИ-späi
потом	розыск-ELA	человек-PL; NOM	потом	ГАИ-ELA

‘Тут есть я, тут есть мой заместитель, потом следователи есть, потом люди из розыска, потом из ГАИ’.

3) Ретроспективный тип дискурса – содержит описание второстепенных обстоятельств, сопутствующих основному действию, но не являющихся его центральной частью:

(3) lopi-i-n	škola-n	jälles	эээ	opastu-i-n
заканчивать-PST-1SG	школа-ACC	потом	эээ	учиться-PST-1SG
lopi-i-n	речно-in	училищ-an		речное училище
заканчивать-PST-1SG	речной-ACC	училище-ACC		{RUS}

‘Закончил школу. Потом эээ учился, закончил речное училище, {речное училище}$_{RUS}$’.

[7] Список глосс в конце статьи.

4) Комментарий – предполагает оценочные или аналитические суждения рассказчика, объясняющие или интерпретирующие события. В собранном материале к комментариям относятся также (многочисленные у ряда информантов) обращения к интервьюеру:

(4) yksikai	minu-l	нравится	
все равно	1-ALL	{RUS}	
это наверно в крови	miu-n	ol-i	*tämä*
{RUS}	1-GEN	быть-PST.3SG	DEM

‘Все равно мне {нравится. Это, наверно, в крови}$_{RUS}$ у меня было это’.

5) Цитирование – воспроизведение прямой или косвенной речи персонажей или других участников коммуникации:

(5) ol-i	sie	viije-s	koht-u	
быть-PST.3SG	там	пять-ADJZ.NOM	место-NOM	
viiz	пункт-u	kanzallisuus		
пять	пункт-NOM	национальность;NOM		
kač-čou	kač-čou	ga	ole-t=go	karjalaine
смотреть-PRES.3SG	смотреть-PRES.3SG	так	быть-2SG=Q	карел; NOM

‘Там была пятая графа, пункт пять, национальность. Смотрит, смотрит: «Так ты карел?»’.

6) Концовка – завершающий элемент нарратива, сигнализирующий о его окончании и подводящий итог:

(6) ну вот, а и мама	sinne	läht-i	käy-mäh
{RUS}	туда	отправиться-PST.3SG	ходить-3INF.ILL
a	minä	jä-i-n	baba-n
{RUS}	1SG; NOM	остаться-PST-1SG	бабушка-GEN
da	diedi-n	kel	täh
и	дедушка-GEN	вместе.с	сюда

‘{Ну вот, а и мама}$_{RUS}$ туда отправилась, {а}$_{RUS}$ я осталась тут с бабушкой и дедушкой’.

Другой проблемой, актуальной при анализе билингвальных данных, является дифференциация между переключением кодов и заимствованиями лексики. В рамках настоящего исследования любое копирование знаменательных морфем и морфемных комплексов рассматривалось как переключение кодов. Причиной является то, что критерий морфологической адаптации (заимствованные лексемы подчиняются морфосинтаксическим правилам языка-реципиента, в то время как при переключении кодов может сохраняться исходная морфология) не всегда позволяет отличить заимствование от вкрапления словоформ. Например, русское слово «солярка» в карельской речи может выступать и как нативизированное заимствование (kuuzi pučči солярки/а, «шесть бочек солярки»), и как формальная альтернация («солярка»).

Вместе с тем в рамках настоящего анализа учитывается также степень укорененности заимствованного элемента. Слова, закрепившиеся в системе карельского языка, частотные во всех идиомах и зачастую внесенные в лексикографические работы, не рассматриваются как примеры переключений кодов.

Классификация данных

В собранных данных переключение кода с карельского на русский представлено в чуть больше чем в 65% высказываний (2334 высказывания из 3587 содержат переключение). Основным языком текстов был карельский, и абсолютно все случаи переключений можно идентифицировать как переключение с карельского языка на русский. В том случае, если информант переходил на русский язык, он, как правило, обходился без переключения на карельский.

В табл. 2 обобщены данные по переключению кодов, содержащиеся в собранном корпусе, с точки синтактико-морфологической типологии копируемых единиц: от отдельных словоформ до завершенных высказываний.

Таблица 2. Структурная типология переключения кодов
Table 2. Structural typology of code switching

Фраз, всего	Фраз с переключением кодов	Вставка отдельной словоформы	Вставка цепочки словоформ	Полные высказывания
3587	2334	1514	1369	158

Вставка отдельной словоформы. Ниже, в табл. 3, представлена статистика по отдельным словоформам («вкрапления» по [20]).

Таблица 3. Изолированные словоформы в корпусе
Table 3. Isolated word forms in the corpus

Часть речи	Общее кол-во слов	Процент от общего количества изолированных вставок	Словоформы с глобальным копированием	Процент случаев глобального копирования
имена существительные	602	40%	440	73,09%
имена собственные	88	5,8%	40	45,45%
глаголы	143	9,5%	105	73,43%
имена прилагательные	114	7,5%	105	92,11%
имена числительные	10	0,6%	8	80,00%
наречия	44	2,9%	--	0%
предлоги	4	0,2%	--	0%
союзы	19	1,2%	--	0%
междометия	5	0,3%	--	0%
частицы	13	0,9%	--	0%
местоимения	4	0,3%	1	25,00%
вводные слова	2	0,1%	--	0%

Существительные как ядерный класс лексики демонстрируют закономерно высокую частоту переключений в условиях языкового контакта, что хорошо отражается в собранных данных (45,5% случаев с учетом имен собственных) и не противоречит картине, обычно наблюдаемой при изучении переключения кодов в языках мира [21, с. 66ff].

Большая часть имен собственных принадлежит или к топонимам, или к антропонимам. Отличительной особенностью антропонимов является практически полное отсутствие какой-либо нативизации: они сохраняют русскую морфологию и фонетический облик. Единственным исключением являются фамилии («Лёвуина/l», «Дубинин/at»). Топонимы в половине случаев (12 из 24) обнаруживают нативизированную форму: «Видлица/s», «Крым/ah», чаще всего присоединяя показатели инессива (-h/-ah/-es) и элатива (-späi).

Нарицательные существительные обнаруживают высокий уровень селективного копирования – 73,09% от общего числа слов данной категории. При лексическом анализе заимствованных существительных можно выделить несколько семантических групп. Наиболее многочисленную категорию составляют социально-административные термины, зачастую относящиеся к историческим реалиям (около 30%): «дружинник», «комсомольцы», «председатель». Вторую группу составляют имена существительные, относящиеся к экономике и хозяйственной деятельности (около 25%): «инструмент», «нарсуд» и т.п. Научная и образовательная терминология составляет около 20% заимствований: «одноклассник», «школьник». Лексика, относящаяся к бытовой сфере, составляет около 15% случаев копирования («носки/i», «ларьк/at»).

Глаголы демонстрируют 143 случая копирования из русского в карельский код, что составляет 9,5% от общего числа анализируемых примеров. Из них в 105 случаях, или в 73,43%, к русским глагольным основам присоединяются карельские показатели.

Прилагательные обнаруживают несколько меньший процент переключений – 114 случаев (7,5%), однако степень их морфологической интеграции существенно выше. В абсолютном выражении количество примеров с карельскими окончаниями совпадает с глаголами (105 случаев), но в процентном соотношении это составляет 92,11% от всех случаев переключений для прилагательных.

Несмотря на относительно редкое использование числительных (как порядковых, так и количественных), можно сделать предположение о том, что вероятность их копирования возрастает по мере увеличения числового значения. Исключения составляют заимствованные устойчивые выражения или имена собственные (например, «восьм/oi марта» или «восьмилетн/öit školat»).

Цепочки словоформ. В 11% контекстов (150 из 1369, см. табл. 2) употребляются дискурсивные маркеры и модальные частицы, самыми частотными из которых являются «ну вот» (27 случаев), «в общем» (21 случай) и модальная частица «ну» (67 случаев):

(7) ну и	opastundu-a	конечно и	спортивно-loi-l	dielo-loi-l
{RUS}	учеба-PART	{RUS}	спортивный-PL-ADE	событие-PL-ADE

‘{Ну и}RUS учеба, {конечно, и}RUS на спортивные мероприятия...’

Атрибутивные конструкции типа «существительное + прилагательное» реализуются через стандартные модели согласования по падежу и числу: «речное училище», «богат/oi стенд/oinke». Конструкции «существительное + существительное» представлены преимущественно родительным падежом с атрибутивной функцией: «День инвалидов», «метод самоуправления», «заместитель директора».

Инфинитивные сочетания представлены частотными в разговорной речи конструкциями с предикативами: «надо выйти», «можно сказать». Союзные конструкции представлены преимущественно сочинительными союзами («и», «а», всего 181 пример).

К наиболее употребительным синтаксическим конструкциям в собранном материале относятся предложные группы (245 примеров, всего 18%), при этом именная составляющая может быть как нераспространенной («на самообслуживании»), так и управлять атрибутивной или адъективной группой («на Беломоро-Балтийском канале», «в конце мая»). Глагольные группы (как финитные формы, так и инфинитивы) представлены преимущественно моделями с прямым

дополнением в винительном падеже: «мероприятие/t проводим», «георгин/at разделить», «квартиру дали».

Корреляция между типом дискурса и переключением кодов. Можно сделать некоторые обобщения относительно корреляции переключения на русский язык и дискурсивного типа текста. В табл. 4 приведена информация о количествах переключений по типу дискурса.

Таблица 4. Корреляция типа дискурса и переключения кодов
Table 4. Correlation of the type of discourse and code switching

Тип дискурса	Доля в общем объёме	Кол-во фраз	Кол-во переключений	Коэффициент
Зачин	7,5%	270	252	0,93
Секвенциальный	25,3%	909	1117	1,23
Ретроспекция	51%	1830	2085	1,14
Комментарий	8,1%	291	422	1,45
Цитирование	6,4%	231	254	1,10
Концовка	1,5%	56	62	1,08
Итого	***100%***	***3586***	***4192***	

Анализ распределения переключения кодов в различных типах дискурса удобно представлять при помощи коэффициента соотношения числа переключений кода к числу речевых фрагментов. Этот коэффициент высчитывается делением числа переключений на число фрагментов, относящихся к тому или иному дискурсивному типу. Так, коэффициент 0,5 может означать, что на десять проанализированных речевых фрагментов приходится пять переключений кода.

Наибольшее значение коэффициента обнаруживается для комментариев, где средний коэффициент составляет 1,45. Секвенциальный дискурс демонстрирует коэффициент 1,23, что указывает на частую смену кодов даже при линейном изложении. Ретроспекции характеризуются показателем 1,14, тогда как зачины и концовки проявляют меньшую устойчивость с коэффициентами 0,93 и 1,08 соответственно, демонстрируя вариативность в использовании переключения на границах нарратива.

Наибольшая плотность переключений в комментариях объясняется прагматикой подобных речевых фрагментов. Будучи мета-высказываниями, они включают обращения, оценки и пояснения, что требует постоянного переключения между разными регистрами речи и, соответственно, кодами:

(8) minä	ole-n	знахарь
1SG	быть; PRES-1SG	{RUS}
minä	лечейнием (sic!) занимаюсь с шестнадцати лет	
1SG	{RUS}	
minä	щас пидисять (sic!) семь будет в августе	
1SG	{RUS}	

‘Я – {знахарь}$_{RUS}$. Я {лечением занимаюсь с шестнадцати лет}$_{RUS}$. Я, {щас пидисять семь будет в августе}$_{RUS}$’.

При цитировании характер переключения существенно варьирует в зависимости от типа цитируемого источника. При воспроизведении речи официальных лиц вероятность переключения кодов очень высока, и такие переключения выполняют не только воспроизводящую, но

и оценочную функцию, подчеркивая дистанцию между обыденной и официальной коммуникацией:

(9) myö	sano-u	tei-dy	самолет-as	heitä-mmö
1PL; NOM	сказать-PRES.3SG	2PL-PART	самолет-INE	бросить-1PL
meççä-h	и	sano-u	на выживаемость проверим	
лес-ILL	{RUS}	сказать-PRES.3SG	{RUS}	
tei-dy	как вы сумеете справиться			
2PL-PART	{RUS}			

‘Мы, говорит, вас на самолете в лес забросим и, говорит, {на выживаемость}$_{RUS}$ проверим вас, {как вы сумеете справиться}$_{RUS}$’.

(10) minä	sano-i-n
1SG; NOM	сказать-PAST-1SG

для трудновоспитуемых по решению райкома вы должны финансировать две тысячи пятьсот рублей в месяц.
{RUS}

Я сказал: {«Для трудновоспитуемых по решению райкома вы должны финансировать две тысячи пятьсот рублей в месяц»}$_{RUS}$’.

В случае цитирования бытовой речи или неофициальных высказываний характер переключения меняется: скорее, переключение кодов преследует цель наиболее точного воспроизведения чужой речи, однако при этом переключение на русский происходит далеко не всегда. Подобные переключения служат, прежде всего, целям драматизации повествования, делая его более наглядным и экспрессивным (см. также пример (5)):

(11) Pavši	kusbo	on	vazaraine
Паша; NOM	где	быть; PRES; 3SG	молоток; NOM
Pavši	отвечает по-русски		
Паша; NOM	{RUS}		

‘Паша, где молоток? – Паша {отвечает по-русски}$_{RUS}$...’

Несмотря на различия в механизмах, можно констатировать функцию переключения кодов как средства маркировки чужой речи. Тем не менее выбор переключения определяется характером цитируемого источника и коммуникативными целями говорящего.

Секвенциальный дискурс, как и ретроспекции, несмотря на кажущуюся линейность, также демонстрируют устойчиво высокий показатель переключения кодов, что, по-видимому, можно объяснить необходимостью организации связного повествования: при последовательном изложении событий говорящий вынужден маркировать переходы между эпизодами, менять перспективу или степень детализации, что сопровождается сменой языковых средств.

Что касается зачинов и концовок, то эти элементы дискурса более вариативны: одни информанты используют их как четкие маркеры границ повествования, другие без них обходятся. В отличие от комментариев или ретроспекций, зачины и концовки реже требуют одновременного совмещения разных планов повествования. Так, комментарии предполагают постоянные переходы между основной мыслью и пояснениями говорящего, а ретроспекции – между временными планами. Граничные же элементы дискурса выполняют, прежде всего, структурную функцию, обозначая начало или завершение повествования. Их содержание чаще всего однородно: они либо продолжают основную линию повествования, либо подводят итог, поэтому необходимость в переключениях кодов здесь возникает реже.

В целом интродуктивные контексты и концовки в собранном материале не являются однозначно маркированными с точки зрения переключения кодов. О какой-либо корреляции можно говорить только в том смысле, что для некоторых информантов характерны зачины и концовки без переключения кодов (см. также пример (1)):

(12) minä	opastu-i-n	Kotkatjärve-n	škola-s
1SG; NOM	учиться-PAST-1SG	Коткозеро-GEN	школа-INE
lopi-i-n	kymmene	kruassu-a	
заканчивать-PST-1SG	десять	класс-PART	

в тыщща (sic!) девятьсот семсять (sic!) первом году
{RUS}

‘Я учился в Коткозерской школе. Окончил десять классов {в 1971 году}$_{RUS}$’.

В то же время другие информанты достаточно стабильно используют русские вводные обороты при переходе к новому смысловому отрезку или при его завершении:

(13) Это было двадцать седьмого мая, вот так.
А двадцать второго началась война.

(14) a	konzu	enzikerran	häi	tul-i
{RUS}	когда	первый раз	3SG; NOM	приходить-PST; 3SG
поздравляй-mah	да и	myö	häne-n	ker
поздравлять-3INF.ILL	{RUS}	1PL;NOM	3SG-GEN	вместе.с
onnakko	kä-i-mmö	до слёз дах... доводит, доходят, вот так		
однако	ходить-PST-1PL	{RUS}		

‘{А}$_{RUS}$ когда он первый раз пришел поздравлять, да и мы с ним, однако, ходили. {До слёз дах.., доводит, доходят, вот так}$_{RUS}$’.

Обсуждение

В проанализированном в предыдущих разделах материале на себя обращает внимание, прежде всего, то обстоятельство, что, несмотря на высокую частоту переключений с карельского

на русский, в текстах практически отсутствуют альтернационные пассажи, в которых и русский, и карельский языки выступают как два равнозначных кода.

Так, всего было насчитано 158 законченных высказываний на русском языке, что составляет немногим менее 4,5% от общего количества высказываний в корпусе. Следует констатировать, что на данный момент авторы настоящего исследования не обладают достаточным количеством материала для выводов из анализа дистрибуции этих высказываний, то есть в целом не удалось обнаружить устойчивой корреляции между переходом на русский язык и какими-либо факторами. Единственным исключением являются два типа контекстов, в которых вероятность появления законченного высказывания достаточно высока: это цитирования и концовки. Однако если прагматическая роль переключения на русский язык при цитировании в целом ясна (см. предыдущий раздел), то причины этого явления в концовках пока что остаются непонятными. Можно осторожно предположить, что переход на русский язык сигнализирует о том, что информант устал от порождения текста на карельском языке и обозначает свое желание перейти на более комфортный для него русский, но это предположение требует тщательной проверки.

В тех случаях, когда переключение кодов реализуется в виде цепочек словоформ (но не законченных высказываний), можно отметить, что чаще всего употребление более чем одной словоформы из русского языка связано или с тем, что эти словоформы функционируют как одна непосредственная составляющая (чаще всего предложная или именная группа), или с тем, что одна из словоформ представляет собой дискурсивный маркер, сфера действия которого распространяется на все высказывание. В целом стоит отметить преобладание дискурсивных маркеров над распространенными вводными конструкциями и их частотность, что демонстрирует роль русского языка как средства организации карельской речи.

Частеречный анализ отдельных вкраплений ожидаемо выявил преобладание знаменательной лексики над служебными элементами. Высокая доля переключений в данном случае объясняется традицией формирования официальной и административной терминологии на русском языке, а также длительным функционированием социальных структур в русскоязычном контексте.

Высокий процент нативизации прилагательных и глаголов можно объяснить, прежде всего, «синтаксической» ролью морфологических категорий, которые выражаются в их составе. Стратегия присоединения карельских окончаний к прилагательным направлена на встраивание русской словоформы в карельский контекст (например, в атрибутивной позиции), что требует их согласования с определяемым существительным. Часть глагольных форм является инфинитными, обнаруживая показатели инфинитива в падежных формах («тревоужи/mah») или окончания причастий («выступай/ччi»); остальные случаи – это финитные формы глагола, чаще всего в форме 3PL.

Основной механизм внутрисловной морфонологической адаптации охватывает существительные, прилагательные, числительные и глаголы и предполагает заимствование русской производящей основы с присоединением карельских слово- и формоизменительных аффиксов. К последним относятся -at (180 случаев, 17%), -oi (171, 16%), -u (137, 13%), -ua (113, 10%), -as (92, 8%), -an (90, 8%), -ii (71, 6,5%), -al (71, 6,5%), -oit (69, 6%), -ttih (59, 5%) и др. Эти аффиксы относятся к глагольному и именному словоизменению, в том числе оформляя нефинитные формы глагола.

Важно отметить, что в некоторых из представленных показателей (-at, -an, -as, -ua и др.) собственно окончание с точки зрения карельской морфологии представлено только финальным согласным или гласным (-t, -n, -s, -a), а гласный перед ним является формативом. Например, в экскурсовод/at гласный /a/ не входит в состав окончания, а является морфологически обусловленным сегментом (иначе говоря, вариантом гласной основы), возникающим при присоединении карельского окончания.

В целом процесс морфонологической адаптации русских основ характеризуется рядом преобразований:

1) геминацией конечных согласных, с наибольшей частотностью реализующейся для /k/ и /t/ (ср. сокк/ua, практикк/ua, сократти/e), и значительно реже – для /s/ (космосс/ah);

2) количественным удлинением гласных в ударных слогах (культуур/ua, подруург/ua);

3) дифтонгизацией гласного в последнем слоге основы (атлеттиекк/u, сигнуал/an) или ударного внутри корня (кроулиекк/ua).

При этом акцентная структура заимствуемых лексем сохраняет исходные параметры, не подвергаясь редукции по модели карельской просодической системы, где ударение тяготеет к началу слова. Гармония гласных, характерная для прибалтийско-финских языков, также не наблюдается.

Несмотря на наличие в карельском парных вариантов окончаний (-at/-ät, -oi/-öi), в наблюдаемом материале выбор формы не зависит от фонологического состава заимствуемой русской основы. В подавляющем большинстве случаев используется форма с гласным заднего ряда (-at, -oi), даже при наличии в основе переднеязычных гласных (вечер/at, цвет/at, медн/oi). И напротив, показатель -späi в корпусе представлен исключительно в этом виде: варианты с гласной /a/ (spai) практически не фиксируются. Такая дистрибуция может объясняться отсутствием палатализации в русских основах и предпочтением артикуляционно более устойчивых сочетаний.

Наибольшая регулярность морфонологической адаптации наблюдается у глагольных основ. Во всех зафиксированных случаях карельские аффиксы присоединяются к русской основе настоящего времени: рисуй/ttih (3 л. мн. ч. прош. вр.), при этом рефлексивный показатель -сь/-ся устраняется перед адаптацией: старай/ttih. Выбор варианта карельского показателя определяется финалью русской основы. В данных выделяются два типа основ: оканчивающиеся на гласный или согласный и оканчивающиеся на /j/. В первом случае используются окончания -n, -t, -mmo и др., во втором – их алломорфы -čen, -čet, -čemmo.

В сфере словоизменения имен прилагательных наиболее продуктивной моделью оказывается присоединение окончания -oi к русской формообразовательной основе: настоящ/oi, старш/oi, накопленн/oi. Однако в ряде случаев возможно совпадение карельского окончания -oi с русской диалектной флексией -ой, как в мужск/oi или полезн/oi. Подобное явление зафиксировано в заимствованиях: формы типа boikoi (рус. бойкий), hiitroi (рус. хитрый) объясняются проникновением полных форм прилагательных из севернорусского диалекта, где в именительном падеже мужского рода используется окончание -oj [22, с. 79]. Можно предположить, что в наблюдаемых примерах переключений кодов реализуется сходный процесс. В таких формах трудно однозначно определить, происходит ли присоединение окончания к выделенной основе или к уже образованной форме, из которой предварительно устраняется финаль. Предположительно, здесь может иметь место наложение морфов, при котором граница между русским и карельским компонентами становится формально неразличимой.

Основы имен существительных, оканчивающиеся на твердый согласный, систематически получают карельский флективный показатель -u (ср. экскурсовод/u, грядк/u), в то время как основы с палатализованной финалью или /ij/ оформляются посредством форманта -ii (ср. предприят/ii, болезн/ii). Однако собранные данные демонстрируют определенную вариативность при реализации описанной стратегии. В частности, после палатализованных щелевых согласных отмечаются случаи маркирования как «твердого» типа (училищ/u, завуч/u), так и «мягкого» варианта (ёрш/ii). Эта дистрибуция требует специального исследования в дальнейшем.

Четкой корреляции между типом дискурса и частотой переключений выявить не удалось. Наибольшая частота переключений кода наблюдается в комментариях (коэффициент 1,45), что связано с их метатекстовой функцией, однако в целом частота переключений остается относительно равномерной. Более того, возникает впечатление, что тип дискурса играет второстепенную роль. Несмотря на его значимость как фактора, большая часть случаев переключений кодов может быть объяснена необходимостью вставки знаменательного слова, которое традиционно

копируется из русского языка. Например, переход на русский в следующем зачине, скорее всего, никак не связан с дискурсивным типом этого отрывка и может быть объяснен тем, что в современном карельском языке отсутствует аналог лексем «лесхоз» и «опытно-показательный»:

(15) ruavo-i-n	Anukse-n	лесхоза-s	ylen	hyvä
работать-PST-1SG	Олонец-GEN	лесхоз-INE	очень	хороший; NOM
лесхоз-u	опытно-показательн-oi		oli	
лесхоз-NOM	опытно-показательный-NOM		быть-PST;3SG	

‘Я работала в олонецком лесхозе. Очень хороший лесхоз, опытно-показательный был...’

Наблюдения над корреляцией дискурсивного типа текста и частотой переключений кодов в целом подтверждают выводы предыдущих исследований [5]: переключение между языками в речи карельских информантов носит системный характер, являясь рутинным и немотивированным речевым поведением: «Так называемый карельско-русский, используемый современными карелами, судя по описанию, в структурном отношении не отличается от немотивированного переключения кодов, рассмотренного нами выше: процент русских элементов в речи высок, переключение происходит часто и плавно, без пауз, при этом оно имеет место как между предложениями, так и без ограничений внутри предложения, в том числе между подлежащим и сказуемым, сказуемым и дополнением и т.д.» [23, с. 302].

Заключение

Проведенный анализ записей спонтанной карельской речи позволил систематизировать и количественно подтвердить описанные в научной литературе особенности карельско-русского билингвизма. Исследование показало, что переключение кода с карельского языка на русский встречается примерно в 65% записанных высказываний, что хорошо согласуется с описанием типа карельско-русского двуязычия как доминантного, с сильным влиянием со стороны русского языка. На структурном уровне наиболее частотной стратегией копирования оказывается «вкрапление» отдельных словоформ или синтаксических составляющих, включая служебные единицы. Среди копируемых единиц преобладают имена существительные: как нарицательные, так и личные. Прилагательные и глаголы демонстрируют высокую степень нативизации (морфологической интеграции); так, процент словоформ, представляющих собой русскую основу с присоединенным карельским показателем, составляет 92% для прилагательных и 73,43% для глаголов.

В принципе все случаи переключений кодов могут быть объяснены двумя взаимосвязанными факторами: во-первых, неполной языковой компетентностью части информантов, для которых карельский язык не является активным средством повседневного общения; во-вторых, высокой степенью интродуцированности русской лексики и грамматических моделей в карельский языковой код.

Несмотря на то, что некоторые итоги представленной работы могут быть описаны термином «отрицательный результат» с точки зрения теории языковых контактов (в частности, поиск закономерностей, позволяющих предсказать или объяснить переключение кодов в конкретных контекстах), ценность представленного материала состоит в конкретизации механизмов фонетико-морфологической адаптации русских элементов при их копировании в современный ливвиковский языковой код. Собранный материал иллюстрирует такие особенности, как геминация консонантной финали основы, количественное удлинение гласных в ударных слогах, дифтонгизация, а также специфика акцентной структуры и гармонии гласных в заимствованиях. Полученные результаты дополняют существующие описания карельско-русского билингвизма,

но в то же время и указывают на необходимость дальнейших исследований с учетом дополнительных факторов, таких как социолингвистический контекст и индивидуальные стратегии говорящих.

Список глосс

{...}RUS – текст на русском языке;
1, 2, 3 – первое, второе, третье лицо;
3INF – 3 инфинитив;
ACC – аккузатив;
ADE – адессив;
ADJZ – адъективатор;
ALL – аллатив;
DEM – демонстратив;
GEN – генитив;
ILL – иллатив;
INE – инессив;
NOM – номинатив;
PART – партитив;
PL – множественное число;
PRES – настоящее время;
PST – прошедшее время;
Q – вопросительная клитика;
SG – единственное число.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Auer P.** From code-switching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech // International Journal of Bilingualism. 1999. Vol. 3, Iss. 4. Pp. 309–332. DOI: 10.1177/13670069990030040101

2. Codeswitching: Anthropological and Sociolinguistic Perspectives / ed. by M. Heller. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 1988. 278 p.

3. **Gardner-Chloros P., Edwards M.** Assumptions Behind Grammatical Approaches To Code-Switching: When The Blueprint Is A Red Herring // Transactions of the Philological Society. 2004. Vol. 102, Iss. 1. Pp. 103–129. DOI: 10.1111/j.0079-1636.2004.00131.x

4. **Myers-Scotton C.** Duelling Languages: Grammatical Structure in Code-Switching. Oxford: Oxford University Press, 1993. 285 p.

5. **Sarhimaa A.** Syntactic Transfer, Contact-Induced Change, and the Evolution of Bilingual Mixed Codes: Focus on Karelian-Russian Language Alternation. Helsinki: Finnish Literature Society, 1999. 240 p.

6. **Tavi S.** Contact-induced lexical variation in the Karelian language: Corpus-based perspectives on code-copying. Joensuu: University of Eastern Finland, 2023. 141 p.

7. **Laakso J., Sarhimaa A., Åkermark S.S., Toivanen R.** Towards Openly Multilingual Policies and Practices: Assessing Minority Language Maintenance Across Europe. Bristol: Multilingual Matters, 2016. 280 p.

8. **Tavi S.** Lexical Outcomes of Karelian-Russian Bilingualism in Tver Karelian // Eesti Ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri. 2022. Vol. 13, Iss. 2. P. 347–381. DOI: 10.12697/jeful.2022.13.2.11

9. **Зайков П.М.** Глагол в карельском языке. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2000. 294 с.

10. **Sarhimaa A.** Karelian // The Oxford Guide to the Uralic Languages / ed. by M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik. Oxford: Oxford Academic, 2022. P. 269–290.

11. **Karjalainen H., Puura U., Grünthal R., Kovaleva S.** Karelian in Russia: ELDIA Case-Specific Report (Studies in European Language Diversity 26). Meinz: Research consortium ELDIA, 2013. 269 p. URL: https://phaidra.univie.ac.at/detail/o:314612 (дата обращения: 12.05.2025).

12. **Novak I., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L.** Karelian in Grammars: A study of phonetic and morphological variation. Petrozavodsk: KarRC RAS, 2022. 452 p. URL: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/karelian_in_grammar.pdf (дата обращения: 12.05.2025).

13. **Tavi S., Tavi L.** Vocabulary-Based Classification and Contact-Induced Formation of Neologisms in Two Standard Varieties of Karelian // Journal of Language Contact. 2022. Vol. 14, Iss. 3. P. 684–719. DOI: 10.1163/19552629-14030006

14. **Kipyatkova I., Kagirov I., Dolgushin M., Rodionova A.** Towards a Livvi-Karelian End-to-End ASR System // Proceedings of the 26th International Conference on Speech and Computer (SPECOM 2024) (Lecture Notes in Computer Science. Vol. 15299). Cham: Springer, 2024. P. 57–68.

15. **Johanson L.** Code Copying: The Strength of Languages in Take-over and Carry-over Roles. (Brill's Studies in Language, Cognition and Culture 38). Leiden: Brill, 2022. 165 p.

16. **Muysken P.** Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge. Cambridge University Press, 2000. 324 p.

17. **Pyöli R.** Venäläistyvä aunuksenkarjala. Kielenulkoiset ja -sisäi- set indikaattorit kielenvaihtotilanteessa (Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja 18). Joensuu: Joensuun yliopisto, 1996. 376 p.

18. **Оскольская С.А.** Переключение кодов в речи носителя нанайского языка // Труды ИРЯ РАН. 2020. № 4 (26). С. 224–243. DOI: 10.31912/pvrli-2020.4.11

19. **Плунгян В.А.** Предисловие: Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / под общ. ред В.А. Плунгяна (отв. ред.), В.Ю. Гусева, А.Ю. Урманчиевой. М.: Гнозис, 2008. С. 7–34.

20. **Хилханова Э.В., Папинова Ж.Б.** К вопросу о терминах переключение кодов, смешение кодов, вкрапления и критериях их разграничения // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 667–671.

21. **Вайнрайх У.** Языковые контакты. Киев: Издательство при Киевском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1979. 263 с.

22. **Kalima J.** Slaavilaisperäinen sanastomme. Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisperäisistä lainasanoista. Helsinki: SKS, 1952. 234 s.

23. **Головко Е.В.** Переключение кодов или новый код? // Труды факультета этнологии: сборник статей. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2001. С. 298–316.

REFERENCES

[1] **Auer P.,** From code-switching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech, International Journal of Bilingualism, 3 (4) (1999) 309–332. DOI: 10.1177/13670069990030040101

[2] Codeswitching: Anthropological and Sociolinguistic Perspectives, ed. by M. Heller, De Gruyter Mouton, Berlin, New York, 1988.

[3] **Gardner-Chloros P., Edwards M.,** Assumptions Behind Grammatical Approaches To Code-Switching: When The Blueprint Is A Red Herring, Transactions of the Philological Society. 102 (1) (2004) 103–129. DOI: 10.1111/j.0079-1636.2004.00131.x

[4] **Myers-Scotton C.,** Duelling Languages: Grammatical Structure in Code-Switching, Oxford University Press, Oxford, 1993.

[5] **Sarhimaa A.,** Syntactic Transfer, Contact-Induced Change, and the Evolution of Bilingual Mixed Codes: Focus on Karelian-Russian Language Alternation, Finnish Literature Society, Helsinki, 1999.

[6] **Tavi S.,** Contact-induced lexical variation in the Karelian language: Corpus-based perspectives on code-copying, University of Eastern Finland, Joensuu, 2023.

[7] **Laakso J., Sarhimaa A., Åkermark S.S., Toivanen R.,** Towards Openly Multilingual Policies and Practices: Assessing Minority Language Maintenance Across Europe, Multilingual Matters, Bristol, 2016.

[8] **Tavi S.,** Lexical Outcomes of Karelian-Russian Bilingualism in Tver Karelian, Eesti ja Soome-Ugri Keeleteaduse Ajakiri, 13 (2) (2022) 347–381. DOI: 10.12697/jeful.2022.13.2.11

[9] **Zaykov P.M.,** Glagol v karelskom yazyke [Verb in the Karelian language], PetrSU Publishing House, Petrozvodsk, 2000.

[10] **Sarhimaa A.,** Karelian, The Oxford Guide to the Uralic Languages / ed. by M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik, Oxford Academic, Oxford, 2022, pp. 269–290.

[11] **Karjalainen H., Puura U., Grünthal R., Kovaleva S.,** Karelian in Russia: ELDIA Case-Specific Report (Studies in European Language Diversity 26), Research consortium ELDIA, Meinz, 2013. Available at: https://phaidra.univie.ac.at/detail/o:314612 (accessed 12.05.2025).

[12] **Novak I., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L.,** Karelian in Grammars: A study of phonetic and morphological variation, KarRC RAS, Petrozavodsk, 2022. Available at: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/karelian_in_grammar.pdf (accessed 12.05.2025).

[13] **Tavi S., Tavi L.,** Vocabulary-Based Classification and Contact-Induced Formation of Neologisms in Two Standard Varieties of Karelian, Journal of Language Contact, 14 (3) (2022) 684–719. DOI: 10.1163/19552629-14030006

[14] **Kipyatkova I., Kagirov I., Dolgushin M., Rodionova A.,** Towards a Livvi-Karelian End-to-End ASR System, Proceedings of the 26th International Conference on Speech and Computer (SPECOM 2024) (Lecture Notes in Computer Science, 15299), Springer, Cham, 2024, pp. 57–68.

[15] **Johanson L.,** Code Copying: The Strength of Languages in Take-over and Carry-over Roles, Brill, Leiden, 2022.

[16] **Muysken P.,** Bilingual speech: A typology of code-mixing, Cambridge University Press, Cambridge, 2000.

[17] **Pyöli R.,** Venäläistyvä aunuksenkarjala. Kielenulkoiset ja -sisäi- set indikaattorit kielenvaihtotilanteessa (Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja 18), Joensuun yliopisto, Joensuu, 1996.

[18] **Oskolskaya S.A.,** Code-switching in the Speech of a Nanai Speaker, Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 4 (26) (2020) 224–243. DOI: 10.31912/pvrli-2020.4.11

[19] **Plungyan V.A.,** Predisloviye: Diskurs i grammatika [Introduction: Discourse and grammar], Issledovaniya po teorii grammatiki [Studies in the Theory of Grammar], Iss. 4, Grammaticheskiye kategorii v diskurse [Grammatical Categories in Discourse], ed. by V.A. Plungyan, V.Yu. Gusev, A.Yu Urmanchieva, Gnosis, Moscow, 2008, pp. 7–34.

[20] **Khilkhanova E.V., Papinova Zh.B.,** About the Terms Code Switching, Code Mixing, Insertion and Their Differentiation Criteria, The world of science, culture and education, 2 (69) (2018) 667–671.

[21] **Vaynraykh U.,** Yazykovyye kontakty [Languages in contact], Kyev State University Publishing House "High School", Kyev, 1979.

[22] **Kalima J.,** Slaavilaisperäinen sanastomme: Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisperäisistä lainasanoista, SKS, Helsinki, 1952.

[23] **Golovko Ye.V.,** Pereklyucheniye kodov ili novyy kod? [Switching codes or a new code?], Proceedings of Ethnology Department: A collection of papers, European University Publishing House, St. Petersburg, 2001, pp. 298–316.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Кагиров Ильдар Амирович
Ildar A. Kagirov
E-mail: kagirov@iias.spb.su
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1196-1117

Киселева Ксения Олеговна
Kseniia O. Kiseleva
E-mail: kiseleva.k@iias.spb.su
ORCID: https://orcid.org/0009-0001-5572-3842

Кипяткова Ирина Сергеевна
Irina S. Kipyatkova
E-mail: kipyatkova@iias.spb.su
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1264-4458

Поступила: 16.05.2025; Одобрена: 27.06.2025; Принята: 30.06.2025.
Submitted: 16.05.2025; Approved: 27.06.2025; Accepted: 30.06.2025.

Terra Linguistica. 2025, Том 16, № 2. С. 41–55.
Terra Linguistica. 16 (2) (2025) 41–55.

Научная статья
УДК 811’111
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16203
EDN: https://elibrary/DCDYJE

ОНТОЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОПТИМИЗАЦИИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА ЛЕКСИКИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

С.В. Калинина ✉ **, Л.В. Коцюбинская**

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, г. Пушкин, Российская Федерация

✉ movable@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена проблемой терминологической неточности машинного перевода узкоспециализированных текстов нефтегазовой тематики. Владение терминологией предметной области является важнейшим условием обеспечения эффективной межъязыковой коммуникации в глобальных бизнес-проектах. Основанные на архитектуре трансформеров современные большие языковые модели демонстрируют ограничения в обработке лексики языка для специальных целей, что требует обращения к компьютерной лексикографии. В эпоху искусственного интеллекта онтология выступает ключевым лексикографическим инструментом, обеспечивая семантическую точность в определенных предметных областях, а лингвистическая компетенция специалиста по обработке текстов на естественных языках выступает основой для эффективного управления техническими знаниями, обеспечивая адаптацию трансформеров к узкоспециализированным контекстам. Цель статьи – обосновать целесообразность применения онтологического подхода к машинной обработке узкоспециализированных текстов на естественных языках. Для достижения цели необходимо решить ряд задач: аргументировать использование онтологического подхода к лексике языка для специальных целей на современном этапе развития прикладной лингвистики; описать сущностные характеристики актуальной английской нефтегазовой терминологии; создать фрагмент онтологии нефтегазового оборудования с использованием редактора Protégé; обработать технический текст в паре EN_RU при помощи модели-трансформера DeepSeek R1 с учетом фрагмента онтологии; представить результаты в виде сравнительной таблицы. Материалом исследования является актуальная терминологическая лексика, функционирующая в англоязычной научно-технической литературе и периодике нефтегазовой предметной области. Методологическую базу статьи составляют методика фреймового анализа терминологии, метод построения онтологии. Результаты исследования имеют практическое значение для переводческих нефтегазовых проектов: использование онтологии в трансформерах обеспечивает повышенную корректность перевода терминов по сравнению с базовой моделью, позволяет адаптировать большие языковые модели к требованиям отраслевой терминологии. Таким образом, онтологический подход трансформирует переводческие практики, сочетая мощь технологических инноваций с лингвистической экспертизой для глубинного понимания отраслевой лексики при передаче технического знания.

Ключевые слова: термины в нефтегазовой отрасли, модель-трансформер, автоматизация лексикографии, онтология, терминологический менеджмент.

Для цитирования: Калинина С.В., Коцюбинская Л.В. Онтология как инструмент терминологической оптимизации машинного перевода лексики нефтегазовой отрасли // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 2. С. 41–55. DOI: 10.18721/JHSS.16203

© Калинина С.В., Коцюбинская Л.В., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Research article
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16203

ONTOLOGY AS A TOOL FOR MASHINE TRANSLATION TERMINOLOGICAL OPTIMIZATION OF OIL AND GAS INDUSTRY LEXIS

S.V. Kalinina ✉ **, L.V. Kotsyubinskaya**

Pushkin Leningrad State University,
St. Petersburg, Pushkin, Russian Federation

✉ movable@yandex.ru

Abstract. The study relevance is stipulated by terminological inaccuracy in machine translation of highly specialized oil and gas industry texts. Competence in domain-specific terminology is the essential prerequisite for effective cross-linguistic communication in global business projects. The modern large language models (LLMs) based on the transformer architecture feature the limitations processing language for special purposes (LSP); thereby appealing to computational lexicography becomes necessary. In the AI era, ontology is a key lexicographic tool providing semantic precision within the certain domains. The linguistic competence of a specialist engaged in natural language text processing is the base for technical knowledge effective management, ensuring transformer adaptation to highly specialized contexts. The article is aimed to substantiate the reasonability of ontological approach application to machine processing of highly specialized texts in natural language. To achieve that aim several tasks shall be addressed: justification of ontological approach to the LSP at the present stage of the applied linguistics progress; description of essential properties of actual English oil and gas terminology; creation of oil and gas equipment ontology fragment using Protégé editor; processing of EN_RU technical text using the DeepSeek R1 transformer model considering the ontology fragment; presentation of the results in a comparative table format. The research material comprises the current terminology lexis functioning in English scientific and technical literature and oil and gas industry periodicals. Methodological basis includes terminology frame analysis procedure, ontology building method. The research results are practically significant for oil and gas translation projects: the ontology application in transformers ensures higher terminological accuracy in comparison with a basic model, providing LLMs adaptation to the technical terminology requirements. Thus, the ontological approach transforms translation procedures through the combination of technology innovation and linguistic expertise for deeper understanding of the technical lexis in specialized knowledge spreading.

Keywords: oil and gas industry terminology, transformer model, lexicographic automation, ontology, terminology management.

Citation: Kalinina S.V., Kotsyubinskaya L.V., Ontology as a tool for mashine translation terminological optimization of oil and gas industry lexis, Terra Linguistica, 16 (2) (2025) 41–55. DOI: 10.18721/JHSS.16203

Введение: постановка проблемы

Достижения научно-технического прогресса сопровождаются необходимостью именования появляющихся понятий, что объясняет причины возрастания объемов специальной лексики – «номинативных единиц языка для специальных целей, обозначающих научные, технические, экономические, общественно-политические, шире – специальные понятия» [1, с. 76]. Так, лексический состав естественных языков является средством организации, хранения и передачи накопленной человечеством информации [2]. Значимость адекватной передачи знания не вызывает сомнения, при этом особая важность придается передаче специальной лексики той или иной предметной области, поскольку адекватная и согласованная терминология является

© Kalinina S.V., Kotsyubinskaya L.V., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

залогом перевода должного качества[1] и, как следствие, результативности профессиональной коммуникации[2].

В свете эволюции машинной обработки текстов на естественных языках особенно актуально понимание теоретических и прикладных основ языкознания. Технологии искусственного интеллекта прочно внедряются во все сферы деятельности человека. Переводческая деятельность и сопряженная с ней терминологическая работа не являются исключением. Отечественные и зарубежные исследователи говорят о современных системах машинного перевода [3, 4] и больших языковых моделях как об удобном инструменте оперативного выполнения переводческой задачи [5]. Вместе с тем задачи семантического переосмысления вторичной номинации терминологической лексики предметной области, анализа ошибок и разработки способов их исправления пока не могут решаться полностью автоматически.

Терминологическое редактирование переводов специальных текстов заключается в достижении «правильного использования терминологических единиц с позиции их роли в конкретном тексте и места среди других единиц данной отрасли знаний и/или деятельности внутри терминосистемы» [1, с. 196–203]. Учитывая тот факт, что используемые в современном машинном переводе нейронные сети разработаны на огромных массивах информации, которые не включают в себя ориентированные на терминологию областей знания тексты, возрастает необходимость лингвистической экспертизы сгенерированных большими языковыми моделями материалов [6, 7].

Статья фокусируется на выявлении способов адекватной передачи терминологической лексики при обработке узкоспециализированных текстов на естественных языках при помощи трансформеров – терминологической адаптации больших языковых моделей через создание онтологии.

Методология исследования

Современные научные исследования основываются на интеграции различных наук: «...междисциплинарность отчетливо проявляется в лингвистическом пространстве, где многообразие направлений, новые оригинальные подходы к анализу языка выдвигаются перед исследователями в большом количестве разноплановых взглядов и теорий» [8, с. 11].

Методология статьи включает в себя комбинирование метода лингвистического анализа терминологии, метода ее стандартизации как практической сферы терминоведения, метода создания лингвистической онтологии с учетом архитектуры модели-трансформера DeepSeek R1 [9].

Лексические единицы современной англоязычной терминосистемы нефтегазовой отрасли проанализированы в диссертационном исследовании[3] при помощи следующих методов: наблюдения, описания, анализа по непосредственным составляющим, дефиниционного, этимологического, компонентного, контекстологического видов анализа, структурно-функционального метода, метода языкового поля, категориального анализа языковых единиц, метода моделирования с использованием инструментария теории когнитивной метафоры и теории идеализированных когнитивных моделей, методики фреймового анализа.

Цифровая трансформация и междисциплинарный характер словарной науки расширили перечень подходов к исследованию терминологии: информация должна быть представлена в удобном для компьютерной обработки виде [10]. Использование метода стандартизации терминологической лексики предполагает следование рекомендациям определенных руководств

[1] Герд А.С. Специальный текст как предмет прикладного языкознания // Прикладное языкознание: учебник / отв. редактор А.С. Герд. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996. С. 68–90.

[2] Cabre M.T. Terminology and translation // Handbook of Translation Studies. Vol. 1. / ed. by Y. Gambier, L. van Doorslaer. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 356–365. URL: https://opencourses.ionio.gr/modules/document/file.php/DFLTI112/Handbook%20of%20Translation%20Studies%20Vol.%201.pdf (дата обращения: 20.01.2025).

[3] Калинина С.В. Структурно-семантические и функциональные особенности англоязычно терминологии нефтегазовой сферы: дисс. … канд. филол. наук; специальность: 5.9.6. СПб., 2024. 271 с.

и стандартов при разработке лингвистических информационных ресурсов. Для цели статьи применимы следующие:

ISO 1087: 2019 (E)[4], определяющий понятия «язык для специальных целей» (3.1.9), «формальный язык» (3.1.10), «терминологическая статья» (3.6.2), «терминологический словарь» (3.7.4); ISO 704:2022 (E)[5] определяющий понятия «терминологическая статья» (3.4), «терминолог» (3.6, 3.7), регулирующий отношения между термином и понятием, иерархические отношения «часть – целое»; ISO 24156-1:2014[6] определяющий понятие «формальный язык» (3.6), например Web Ontology Language (OWL)[7]; ISO 10241-1:2011, характеризующий относящиеся к термину данные: вербальные обозначения (3.4.1.1.1), сокращенные и полные формы (3.4.1.2.3, 3.4.1.2.4), буквенные символы и варианты (3.4.1.1.4, 3.4.1.2.2), омографы и антонимы (3.4.1.4, 3.4.1.5), нормативные статус лексики, примечания к терминологической статье (4.4.3.2.2); ГОСТ 7.25-2001[8] и ISO 25964-1:2011[9] (2.23), поясняющие применяемые в информационно-поисковых тезаурусах иерархические отношения.

Для автоматической обработки текстов на естественных языках и разработки приложений информационного поиска используются и онтологические ресурсы, в частности лингвистические онтологии [11]. Метод создания онтологий должен учитывать особенности архитектуры применимой модели-трансформера. В статье используется трансформер DeepSeek R1 – языковая модель для обработки естественного языка с акцентом на контекстное понимание и работу со сложной терминологией [9].

Теоретические предпосылки исследования

При обработке текстовой информации в современных информационно-поисковых и информационно-аналитических системах используются минимальные знания о языке и мире – приоритет отдается учету частотности встречаемости слов, в то время как для выявления основного содержания текста человеком требуется большой объем знаний. «Недостаток лингвистических (о языке) и онтологических (о мире) знаний, используемых в приложениях информационного поиска и автоматической обработки текстов, приводит к разнообразным проблемам» [11, с. 47].

В этой связи одной из значимых задач прикладной лингвистики на современном этапе ее развития является преодоление ограничений больших языковых моделей в обеспечении адекватной передачи специальной лексики. Задача решается «внедрением в современные методы автоматической обработки текстов дополнительных объёмом знаний о языке и мире» [11, с. 48]. Организация управления терминологией включает в себя моделирование профессиональных терминосистем[10]; создание в зависимости от выбранной системы автоматизации перевода терминологических баз / автоматических словарей / онтологий [13–15]; интеграцию терминов в системы искусственного интеллекта для корректной вербализации ими соответствующих понятий [16–18].

В настоящее время распространены базы знаний онтологического типа. Онтологии представляют собой «компьютерные ресурсы, содержащие формализованное описание фрагмента знаний о мире» [11, с. 49]. Онтология является способом документирования знаний о предметной области, ее семантической основой – определенной системе понятий соответствуют

[4] ISO 1087: 2019 (E). Terminology work and terminology science – Vocabulary. ISO, 2019. URL: https://www.iso.org/standard/62330.html (дата обращения: 20.06.2025).

[5] ISO 704:2022 (E). Terminology work – Principles and methods. 4th ed. ISO, 2022. URL: https://www.iso.org/standard/79077.html (дата обращения: 04.06.2025).

[6] ISO 24156-1:2014. Graphic notations for concept modelling in terminology work and its relationship with UML – Part 1: Guidelines for using UML notation in terminology work. 1st ed. ISO, 2014. URL: https://www.iso.org/standard/57420.html (дата обращения: 20.06.2025).

[7] OWL Web Ontology Language Reference. W3C. URL: https://www.w3.org/TR/owl-ref (дата обращения: 03.04.2025).

[8] ГОСТ 7.25.-2001. Тезаурус информационно-поисковый одноязычный: Правила разработки: структура, состав и форма представления // Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Минск: Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации, 2001.

[9] ISO 25964-1:2011. Information and documentation – Thesauri and interoperability with other vocabularies. 1st ed. ISO, 2011. URL: https://www.iso.org/standard/53657.html (дата обращения: 20.06.2025).

[10] Калинина С.В. Структурно-семантические и функциональные особенности англоязычно терминологии нефтегазовой сферы: дисс. … канд. филол. наук; специальность: 5.9.6. СПб., 2024. 271 с.

наборы языковых выражений [19]. В связи с тем, что онтологии применяют в автоматической обработке текстов, появляется понятие *лингвистической онтологии* – особого вида лексической базы данных, «понятия которой в значительной мере связаны со значениями языковых единиц, терминов предметной области» [11, с. 49]. Таким образом, компонентом онтологической модели становится лексика естественного языка, называющая понятия и отношения онтологии.

Несмотря на вариативность онтологий, исследователи едины в определении наборов основных компонентов онтологии: классов (понятий), атрибутов (свойств), экземпляров (отдельных индивидов), отношений между классами и экземплярами, которые обеспечивают значения для репрезентативного словаря и формальные ограничения на его согласованное использование [20, 21]. Для создания онтологий используются машиночитаемые языки, например Web Ontology Language (OWL)[11]. Современными исследованиями подтверждается практическая польза использования онтологий: в обучении англоязычной технической терминологии [22], на базе терминологии брендинга [23], в биомедицинской предметной области [24], с использованием возможностей редактора Concept Maker [26].

Поскольку лингвистические онтологии при построении опираются на значения реально существующих языковых единиц естественного языка, значимым является вопрос выбора лексики. В отсутствие единого исследовательского подхода к отбору терминологической лексики для улучшения нейронного перевода принципы и критерии отбора зависят от профессиональной компетентности лингвиста-терминолога, задач того или переводческого проекта, наличия ограничений в архитектуре выбранного программного обеспечения автоматизации перевода.

В статье используется актуальная англоязычная терминология нефтегазовой сферы, проанализированная в диссертационном исследовании[12], отобранная из языка для специальных целей – современной отраслевой периодики[13] и узкоспециализированной технической литературы. Язык для специальных целей представляет собой функциональную разновидность языка для общих целей, служащую для профессионального общения: «номинативные единицы языка для специальных целей обозначают специальные понятия»; в этой «прикладной терминологии репрезентируются понятия, в которых концептуализированы результаты научно-производственной деятельности человека по изменению окружающей действительности» [1, с. 76; 26, с. 202]. Лексическая единица языка для специальных целей становится термином, если начинает выполнять терминологические функции и приобретает признаки термина [1, с. 79–80]. Для цели статьи понятия «специальная лексика», «терминологическая лексика», «терминология» являются идентичными.

Принцип отбора указанных языковых единиц базируется на сущностных характеристиках термина: соответствие отражаемому термином понятию и нормам языка, полисемантичность, полнозначность, краткость, способность к деривации, внедренность в круг профессионального общения, инвариантность, мотивированность, воспроизводимость, интернациональность, благозвучность, эзотеричность. Учитывается временной промежуток появления лексики (за последние 25 лет), новизна содержания как факт вербализации появившегося понятия, отсутствие в современных отраслевых лексикографических источниках[14] / многоязычных терминологических базах[15], полисемантичность как проявление антропоцентрической природы лексической единицы.

[11] OWL Web Ontology Language Reference. W3C. URL: https://www.w3.org/TR/owl-ref (дата обращения: 03.04.2025).

[12] Калинина С.В. Структурно-семантические и функциональные особенности англоязычно терминологии нефтегазовой сферы: дисс. … канд. филол. наук; специальность: 5.9.6. СПб., 2024. 271 с.

[13] Oil and Gas Journal. URL: https://digital.ogj.com/ogjournal/library/ (дата обращения: ежемесячная 2019–2021 гг. по подписке).

[14] Булатов, А.И., Пальчиков, В.В. Англо-русский словарь по нефти и газу. М.: РУССО, 2001. 400 с.; Кедринский В.В. Англо-русский словарь по химии и переработке нефти. М.: РУССО, 2004. 768 с.; Морозов Н.В. Англо-русский и русско-английский словарь по нефти и газу: Компактное издание. М.: Живой язык, 2010. 512 с.

[15] UNTERM. URL: https://unterm.un.org/unterm2/en/ (дата обращения: 03.04.2025); WIPO Pearl. URL: https://www.wipo.int/en/web/wipo-pearl (дата обращения: 02.04.2025).

Проведенный в указанном диссертационном исследовании анализ показывает, что на современном этапе знание нефтегазовой отрасли представлено многословными терминами-словосочетаниями и инициальными аббревиатурами; превалируют семантические способы образования лексических единиц, что увеличивает количество мотивированных терминов – актуальная нефтегазовая терминосистема высоко антропоцентрична и многозначна; номинирующие отраслевые понятий термины встраиваются в тематические группы, соотносимые со следующими понятийными областями технического знания: «Аппараты и Оборудование», «Вещества и Продукты», «Свойства», «Технологические процессы», «Методы и Приемы».

Выявленная в исследовании специфика отраслевой терминологии, равно как и практика переводческой деятельности авторов статьи, позволяет говорить о не всегда корректной передаче лексики при обработке узкоспециализированных текстов при помощи больших языковых моделей, что подчеркивает необходимость использования предметно-ориентированных информационных ресурсов для улучшения нейронного перевода.

Архитектура и обучение модели-трансформера Deepseek R1 оптимизированы для перевода насыщенных терминологией материалов. Модель обладает рядом преимуществ для технического перевода: способна обрабатывать длинные тексты, сохранять связность терминологии на всем протяжении текста; корректно интерпретирует многозначные термины; хорошо справляется с таблицами и формулами; модель можно дообучать на своих глоссариях, в общении с моделью достаточно системных промптов [9].

Обсуждение результатов исследования

В цифровом архиве Ассоциации Компьютерной Лингвистики [27] не обнаружено работ по использованию онтологии при машинной обработке текстов нефтегазовой тематики. Вместе с тем, в силу появления новых языковых единиц, терминология этой предметной области представляет неоспоримый исследовательский интерес. «Неологизация – закономерная реакция отраслевой лексики на развитие нефтегазовой отрасли и необходимость называния новых понятий. Инновационные процессы особенно интенсивно происходят в областях, связанных с усовершенствованием продукции, механизмов и *оборудования*, именно эти области описываются особыми языковыми единицами – терминологической лексикой, которая в отношении обновления является наиболее подвижной и динамичной» [28, с. 47].

Значительное количество новых терминологических единиц нефтегазовой сферы образовано семантическим способом: инструментом построения нового профессионального знания выступает эвристический потенциал вторичной номинации. При этом каждое новое понятие пишется поверх предыдущего, как палимпсест: «Метафорическое моделирование по аналогии возможно при условии, что в воспринимающем сознании уже существует, с той или иной мерой полноты, представление, требующее знакового выражения» [29, с. 176]. В исследовании актуальной отраслевой лексики выявлено, что «превалирующий концепт „*оборудование*“ (а без его наличия процесс добычи/переработки/транспортировки нефти невозможен) выражается в терминах человека и его деятельности, а также в терминах животного мира и мира растений» [30, с. 221]. В этой связи интересен результат машинной обработки насыщенных обновленной терминологией технических текстов.

Редактор онтологии Protégé от других отличается многоплатформенностью – запускается на операционной системе как Windows, так и Linux, написан на языке программирования общего назначения Java и использует язык семантической разметки OWL [31]. Терминологические единицы отраслевой терминосистемы структурированы[16] исходя из их тематической принадлежности к определенной понятийной области: представлена фреймовая схема (рис. 1).

[16] Калинина С.В. Структурно-семантические и функциональные особенности англоязычно терминологии нефтегазовой сферы: дисс. … канд. филол. наук; специальность: 5.9.6. СПб., 2024. 271 с.

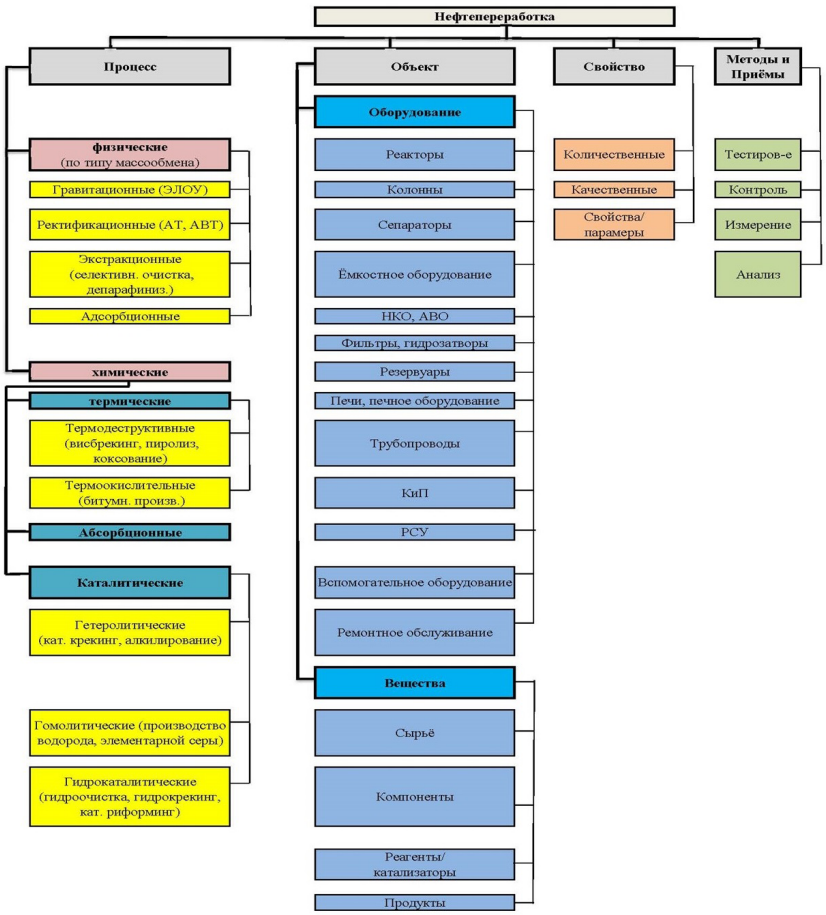


Рис. 1. Фреймовая схема терминосистемы «Нефтегазопереработка»

Fig. 1. Oil and gas processing term system frame-based chart

В Protégé на основании фреймовой схемы терминосистемы «Нефтегазопереработка» создан фрагмент онтологии нефтегазового *оборудования* “Oil&gas equipment_fragment.rdf”. Следует отметить, что для улучшения визуализации (отображения онтологии в виде графа) в Protégé возможно подключение плагина OntoGraf, однако для целей статьи не существенно.

Обозначающие оборудование термины структурированы ручным вводом: резервуары, насосы, компрессоры, контрольно-измерительные приборы и автоматика (КИПиА), печи, емкости, вспомогательное, ремонтное оборудование (рис. 2). В соответствии с ISO 10241-1:2011[17] каждому вводимому понятию соответствует однозначное имя. Вариативность терминов фиксируется сразу при вводе понятия – посредством указания предметной области снижается полисемия терминов: например, coil – змеевик трубопровода (механика) и катушка индуктивности (электрика).

По ГОСТу 7.25-2001[18] в информационно-поисковых системах для повышения эффективности поиска, разрешения многозначности языковых единиц используются иерархические отношения: родовидовые (класс – подкласс), часть – целое (характерные свойства, роль в процессе).

[17] ISO 10241-1:2011. Terminology entries in standards. Part 1: General requirements and examples of presentation. 1st ed. ISO, 2011. URL: https://www.iso.org/standard/40362.html (дата обращения: 20.06.2025).

[18] ГОСТ 7.25.-2001. Тезаурус информационно-поисковый одноязычный: Правила разработки: структура, состав и форма представления // Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Минск: Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации, 2001.

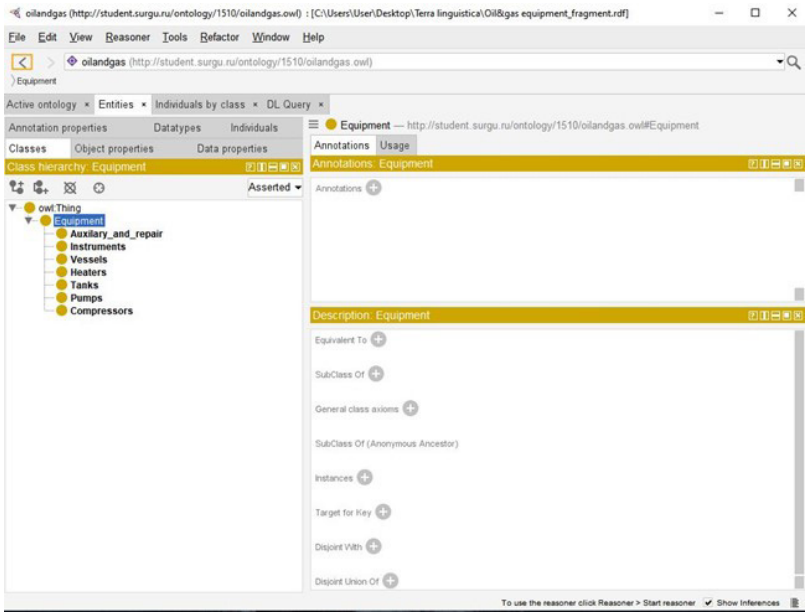


Рис. 2. Фрагмент заполнения классов

Fig. 2. Classes' input fragment

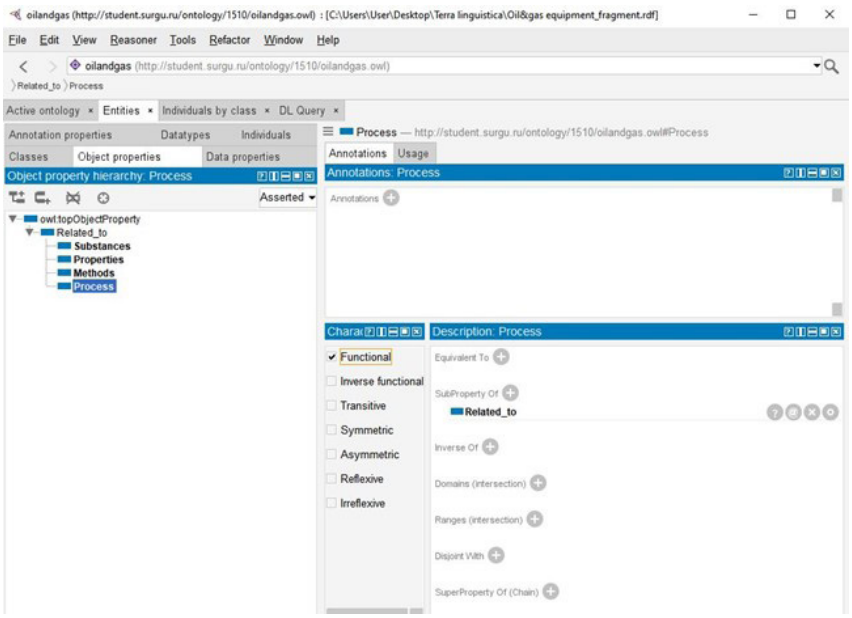


Рис. 3. Фрагмент заполнения связей

Fig. 3. Functional relations' input fragment

Описание иерархических отношений не зависит от контекста их упоминания [11, с. 57–65]. Данное требование обосновано в ISO 25964-1:2011[19]: контекст, используемый для подтверждения отношений не всегда доступен в автоматическом режиме. Обозначены функциональные связи (рис. 3), корректность заполнения различных функций отношений лингвистической онтологии проверена Reasoner – логическим выводом в редакторе онтологии Protégé.

[19] ISO 25964-1:2011, Information and documentation – Thesauri and interoperability with other vocabularies. 1st ed. ISO, 2011. URL: https://www.iso.org/standard/53657.html (дата обращения: 20.06.2025).

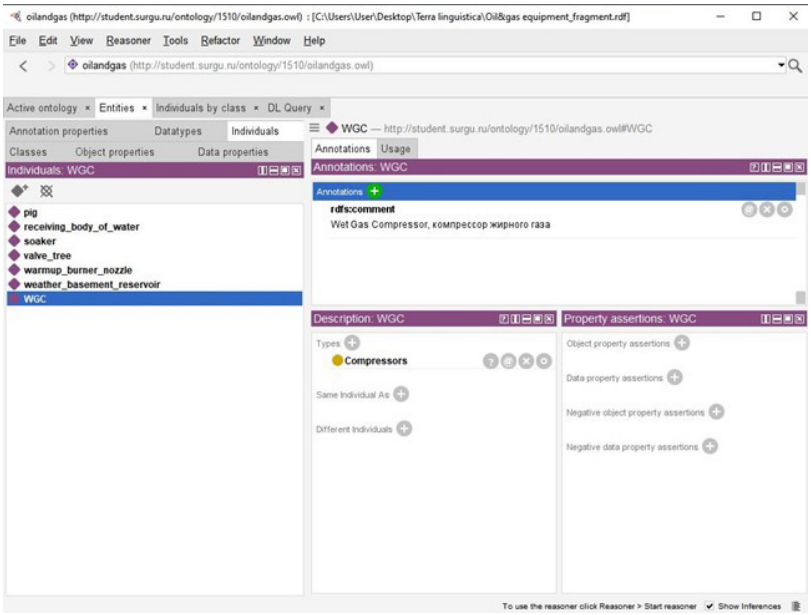


Рис. 4. Фрагмент заполнения индивидов

Fig. 4. Individuals' annotations and description input fragment

Рис. 5. Инструкция трансформеру

Fig. 5. Prompt to Deepseek

Для индивидов внесены метки на русском и английском языке – дефиниции специальной лексики (рис. 4).

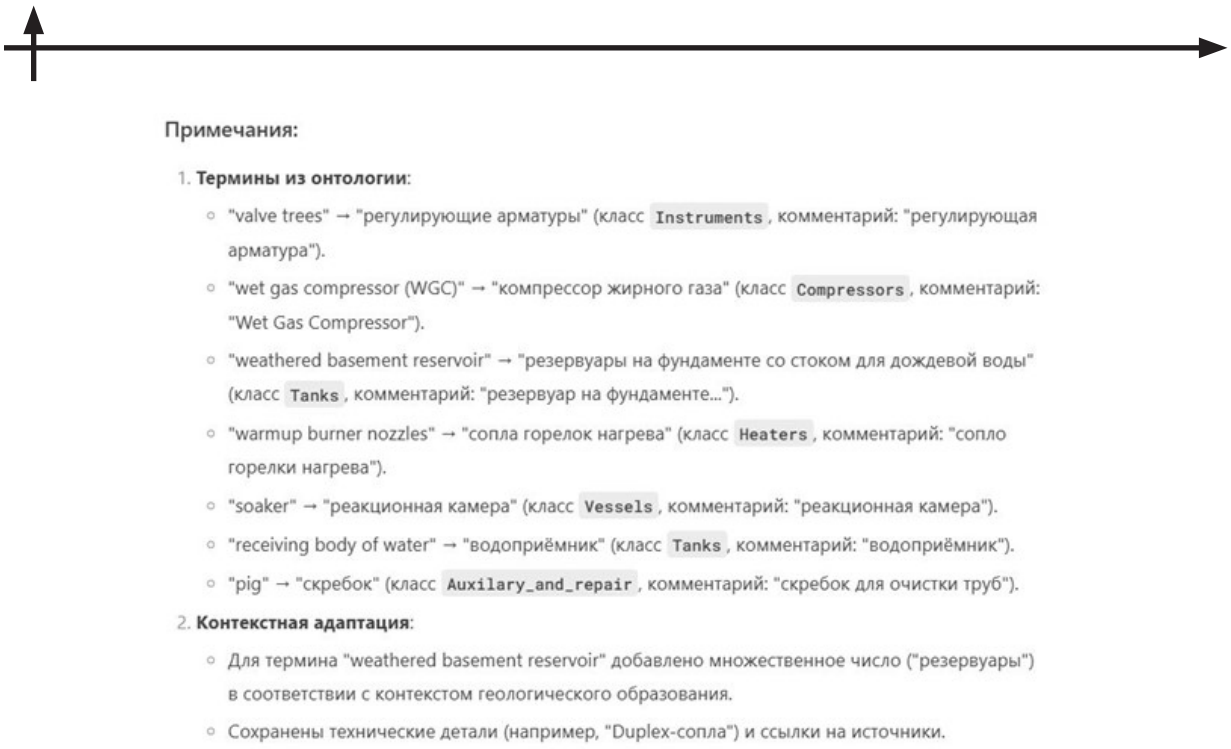
В модель-трансформер Deepseek [12] выгружены два файла: созданный фрагмент онтологии и англоязычный текст из отраслевой технической литературы, добавлен системный промпт по использованию загруженного фрагмента онтологии при переводе терминов (рис. 5). Представленная как часть промпта онтология воспринимается моделью как инструкция к переводу. Архитектура модели сопоставляет термины из текста с узлами онтологии, использует связи онтологии для точного перевода лексики в контексте.

Выдача большой языковой модели безусловно нуждается в постредактировании для устранения присущих машинному переводу ошибок [32], однако запрашиваемая терминологическая точность достигнута (табл. 1). На основании системного промпта моделью-трансформером DeepSeek R1 выданы комментарии для экспертной обратной связи (рис. 6).

Таблица 1. Пример работы большой языковой модели (Фрагмент)
Table 1 Large language model's performance results (Fragment)

Оригинал	Перевод трансформера DeepSeek R1 без онтологии	Перевод трансформера DeepSeek R1 с онтологией
"Field development is enabled by more efficient reservoir drainage through new vertical valve trees, and long distance, electrically heated flow lines to avoid hydrates in gas pipelines, the operator said, adding that the technology improves heat efficiency and enables longer tie-backs"[20]	«Освоение месторождения стало возможным благодаря более эффективному дренированию пласта за счет новых вертикальных **клапанных установок** (вертикальных фонтанных арматур) и протяженных электроподогреваемых потоковых линий для предотвращения образования гидратов в газопроводах, – заявил оператор, добавив, что данная технология повышает тепловую эффективность и позволяет осуществлять более длинное присоединение удаленных месторождений».	«Разработка месторождения обеспечивается за счет более эффективного дренирования пласта с использованием новых вертикальных ***регулирующих арматур***, а также протяженных электрообогреваемых трубопроводов для предотвращения образования гидратов в газопроводах. По словам оператора, данная технология повышает тепловую эффективность и позволяет осуществлять более длительные подключения».
"Check status of the **wet gas compressor** (**WGC**) – on some units the WGC auto trips on blower shutdown; the reactor pressure must be higher than the fractionator and regenerator to prevent flow reversal"[21].	«Проверьте статус **компрессора влажного газа** (КВГ) – на некоторых установках КВГ автоматически отключается при остановке нагнетателя; давление в реакторе должно быть выше, чем в фракционирующей колонне и регенераторе, чтобы предотвратить реверс потока».	«Проверьте статус ***компрессора жирного газа*** (WGC) – на некоторых установках WGC автоматически отключается при остановке нагнетателя; давление в реакторе должно превышать давление во фракционирующей колонне и регенераторе для предотвращения обратного потока».
"Rolvsnes-Goddo, south of Edvard Grieg field, is targeting the same porous, weathered basement reservoir currently being produced from Edwad Grieg's Tellus area"[22].	«Рольвснес-Годдо, к югу от месторождения Эдвард Григ, нацелен на тот же **пористый коллектор выветренного фундамента**, который в настоящее время эксплуатируется в районе Теллус месторождения Эдвард Григ».	«Месторождение Ролвснес-Годдо, расположенное южнее месторождения Эдвард Григ, нацелено на те же пористые ***резервуары на фундаменте со стоком для дождевой воды***, которые в настоящее время эксплуатируются в районе Теллус месторождения Эдвард Григ».
"Once ignition temperatures are verified, fuel supply to the **warmup burner nozzles** is removed, with fuel then supplied to the Duplex nozzles to initiate flame transition"[23].	«После подтверждения достижения температур воспламенения подача топлива к **форсункам подогревательной горелки** прекращается, и топливо подается к Duplex-форсункам для инициации перехода пламени».	«После подтверждения температур воспламенения подача топлива к ***соплам горелок нагрева*** прекращается, и топливо начинает подаваться к Duplex-соплам для инициирования перехода пламени».
"Visbreaking units are classified in those without **soaker** (Figure 4.1), and those with soaker (Figure 4.2)"[24].	«Установки висбрекинга классифицируются на установки без **камеры догрева** (Рисунок 4.1) и установки с камерой догрева (Рисунок 4.2)».	«Установки висбрекинга классифицируются на установки без ***реакционной камеры*** (Рисунок 4.1) и с реакционной камерой (Рисунок 4.2)».
"Water quality criteria and standards vary from site to site, depending on the use classification of the **receiving body of water**"[25].	«Критерии и стандарты качества воды варьируются от объекта к объекту в зависимости от целевого назначения **водного объекта-реципиента**».	«Критерии и стандарты качества воды варьируются в зависимости от объекта, исходя из классификации использования ***водоприемника***».
"Pigging problems related to **pig** velocity and pipeline geometry"[26].	«Проблемы очистки **скребками** (пигинга), связанные со скоростью движения скребка и геометрией трубопровода».	«Проблемы очистки трубопроводов скребками связаны со скоростью движения ***скребка*** и геометрией трубопровода».

[20] Oil and Gas Journal. 2020. Vol. 118, Iss. 2. P. 11. URL: https://digital.ogj.com/ogjournal/library/ (дата обращения: ежемесячная 2019–2021 гг. по подписке).
[21] Oil and Gas Journal. 2019. Vol. 117, Iss. 11. P. 44. URL: https://digital.ogj.com/ogjournal/library/ (дата обращения: ежемесячная 2019–2021 гг. по подписке).
[22] Oil and Gas Journal. 2019. Vol. 117, Iss. 7. P. 9. URL: https://digital.ogj.com/ogjournal/library/ (дата обращения: ежемесячная 2019–2021 гг. по подписке).
[23] Oil and Gas Journal. 2019. Vol. 117, Iss. 4. P. 55. URL: https://digital.ogj.com/ogjournal/library/ (дата обращения: ежемесячная 2019–2021 гг. по подписке).
[24] Raseev, S. Thermal and Catalytic Processes in Petroleum Refining. New York: Marcel Dekker, Inc., 2003. P. 149.
[25] Ibid. P. 105.
[26] Oil and Gas Journal. 2019. Vol. 117, Iss. 5. P. 56. URL: https://digital.ogj.com/ogjournal/library/ (дата обращения: ежемесячная 2019–2021 гг. по подписке).



Примечания:

1. **Термины из онтологии**:
   - "valve trees" → "регулирующие арматуры" (класс `Instruments`, комментарий: "регулирующая арматура").
   - "wet gas compressor (WGC)" → "компрессор жирного газа" (класс `Compressors`, комментарий: "Wet Gas Compressor").
   - "weathered basement reservoir" → "резервуары на фундаменте со стоком для дождевой воды" (класс `Tanks`, комментарий: "резервуар на фундаменте...").
   - "warmup burner nozzles" → "сопла горелок нагрева" (класс `Heaters`, комментарий: "сопло горелки нагрева").
   - "soaker" → "реакционная камера" (класс `Vessels`, комментарий: "реакционная камера").
   - "receiving body of water" → "водоприёмник" (класс `Tanks`, комментарий: "водоприёмник").
   - "pig" → "скребок" (класс `Auxilary_and_repair`, комментарий: "скребок для очистки труб").
2. **Контекстная адаптация**:
   - Для термина "weathered basement reservoir" добавлено множественное число ("резервуары") в соответствии с контекстом геологического образования.
   - Сохранены технические детали (например, "Duplex-сопла") и ссылки на источники.

Рис. 6. Примечания модели-трансформера

Fig. 6. DeepSeek R1 comments

Выводы и заключение

Современная технологическая цепочка обработки текстов на естественных языках предполагает обращение к генеративным системам машинного перевода, использующим большие языковые модели и передовые технологии искусственного интеллекта. При этом проблема управления специальной лексикой требует вовлечения лингвиста-терминолога. Владение согласованной терминологией предметной области является основой адекватного перевода научно-технической литературы, способствует результативности профессиональной межъязыковой бизнес-коммуникации. Онтология выступает основой языкового значения представления данных той или иной предметной области, настраивает большую языковую модель на определенную терминологию. В ходе исследования доказана целесообразность применения онтологического подхода к машинной обработке узкоспециализированных текстов на естественных языках Перспективы исследования видятся в финализации создания нефтегазовой онтологии, ее расширении на смежные отрасли (нефтехимия, энергетика и пр.), настройке алгоритма динамического обновления через обратную связь с экспертом, что обеспечит терминологическую точность перевода технических текстов, наставничество новых переводчиков на проекте, обучение языку для специальных целей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Лейчик В.М.** Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: ЛЕНАНД, 2022. 248 с.
2. **Никитина С.Е.** Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики. М.: Либроком, 2014. 146 с.
3 . **Никишова О.А., Потапова В.Ю.** Использование систем машинного перевода при переводе текстов научно-технического содержания // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2023. № 4. С. 133–140. DOI: 10.18137/RNU.V925X.23.04.P.133
4. **Yue R., Ortega J., Church K.** On Translating Technical Terminology: A Translation Workflow for Machine-Translated Acronyms // Proceedings of the 16th Conference of the Association for Machine

Translation in the Americas (Volume 1: Research Track). Chicago, 2024. P. 48–54. URL: https://aclanthology.org/2024.amta-research.6/ (дата обращения: 03.04.2025).

5. **He Z., Liang T., Jiao W., Zhang Z, Yang Y., Wang R., Tu Z., Shi S., Wang X.** Exploring Human-Like Translation Strategy with Large Language Models. Transactions of the Association for Computational Linguistics 2024. Vol. 12. P. 229–246. URL: http://direct.mit.edu/tacl/article-pdf/doi/10.1162/tacl_a_00642/2346100/tacl_a_00642.pdf (дата обращения: 04.04.2025).

6. **Беляева Л.Н.** Машинный перевод в работе переводчика: практический аспект // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 2. С. 8–20. DOI: 10.15593/2224-9389/2019.2.1

7. **Беляева Л.Н.** Машинный перевод в современной технологии процесса перевода // Вестник Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2022. № 203. С. 22–30. DOI: 10.33910/1992-6464-2022-203-22-30

8. **Табанакова В.Д.** Междисциплинарный синтез лингвистического научного знания // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2023. № 2. С. 8–24. DOI: 10.15593/2224-9389/2023.2.1

9. DeepSeek R1: Инновационный инструмент для будущего // DeepSeek. URL: https://deepseek-ai.ru/deepseek-r1/ (дата обращения: 04.06.2025).

10. **Карпова О.М.** Изменение современной лексикографической парадигмы в цифровую эпоху (на материале словарей английского языка) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 6–12. DOI: 10.17308/lic.2022.2/9284

11. **Лукашевич Н.В., Добров Б.В.** Проектирование лингвистических онтологий для информационных систем в широких предметных областях // Онтология проектирования. 2015. Т. 5, № 1 (15). С. 47–69.

12. DeepSeek. URL: https://chat.deepseek.com / (дата обращения: 04.04.2025).

13. **Окунь Д.Б.** Терминологическая база фармацевтических терминов для медицинских интеллектуальных систем // Материалы XVII международной научной конференции «Системный анализ в медицине» (САМ 2023). Благовещенск, 2023. С. 79–83.

14. **Сидорова Е.А., Иванов А.И., Овчинникова К.А.** Извлечение информации из текстов на основе онтологии и больших языковых моделей // Онтология проектирования. 2025. Т. 15, № 1 (55). С. 114–129. DOI: 10.18287/2223-9537-2025-15-1-114-129

15. **Gruber T.R.** A translation approach to portable ontologies // Knowledge Acquisition. 1993. Vol. 5, No. 2. P. 199–220. DOI: 10.1006/knac.1993.1008

16. **Kim S., Sung M., Lee J., L., Perez J.G.** Efficient Terminology Integration for LLM-based Translation in Specialized Domains // Proceedings of the Ninth Conference on Machine Translation. Miami, 2024. P. 636–642. DOI: 10.18653/v1/2024.wmt-1.51

17. **Sowa J.F.** Building, Sharing and Merging Ontologies . URL: http://www.jfsowa.com/ontology/ontoshar.htm (дата обращения: 10.06.2025).

18. **Stefaniak K.** Machine Translation and Terminology: The Experience of the European Commission // Proceedings of the New Trends in Translation and Technology Conference – NeTTT 2022. Rhodes Island, Greece, 2022. P. 134–141. URL: https://www.researchgate.net/publication/371045198_Machine_Translation_and_Terminology_The_Experience_of_the_European_Commission (дата обращения: 02.04.2025).

19. **Buitelaar P., Huang C., Calzolari N., Gangemi A., Lenci A., Oltramari A., Prevot L.** Ontology-Based Semantic Lexicons: Mapping Discourse to Concepts // Ontology and the Lexicon: A Natural Language Processing Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 212–223. DOI: 10.1017/CBO9780511676536.013

20. **Arp R., Smith B., Spear A.** Building Ontologies with Basic Formal Ontology. MIT Press, 2015. 248 p. DOI: 10.7551/mitpress/9780262527811.001.0001

21. **Guarino N.** Formal Ontology in Information Systems // Proceedings of FOIS'98. Trento, 1998. P. 3–15. URL: https://cidoc-crm.org/sites/default/files/ontologies%20Guarino.pdf (дата обращения: 02.04.2025).

22. **Андрианова С.В.** Онтология в обучении англоязычной технической терминологии // Вестник Университета Российской академии образования. 2013. № 5. С. 100–104.

23. **Зенько М.И.** Терминология брендинга в онтологическом аспекте // Русский лингвистический бюллетень. 2023. № 7 (43). DOI: 10.18454/RULB.2023.43.32

24. **Schulz S., Stenzhorn H., Boeker M., Smith B.** Strengths and limitations of formal ontologies in the biomedical domain // Electronic Journal of Communication, Information and Innovation in Health (Special Issue on Ontologies, Semantic Web and Health). 2009. Vol. 3, Iss. 1. P. 31–45. DOI: 10.3395/Reciis.V3I1.241En

25. **Антонов И.В.** Автоматизированное построение онтологии предметной области с использованием редактора онтологии CONCEPT MAKER // Современные инновации в технике и производстве: сборник материалов I Международной научно-практической конференции, Псков, 2020. С. 135–138.

26. **Акаева Х.А., Алимурадов О.А.** О некоторых системных критериях разграничения фундаментальных и прикладных терминологий // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 2. С. 200–211. DOI: 10.15643/libartrus-2016.2.9

27. ACL Anthology. URL: https://aclanthology.org/ (дата обращения: 02.04.2025).

28. **Коцюбинская Л.В., Калинина С.В.** К вопросу классификации неонимов в английской терминосистеме нефтепереработки // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 46–52. DOI: 10.46726/H.2020.4.7

29. **Чернявская В.Е.** Визуальная метафора в персуазивной коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2021. № 202. С. 175–182. DOI: 10.33910/1992-6464-2021-202-175-182

30. **Калинина С.В., Коцюбинская Л.В.** Метафорическое моделирование термина нефтяной отрасли (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 10. С. 218–222. DOI: 10.30853/filnauki.2019.10.48

31. Protégé. URL: https://protege.stanford.edu/ (дата обращения: 02.04.2025).

32. **Камшилова О.Н.** Машинный перевод в эпоху цифровизации: новые практики, процедуры и ресурсы // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 1. С. 41–56. DOI: 10.18721/JHSS.14105

REFERENCES

[1] **Leychik V.M.,** Terminovedeniye: Predmet, metody, struktura [Terminology studies: Subject, methods, structure], LENAND, Moscow, 2022.

[2] **Nikitina S.E.,** Semanticheskiy analiz yazyka nauki: Na materiale lingvistiki [Semantic analysis of the language of science: Based on linguistics], Librokom, Moscow, 2014.

[3] **Nikishova O.A., Potapova V.Yu.,** Use of Machine Translation Systems in the Translation of Texts of Scientific and Technical Content, Vestnik of the Russian New University. Series: Man in the Modern World, 4 (2023) 133–140. DOI: 10.18137/RNU.V925X.23.04.P.133

[4] **Yue R., Ortega J., Church K.,** On Translating Technical Terminology: A Translation Workflow for Machine-Translated Acronyms, In Proceedings of the 16th Conference of the Association for Machine Translation in the Americas (Volume 1: Research Track), Chicago, 2024, pp. 48–54. Available at: https://aclanthology.org/2024.amta-research.6/ (accessed 03.04.2025).

[5] **He Z., Liang T., Jiao W., Zhang Z, Yang Y., Wang R., Tu Z., Shi S., Wang X.,** Exploring Human-Like Translation Strategy with Large Language Models, Transactions of the Association for Computational Linguistics, 12 (2024) 229–246. Available at: http://direct.mit.edu/tacl/article-pdf/doi/10.1162/tacl_a_00642/2346100/tacl_a_00642.pdf (accessed 04.04.2025).

[6] **Belyaeva L.N.,** Machine Translations in a Translator Workflow: Practical View, PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin, 2 (2019) 8–20. DOI: 10.15593/2224-9389/2019.2.1

[7] **Belyaeva L.N.,** Machine Translation and Modern Translation Technology, Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 203 (2022) 22–30. DOI: 10.33910/1992-6464-2022-203-22-30

[8] **Tabanakova V.D.,** Interdisciplinarity Synthesis of Linguistic Knowledge, PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin, 2 (2023) 8–24. DOI: 10.15593/2224-9389/2023.2.1

[9] DeepSeek R1: Innovatsionnyy instrument dlya budushchego [DeepSeek R1: An innovative tool for the future], DeepSeek. Available at: https://deepseek-ai.ru/deepseek-r1/ (accessed 04.06.2025).

[10] **Karpova O.M.,** Changing of Modern Lexicographic Paradigm in Digital Era (with Special Reference to English Dictionaries), Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication, 2 (2022) 6–12. DOI: 10.17308/lic.2022.2/9284

[11] **Lukashevich N.V., Dobrov B.V.,** Developing Linguistic Ontologies in Broad Domains, Ontology of Designing, 5 (1 (15)) (2015) 47–69.

[12] DeepSeek. Available at: https://chat.deepseek.com / (accessed 04.04.2025).

[13] **Okun' D.B.,** Terminological Database of Pharmaceutical Terms for Medical Intelligent Systems, Materialy XVII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Sistemnyy analiz v meditsine" (SAM 2023) [Materials of the XVII International Scientific Conference "System Analysis in Medicine" (SAM 2023)], Blagoveshchensk, 2023, pp. 79–83.

[14] **Sidorova Ye.A., Ivanov A.I., Ovchinnikova K.A.,** Information extraction from texts based on ontology and large language models, Ontology of Designing, 15 (1 (55)) (2025) 114–129. DOI 10.18287/2223-9537-2025-15-1-114-129

[15] **Gruber T.R.,** A translation approach to portable ontologies, Knowledge Acquisition, 5 (2) (1993) 199–220. DOI: 10.1006/knac.1993.1008

[16] **Kim S., Sung M., Lee J., L., Perez J.G.,** Efficient Terminology Integration for LLM-based Translation in Specialized Domains, Proceedings of the Ninth Conference on Machine Translation, Miami, 2024, pp. 636–642. DOI: 10.18653/v1/2024.wmt-1.51

[17] **Sowa J.F.,** Building, Sharing and Merging Ontologies. Available at: http://www.jfsowa.com/ontology/ontoshar.htm (accessed 10.06.2025).

[18] **Stefaniak K.,** Machine Translation and Terminology: The Experience of the European Commission, Proceedings of the New Trends in Translation and Technology Conference – NeTTT 2022. Rhodes Island, Greece, 2022, pp. 134–141. Available at: https://www.researchgate.net/publication/371045198_Machine_Translation_and_Terminology_The_Experience_of_the_European_Commission (accessed 02.04.2025).

[19] **Buitelaar P., Huang C., Calzolari N., Gangemi A., Lenci A., Oltramari A., Prevot L.,** Ontology-Based Semantic Lexicons: Mapping Discourse to Concepts, Ontology and the Lexicon: A Natural Language Processing Perspective, Cambridge University Press, Cambridge, 2010, pp. 212–223. DOI: 10.1017/CBO9780511676536.013

[20] **Arp R., Smith B., Spear A.,** Building Ontologies with Basic Formal Ontology, MIT Press, 2015. DOI: 10.7551/mitpress/9780262527811.001.0001

[21] **Guarino N.,** Formal Ontology in Information Systems, Proceedings of FOIS'98, Trento, 1998, pp. 3–15. Available at: https://cidoc-crm.org/sites/default/files/ontologies%20Guarino.pdf (accessed 02.04.2025).

[22] **Andrianova S.V.,** Ontologiya v obuchenii angloyazychnoy tekhnicheskoy terminologii [Ontology in teaching English-language technical terminology], Herald of the University of the Russian Academy of Education, 5 (2013) 100–104.

[23] **Zen'ko M.I.,** Terminology of Branding from an Ontological Perspective, Russian Linguistic Bulletin, 7 (43) (2023). DOI: 10.18454/RULB.2023.43.32

[24] **Schulz S., Stenzhorn H., Boeker M., Smith B.,** Strengths and limitations of formal ontologies in the biomedical domain, Electronic Journal of Communication, Information and Innovation in Health (Special Issue on Ontologies, Semantic Web and Health), 3 (1) (2009) 31–45. DOI: 10.3395/Reciis. V3I1.241En

[25] **Antonov I.V.,** Avtomatizirovannoye postroyeniye ontologii predmetnoy oblasti s ispolzovaniyem redaktora ontologii CONCEPT MAKER [Automated construction of subject area ontology using the ontology editor CONCEPT MAKER], Sovremennyye innovatsii v tekhnike i proizvodstve: sbornik materialov I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Modern innovations in technology and production: collection of materials of the 1st International Scientific and Practical Conference], Pskov, 2020, pp. 135–138.

[26] **Akayeva Kh.A., Alimuradov O.A.,** Some systemic criteria of the differentiation between fundamental and applied terminologies, Liberal Arts in Russia, 5 (2) (2016) 200–211. DOI: 10.15643/libartrus-2016.2.9

[27] ACL Anthology. Available at: https://aclanthology.org/ (accessed 02.04.2025).

[28] **Kotsyubinskaya L.V., Kalinina S.V.,** To the question of neonyms' classification in the english terminology of oil refining, Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 4 (2020) 46–52. DOI: 10.46726/H.2020.4.7

[29] **Chernyavskaya V.Ye.,** Visual Metaphor in Persuasive Communication, Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. 202 (2021) 175–182. DOI: 10.33910/1992-6464-2021-202-175-182

[30] **Kalinina S.V., Kotsyubinskaya L.V.,** Metaphorical Modelling of Oil Industry Terms (By the Material of the English Language), Philology. Theory & Practice, 12 (10) (2019) 218–222. DOI: 10.30853/filnauki.2019.10.48

[31] Protégé. Available at: https://protege.stanford.edu/ (accessed 02.04.2025).

[32] **Kamshilova O.N.,** Machine translation in the age of digitalization: new practices, procedures and resources, Terra Linguistica, 14 (1) (2023) 41–56. DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.14105

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Калинина Светлана Валентиновна
Svetlana V. Kalinina
E-mail: movable@yandex.ru

Коцюбинская Любовь Вячеславовна
Lyubov' V. Kotsyubinskaya
E-mail: l.kocubinskaya@lengu.ru

Поступила: 18.04.2025; Одобрена: 18.06.2025; Принята: 30.06.2025.
Submitted: 18.04.2025; Approved: 18.06.2025; Accepted: 30.06.2025.

Terra Linguistica. 2025, Том 16, № 2. С. 56–70.
Terra Linguistica. 16 (2) (2025) 56–70.

Научная статья
УДК 811.111-26
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16204
EDN: https://elibrary/DMYSJW

СТРАТЕГИИ ОЦЕНКИ В ОТКРЫТОЙ НАУЧНОЙ РЕЦЕНЗИИ: ПОЛЯРНОСТЬ ОЦЕНКИ И ВАРИАТИВНОСТЬ ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Е.С. Клочкова ✉

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ elenaklochkova2014@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены особенности языковой репрезентации оценки в жанре экспертного заключения в условиях открытого рецензирования. Открытое рецензирование как относительно новая дискурсивная практика научно-экспертной коммуникации предполагает публичное представление процесса рецензирования, что рассматривается как попытка решить проблему неконструктивности и потенциальной конфликтогенности научно-экспертной коммуникации. В этой связи перед рецензентом стоит задача проведения квалифицированной научной экспертизы при одновременном соблюдении принципов вежливости и этических норм научной коммуникации. Исследовательский вопрос работы заключается в том, какие лингвосемиотические и лингвопрагматические ресурсы языка используются для дискурсивного конструирования оценок разной направленности (положительной или отрицательной) в текстах открытых рецензий. Анализ проводится на материале англоязычных экспертных заключений о возможности опубликования статьи, размещенные на сайте открытого рецензирования OpenReview.net в период с 2023 по 2025 г. Исследовательский корпус состоит из текстов 60 рецензий, размеченных в среде авторской разметки CATMA, в ходе которой выделялись оценочные контексты с положительной и отрицательной направленностями оценки, а также отмечались способы модификации оценочных значений. Для определения доминирующих оценочных стратегий и языковых ресурсов, реализующих эти стратегии, дополнительно использовался метод количественного анализа. В результате исследования было установлено, что авторы рецензий используют различные стратегии для выражения оценок разной направленности. Положительная оценка преимущественно конструируется как объективированная, эксплицитная, неградуированная. Такая оценка монологична, то есть не предполагает альтернативных суждений. Отрицательная оценка чаще всего субъективирована, имплицитна и градуирована. Она представляется как диалогическая, допускающая альтернативные мнения и оценки и, таким образом, предполагающая поле для дискуссии.

Ключевые слова: научно-экспертная коммуникация, открытая научная рецензия, англоязычная научная рецензия, языковая оценка, стратегия оценки.

Для цитирования: Клочкова Е.С. Стратегии оценки в открытой научной рецензии: полярность оценки и вариативность ее репрезентации // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 2. С. 56–70. DOI: 10.18721/JHSS.16204

© Клочкова Е.С., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Research article
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16204

EVALUATION STRATEGIES IN OPEN PEER-REVIEW: POLARITY OF EVALUATION AND REPRESENTATIONAL VARIABILITY

Ye.S. Klochkova ✉

St. Petersburg Electrotechnical University "LETI",
St. Petersburg, Russian Federation

✉ elenaklochkova2014@gmail.com

Abstract. The article examines the linguistic representation of evaluation in open peer review reports. Open peer-review as a relatively new discourse practice of academic communication makes the review process publicly visible – an approach intended to mitigate unconstructive criticism and potential conflicts in academic expert communication. The reviewer faces the task of conducting a qualified academic expertise while respecting the politeness principles and ethical norms of academic communication. The central research question of the paper is related to what linguo-semiotic and linguo-pragmatic resources are used to construct evaluative meanings of different polarity (positive or negative) in the open reviews. The analysis is based on the research corpus of open peer-reviews published from 2023 to 2025 on OpenReview.net. The corpus includes 60 reviews, annotated using the instrument for textual markup CATMA. In the process of annotation evaluative contexts with positive and negative polarity as well as linguistic devices for modifying evaluative meanings were identified. Quantitative analysis was additionally used to determine the dominant evaluative strategies and the corresponding linguistic resources. The paper also concludes that the evaluative strategies in open peer-reviews heavily depend on the evaluative polarity. Positive evaluations are mainly objectivized, explicit and non-graduated. Such evaluations are monologic, i.e., no alternatives are suggested. Negative evaluations tend to be subjectivized, implicit, and graduated. They are presented as dialogic, providing scope for discussion.

Keywords: academic expert communication, open peer-review, English-language academic peer-review, linguistic evaluation, evaluation strategy.

Citation: Klochkova Ye.S., Evaluation strategies in open peer-review: Polarity of evaluation and representational variability, Terra Linguistica, 16 (2) (2025) 56–70. DOI: 10.18721/JHSS.16204

Введение

В рамках предлагаемого исследования рассматриваются особенности дискурсивной реализации категории оценки в научно-критическом тексте.

Оценка является одной из базовых категорий языка и речевой деятельности как в когнитивно-познавательном, так и в коммуникативном плане. Оценочные концепты и категории рассматриваются как когнитивные доминанты при конфигурировании и систематизации в языке результатов познания [1, с. 41]. Кроме того, совокупность знаний о нормах и ценностях, с которыми говорящий соотносит предметы и явления окружающего мира, а также вербализация этого соотношения в форме языковой оценки служат опорой для коммуникативно-речевой деятельности во всех коммуникативных практиках и контекстах.

Это суждение справедливо и для научной коммуникации, которая оценочна по своей сути [2, с. 956]. Познавательная деятельность опирается на систему ценностей и норм, регулирующую как процесс генерации нового знания на всех этапах научного проекта от определения вектора научного поиска до выдвижения нового научного результата.

В наиболее эксплицитной форме категория оценки представлена в научно-экспертной коммуникативной практике, основной задачей которой является именно оценка научного продукта экспертами как представителями той или иной дисциплинарной области. В последние годы растет число работ, рассматривающих различные аспекты научно-критической коммуникации:

© Klochkova Ye.S., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

жанровую типологию и языковую вариативность текстов рецензий [3], лингвокультурные особенности оценки в них [4, 5]. Особый интерес к категории оценки связан с изучением научно-критической коммуникации, в частности с анализом агональной коммуникации в науке [6, 7], со способами выражения научной критики [8, 9, 10] и ее связи с аргументативными структурами научно-критического текста [11]. Повышенное внимание исследователей к анализу научно-экспертных текстов с разных ракурсов свидетельствует о необходимости системного и детального изучения практики научного оценивания как коммуникативно-дискурсивной деятельности.

В системе оценивания научного результата ключевую роль играет процесс рецензирования, который признается исследователями обязательным и безальтернативным механизмом регуляции качества научного продукта, позволяющим накапливать достоверные знания и поддерживать доверие к науке, а также своеобразным фильтром для отсева девиантного в массиве исследовательских публикаций [8].

Процессу рецензирования подвергается большинство результатов научно-исследовательской деятельности на этапе его предъявления научному сообществу, что приводит к жанровой дифференциации текстов, включенных в научно-экспертную коммуникативную практику. Типология научно-экспертных текстов включает тексты опубликованные/неопубликованные, общедоступные/внутренние, с указанием и без указания авторства. Критерием классификации также является тот научный продукт, оценке которого посвящен научно-экспертный текст. Таким образом, можно выделить такие жанры, как рецензия на монографию, экспертное заключение о научной статье, отзыв о диссертации и автореферате диссертации, экспертное заключение о заявке на грант и т.п.

Настоящее исследование фокусируется на жанре экспертного заключения о возможности опубликования статьи. Как отмечает, В.Е. Чернявская [2, с. 960], экспертное заключение отличается от жанра рецензии по ряду функциональных и текстотипологических характеристик. Экспертное заключение, как правило, является неопубликованным внутренним документом редакции журнала либо научного фонда, цель которого состоит в том, чтобы представить экспертную оценку о возможности опубликования научного продукта и тем самым принятия отдельного фрагмента знания в общую базу верифицированных знаний предметной области.

В последние годы все более широкое распространение получает практика открытого рецензирования (open peer-reviews). В отличие от традиционной процедуры рецензирования, при которой рецензент остается анонимным, а результаты рецензирования – внутренним документом редакции журнала, открытое рецензирование предполагает указание авторства рецензента, публичное представление процесса рецензирования, включая как сам текст рецензии, так и последующий диалог рецензента с автором в формате обмена комментариями, доступными для чтения и дальнейшего комментирования всем заинтересованным сторонам.

Практика открытого рецензирования стала попыткой решить проблему неконструктивности и потенциальной конфликтогенности научно-экспертной коммуникации. Как отмечает ряд исследователей, открытое рецензирование способствует повышению качества рецензии с точки зрения полноты и конструктивности, а также соблюдению этических норм в коммуникации между рецензентом и автором [12], что отчасти смягчает восприятие рецензирования как контрпродуктивной и даже «токсичной» практики, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, посвященные вопросам повышения конструктивности критики и этичному поведению рецензентов (см., например, [13, 14, 15]).

В условиях открытого рецензирования перед рецензентом стоят две основные коммуникативные задачи: с одной стороны, он должен оценить положительные стороны рассматриваемой работы с учетом норм и ценностей научного сообщества в целом и дисциплинарной области экспертизы в частности; с другой стороны, рецензент должен высказать конструктивные и аргументированные критические замечания, соблюдая при этом этические нормы и правила вежливости.

Указанная проблема определила цель настоящей работы, которая заключается в том, чтобы выявить особенности языковой репрезентации оценочной позиции рецензента в зависимости от типа выражаемой оценки – положительной или отрицательной. В этой связи основной исследовательский вопрос работы заключается в том, какие лингвосемиотические и лингвопрагматические ресурсы языка используются для дискурсивного конструирования оценок разных направленностей (положительной или отрицательной) в текстах открытых рецензий[1].

Методология и материал исследования

В данном исследовании мы придерживаемся интерпретации оценки как «гиперкатегории, которая втягивает в свою орбиту многие другие языковые категории... и переплетается с ними» [16, с. 764]. Это означает, что в формировании оценочных смыслов воздействуют такие категории, как модальность, отрицание, квантификация, градуальность и т.п.

Такое комплексное понимание оценки детально разрабатывается в рамках теории оценки (Appraisal Theory), предложенной Дж. Мартином и П. Уайтом [17] и впоследствии дополненной их последователями[2]. В рамках этой теории категория оценки представлена как трехуровневая модель, включающая подсистемы оценочных значений. Первая подсистема включает собственно оценочные значений (attitude) по типу оцениваемого объекта и характеру оценки и схожа с классификацией частнооценочных значений по основанию оценки Н.Д. Арутюновой [18]. В рамках этой подсистемы выделяются три категории оценочных значений, а именно эмоциональная оценка, а также суждение, т.е. оценка характера и поведения человека в соответствии с этическими нормами, и значимость, которая предполагает оценку социальной ценности объектов (например, текста, процесса или природных явлений). Все три категории оценочных значений имеют положительную и отрицательную направленности, формируя таким образом бинарную систему значений для каждой категории.

Важно отметить, что теория оценки различает эксплицитную оценку (inscribed attitude), которая выражается языковыми единицами, чья семантическая структура включает постоянные оценочные семантические признаки, и имплицитную оценку (evoked attitude), которая выражается языковыми единицами, имеющими денотативное значение, однако получающими оценочное значение в контексте под воздействием либо окружающих языковых единиц (узкого контекста), либо широкого ситуативного контекста и связанных с ним прагматических факторов (широкого контекста) (о воздействии широкого контекста на значение см., например, [19]).

В языковом плане имплицитная оценка опирается на использование таких языковых категорий, как модальность, эвиденциальность и отрицание, которые не являются носителями оценочного значения, а рассматриваются как катализаторы оценки [20], то есть языковые единицы, не имеющие имманентно присущей оценочной семантики, но на дискурсивном уровне обладающие потенциалом инициировать и направлять оценочную интерпретацию. В эту категорию включены указанные выше средства выражения модальности и эвиденциальности, дискурсивные маркеры, выражающие концессивные отношения, формы сослагательного наклонения [21]. Следует подчеркнуть, что перечисленные средства вносят дополнительное оценочное значение только в определенных контекстах и поэтому требуют обязательной контекстуальной интерпретации.

Вторая подсистема градуирования (graduation) модифицирует базовое оценочное значение по критерию интенсификации/деинтенсификации (force) оценочного значения либо по четкости или размытости оценочного значения (focus).

[1] Принимая различия между терминами «экспертное заключение» и «рецензия», здесь и далее мы используем термин «открытая рецензия» в связи с устоявшимся названием практики открытого рецензирования (open peer-review).

[2] Hood S. Appraisal // The Cambridge Handbook of Systemic Functional Linguistics / ed. by G. Thompson, W.L. Bowcher, L. Fontaine, D. Schönthal. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 382–410.

Третья подсистема «вовлеченности» (engagement), исходя из теории текстовой полифонии М.М. Бахтина [22], представляет способы конструирования интерсубъективной оценочной позиции в дискурсе. Эта позиция может быть монологичной (monogloss/single-voiced), то есть исключающей альтернативные суждения, что характеризует оценку, выраженную с такой позиции, как категоричную, не предполагающую иных мнений. Диалогичная оценка (heterogloss/multi-voiced) отражает в дискурсе наличие иных мнений.

В данном исследовании теория оценки выбрана в качестве теоретического основания, поскольку она имеет два основных преимущества, значимых для данного исследования. Во-первых, она предполагает анализ на дискурсивном уровне, так как такой ракурс рассмотрения позволяет выявить не только языковую реализацию оценки на лексико-грамматическом уровне, но и имплицитно выраженные оценочные смыслы, выводимые из контекста. Во-вторых, теория оценки предлагает интегральную типологию для изучения оценки. Разнообразные языковые ресурсы для выражения оценочных смыслов, которые ранее изучались в литературе изолированно, объединены в теории оценки в единую систему, позволяющую учесть различные аспекты выражения оценки.

Материалом работы послужил пользовательский корпус общим объемом 107 тыс. словоупотреблений, включающий 60 экспертных заключений, опубликованных на портале открытого рецензирования OpenReview.net в период 2023–2025 гг. [23]. Корпус в дальнейшем был разделен на два подкорпуса: подкорпус заключений, рекомендующих рецензируемую статью к публикации (далее – подкорпус положительных рецензий), и подкорпус заключений, отклоняющих рецензируемую статью (далее – подкорпус отрицательных рецензий).

На первом этапе работы оба подкорпуса рецензий были размечены в среде для авторской разметки текстов CATMA [24]. В текстах выделены оценочные контексты, под которыми понимаются словосочетания, простые предложения или части сложного предложения, выражающие акт оценивания и включающие такие обязательные элементы, как объект оценки и оценочный предикат, а также факультативные элементы, модифицирующие оценку тем или иным образом. При разметке учитывался характер оценки – положительный или отрицательный, а также способ модификации оценки.

Разметка производилась вручную на основании семантического и функционально-прагматического анализа оценочных контекстов: при наличии модификации оценочных значений определялись способы модификации и их функционально-прагматическая нагрузка. Для определения доминирующих оценочных стратегий и языковых ресурсов, реализующих эти стратегии, дополнительно использовался метод количественного анализа.

Результаты исследования

Текстовые блоки открытой рецензии и распределение оценочных контекстов

Прежде чем обратиться непосредственно к анализу категории оценки в текстах открытых рецензий, предварительно следует охарактеризовать структуру рецензии и ее основные текстовые блоки с точки зрения распределения в них оценочных смыслов.

Вопрос о структуре англоязычной рецензии обсуждался в ряде работ. Исследователи анализируют ее с позиции выделения типовых текстовых структур, которые в разных работах обозначаются как ходы [25], этапы [26] или текстовые блоки [8]. Исследователи выделяют четыре основных текстовых блока (хода): 1) обобщение заключения о пригодности статьи для публикации; 2) краткое изложение основных положений работы; 3) критические замечания; 3) заключение и рекомендации[3] [27].

Тексты открытых рецензий на платформе OpenReview несколько отличаются от рассмотренной четырехчастной структуры и содержат следующие блоки:

[3] Samraj B. Research articles. In: K. Hyland & P. Shaw (Eds.) The Routledge handbook of English for academic purposes. Abingdon, UK: Routledge, 2016. pp. 403–416.

1) краткое изложение основных положений работы (разделы Review или Summary);
2) положительные стороны работы (Strengths);
3) критические замечания к работе (Weaknesses);
4) вопросы (Questions);
5) блок количественной оценки, которая касается таких характеристик работы, как обоснованность и достоверность исследования (Soundness), его вклад и значимость (Contribution), а также презентацию исследования в рецензируемой статье (Presentation);
6) заключение о возможности опубликования и сопутствующие комментарии, которые включают комментарий о необходимости проверки соблюдения этических норм (Flag For Ethics Review), заключение о возможности опубликования (Rating) и уверенность рецензента в этом заключении (Confidence).

Оценочные контексты распределены в текстовых блоках неравномерно: скопления оценочных значений наблюдаются, прежде всего, в блоках, которые освещают положительные и отрицательные стороны работы. Оценка также содержится в количественном блоке в числовой форме с сопутствующим кратким пояснением (например, 2: fair; 3: good; 4: excellent), а также в заключении о возможности опубликования, которое также выражается в числовой форме с сопутствующим комментарием, содержащим оценку (например, 6: marginally above the acceptance threshold; 3: reject, not good enough; 8: accept, good paper).

Отдельно следует остановиться на блоке 1 «Краткое изложение основных положений работы», который обнаруживает зависимость в распределении оценочных контекстов от типа рецензии, положительной или отрицательной. Так, в положительных рецензиях описание результатов работы зачастую сопровождается их положительной оценкой, которая затрагивает такие характеристики, как новизна, оригинальность и значимость работы, а также познавательная ценность результатов исследования. В корпусе рецензий, используемых в данной работе, количество рецензий, содержащих положительные оценочные контексты в описании работы, составляет 75% от общего количества положительных рецензий (45 рецензий из 60), тогда как тот же текстовый блок в отрицательных рецензиях содержит положительные оценочные контексты только в 10 % случаев (6 рецензий из 60).

Например, приведенный сравнительно небольшой блок из положительной рецензии в примере (1) не только информирует о содержании рецензируемой работы, но и указывает на значимость решаемой проблемы, положительные результаты проведенного исследования и его перспективы, задавая тем самым общую валоративную характеристику всей рецензии (подробнее о понятии валоративной просодии см. [28]):

(1) *The paper addresses* ***a significant practical issue*** *in modern communication platforms,* ***enhancing sticker retrieval relevance and personalization****, thereby* ***substantially improving user experience****. Furthermore, the framework's extensibility holds* ***promising potential for applications in other domains****.*

Пример (2), содержащий текстовый блок из отрицательной рецензии, носит дескриптивный характер, без сопутствующей оценочной характеристики:

(2) *The paper introduces a formal definition of deception based on the interaction between a speaker and a listener, both modeled as Partially Observable Markov Decision Processes* (*POMDPs*). *In particular, a "regret" theory is proposed to quantify deception by measuring the speaker's influence on the listener's beliefs, actions, and utility. Experiments and evaluations were conducted to assess whether the formal "regret" theory aligns with human judgments about deception.*

Особенности репрезентации оценочных значений в текстах рецензий

Оценочные контексты, наряду с такими облигаторными компонентами, как объект оценки и оценочный предикат, могут дополнительно включать языковые единицы, модифицирующие оценочное значение в рамках подсистем градуирования оценки, то есть ее интенсификации/деинтенсификации, и вовлеченности, связанной с эпистемической интерпретацией оценки,

соотнесенной с позицией автора высказывания. Кроме того, оценочные контексты могут включать указание на интерсубъективный статус оценки, указывая на такие параметры, как субъективизация/объективизация, категоричность/некатегоричность и диалогичность/монологичность оценочного суждения.

Проведенный анализ перечисленных параметров оценочных суждений показал, что они варьируются в зависимости от типа оценки, положительной или отрицательной.

Объективизация vs. субъективизация оценки

Прежде всего, направление оценки оказывает влияние на выбор между стратегиями объективизации и субъективизации (о данных стратегиях см. подробнее в работах [29, 30]), представление о них восходит к работам Дж. Лайонза, который различал субъективную и объективную модальности. Объективная модальность высказывания характеризует содержащуюся в нем пропозицию как фактуальную, тогда как субъективная модальность интерпретирует пропозицию как мнение говорящего – иначе говоря, говорящий становится «эксплицитной точкой отсчета» [31, p. 215]. Таким образом, стратегия объективизации характеризует такой выбор языковых ресурсов, который способствует восприятию высказывания как ассертивного, фактуального и субъективно немаркированного. Эта стратегия не предполагает эксплицирования модальной рамки высказывания. С точки зрения теории оценки такие высказывания характеризуются как монологичные, то есть исключающие альтернативные суждения относительно статуса оценки.

Напротив, стратегия субъективизации предполагает включение в оценочный контекст особых языковых ресурсов, маркирующих эпистемический статус высказывания, эксплицируя тем самым позицию автора по отношению к высказываемой пропозиции и представляя оценку как личностно-ориентированную. При этом субъективированная оценка чаще является диалогичной, то есть предполагает наличие иных мнений наряду с мнением автора.

Эксплицитная позиция автора маркируется целым рядом языковых средств, к которым относят, прежде всего, средства выражения субъективной модальности, такие как модальные глаголы (*could*, *may*, *might*), прилагательные вероятности и производные от них наречия (*probable*, *probably*, *possible*, *possibly*, *likely*). К таким средствам также относят сложные предложения, где в главном предложении назван (чаще в качестве подлежащего) субъект первого лица в сочетании с предикатом ментального состояния, который маркирует выраженную в придаточном предложении пропозицию как личностно-ориентированную. Примерами таких конструкций служат сочетания с глаголами ментального состояния, такими как *believe*, *know*, *see*, *seem*, *appear*, и предикаты, указывающие на степень уверенности говорящего в сообщаемой пропозиции (*I am certain that*..., *I am convinced that*...). Кроме того, высказывание интерпретируется как личная позиция говорящего в случае использования синтаксических компонентов, которые эксплицитно указывают на субъект оценки (*For me*..., *In my judgement*...).

В табл. 1 представлены результаты количественного анализа средств субъективизации оценки в положительных и отрицательных рецензиях. Подчеркнем, что анализ включал только эксплицитно выраженные оценочные суждения, а случаи импликации оценки будут рассмотрены далее, в соответствующем разделе.

Как следует из табл. 1, в случае положительной оценки авторы как положительных, так и отрицательных рецензий предпочитают преимущественно стратегию объективизации оценки. В языковом плане стратегия объективизации представлена высказываниями, имеющими форму утверждения, структура которого включает объект оценки и оценочный предикат (глагольный предикат или предикативную группу), в них отсутствуют языковые средства маркирования позиции автора. Например:

(3) *The paper addresses* ***a novel and important issue***.

(4) ***Successful training opens the door to interesting analyses***.

(5) *The* ***writing is clear****, and* ***the analyses are interesting***...

Таблица 1. Количественное распределение объективированных и субъективированных оценок в рецензиях
Table 1. Quantitative distribution of objectified and subjectified ratings in reviews

Тип модификации оценки	Подкорпус положительных рецензий		Подкорпус отрицательных рецензий	
	Положительная оценка	Отрицательная оценка	Положительная оценка	Отрицательная оценка
Объективизация	174 (93%)	42 (26%)	126 (77%)	210 (89%)
Субъективизация	12 (7%)	118 (74%)	36 (23%)	24 (11%)
Всего контекстов	348	160	162	234

(6) *This **innovative perspective opens new avenues** for research in language modeling and cognitive neuroscience*.

Объективизация оценки способствует восприятию оценочного высказывания как субъективно-нейтрального, монологичного, исключающего из дискурсивного пространства альтернативные мнения и интерпретации. В таких контекстах субъект оценки не эксплицируется, что позволяет трактовать позицию эксперта как коллективное мнение научного сообщества, опирающегося на его нормы и ценности.

Отрицательная оценка в положительных рецензиях, как правило, субъективирована, что на языковом уровне выражается в широком употреблении указанных выше языковых средств маркирования позиции субъекта оценки. Например:

(7) *This **could limit** the model's ability to learn distinct features...*

(8) *Some of the spatial **results appear determined or constrained** by the training objective and other procedures*.

(9) ***The finding** that training produces stronger spatial smoothness and clustering **seems to me** to be a direct consequence of the spatial constraint in the training objective*.

(10) *The questions are generated by the authors based on the SQLs crawled from forums or tutorials, which **might not reflect** the nature of real-world BI questions...*

Перечисленные языковые средства выполняют в высказывании прагматические функции смягчения отрицательной оценки и снижения категоричности оценочного суждения. Субъективированная оценка конструируется в таком случае как индивидуальная оценка автора рецензии, которая рассматривается как диалогичная, то есть предполагающая наличие альтернативных мнений. Кроме того, субъективированная оценка, повышает степень ответственности автора за высказываемое суждение [31].

Отметим, что количество субъективизированных и объективизированных отрицательных оценок различается в зависимости от типа заключения эксперта, положительного или отрицательного. Так, в подкорпусе отрицательных рецензий отрицательная оценка объективизируется почти в четыре раза чаще, чем в подкорпусе положительных рецензий. Такой выбор языковых средств со стороны рецензента может свидетельствовать о желании представить свое оценочное суждение как объективное и непредвзятое, выраженное от лица экспертного сообщества, а не рецензента лично.

Градуированные vs. неградуированные оценки

Тип оценки влияет на ее языковую репрезентацию как градуированной либо неградуированной оценки. Как указывалось выше, градуирование оценки включает ее интенсификацию/деинтенсификацию и фокусирование/дефокусирование. Градуирование предполагает усиление или ослабление оценки посредством включения в оценочные контексты таких языковых единиц, как прилагательные, наречия и местоимения с семой количественности и интенсивности. Кроме того, для градуирования могут использоваться лексемы, лексическое значение которых включает сему интенсивности.

В табл. 2 представлен количественный анализ градуированных и неградуированных оценок в текстах корпуса. Как и в предыдущем случае, количественный анализ затрагивал только эксплицитные оценочные суждения.

Таблица 2. Количественное распределение градуированных и неградуированных оценок в рецензиях
Table 2. Quantitative distribution of graded and non-graded ratings in reviews

Тип модификации оценки	Подкорпус положительных рецензий		Подкорпус отрицательных рецензий	
	Положительная оценка	Отрицательная оценка	Положительная оценка	Отрицательная оценка
Неградуированная	154 (83%)	69 (43%)	145 (89%)	106 (46%)
Градуированная	32 (17%)	91 (57%)	17 (11%)	128 (54%)
Всего контекстов	186	160	162	234

Как видно из табл. 2, в обоих подкорпусах отмечается значительно большее количество градуированных оценочных значений в случае отрицательной оценки. При этом следует отметить выраженную связь между типом оценки, положительной или отрицательной, и направлением градуирования в сторону интенсификации или деинтенсификации оценочного значения. Так, все положительные оценки в корпусе интенсифицированы, тогда как градуирование отрицательных оценок направлено в сторону деинтенсификации.

Примеры (11)–(14) демонстрируют положительные оценки, интенсифицированные наречиями *very*, *significantly* либо употреблением сравнительной степени прилагательных (*more effective*, *more representative*, *deeper*):

(11) *Both the training details and experiments are* ***very well explained and organized****.*

(12) *The paper is* ***very well organized*** *and carefully written. The content is* ***very rich*** *and deep.*

(13) *The test cases are* ***significantly more representative*** *for real-world usage.*

(14) *TopoLM paves the way for* ***more effective*** *natural language processing* ***applications****. Furthermore, it contributes to a* ***deeper understanding*** *of the neural mechanisms underlying language.*

Отрицательные оценки обнаруживают заметную тенденцию к деинтенсификации, как показано в примерах (15)–(18):

(15) *In many cases, the improvements appear* ***rather small****.*

(16) *The claim of "avoiding training on the test set" relies heavily on the quality and effectiveness of the pipeline's ability to generate new test cases, which is* ***not thoroughly demonstrated*** *in the paper, no supplementary materials provided either.*

(17) *The paper is well-written, but* ***not so easy*** *to follow.*

(18) ***A bit limited*** *to Python code, which may not represent the full spectrum of programming challenges across different languages.*

Наряду с деинтенсификацией, отрицательная оценка может градуироваться посредством квантификации объекта оценки. В таких высказываниях оценке подлежат не исследование в целом, а только отдельные его аспекты. Иными словами, в отрицательных оценочных суждениях объект чаще всего конкретизируется, и оценке подвергается отдельный результат исследования, а не вся работа в целом, как это показано в примерах (19) и (20):

(19) ***Some of the spatial results*** *appear determined or constrained by the training objective and other procedures.*

(20) ***Some of the language-activation results*** *appear dependent on the definition of language regions.*

Отметим, что средства градуирования оценки могут употребляться в комбинации с языковыми средствами субъективизации оценки, как в примерах (15), (19) и (20), что усиливает прагматический эффект снижения категоричности и смягчения отрицательной оценки.

Эксплицитные vs. имплицитные оценки

Направленность оценки оказывает влияние и на выбор типа речевого акта, ее выражающего. Высказывание с положительной оценкой, как было отмечено выше, ассертивно и эксплицитно, тогда как отрицательная оценка преимущественно имплицитна и выражается косвенным речевым актом. Количественное распределение эксплицитных и имплицитных оценок представлено в табл. 3.

Таблица 3. Количественное распределение эксплицитных и имплицитных оценок в рецензиях
Table 3. Quantitative distribution of explicit and implicit ratings in reviews

Тип оценки	Подкорпус положительных рецензий		Подкорпус отрицательных рецензий	
	Положительная оценка	Отрицательная оценка	Положительная оценка	Отрицательная оценка
Эксплицитная	186 (81%)	160 (27%)	162 (75%)	234 (37%)
Имплицитная	43 (19%)	428 (73%)	54 (25%)	398 (63%)
Всего контекстов	229	588	216	632

Как показывает количественное распределение эксплицитных и имплицитных оценок в корпусе открытых рецензий, положительная оценка как в положительных, так и в отрицательных рецензиях выражается преимущественно эксплицитно, при этом рецензенты используют в качестве предпочтительного речевого акта констативы, выражающие оценочные суждения. Положительная оценка может как выражаться оценочным предикатом, приписывающим определенное свойство объекту оценки, как это показано в примере (21), так и содержаться в выборе слова, которым рецензент обозначает тот или иной результат, как в примере (22), где конкретный исследовательский подход, примененный авторами статьи (*The introduction of specific utility metrics*), в следующем предложении обозначается оценочным существительным *innovation*. Кроме того, положительная оценка в этих же примерах выражается синтаксическими конструкциями типа «предикат + оценочное прилагательное + объект» (*offering a clear perspective*, *provides a more nuanced understanding*, *addresses a significant gap*). В таких случаях положительная оценка распространяется и на субъект в предложении, который подвергается оцениванию:

(22) *The* ***evaluation in this paper is highly insightful***, ***offering*** *readers* ***a clear perspective*** *on the current limitations of LLM-based text-to-SQL approaches.*

(23) ***The introduction of specific utility metrics for stickers provides a more nuanced understanding*** *of sticker quality beyond mere popularity.* ***This innovation addresses a significant gap*** *in existing research.*

Критическая оценка чаще выражается при помощи косвенного речевого акта, который не является эксплицитным оценочным высказыванием, но индуцирует его оценочное прочтение.

Анализ корпуса рецензий показал, что критическая оценка гораздо чаще выражается посредством таких типов косвенных речевых актов, как вопрос, рекомендация или просьба.

Например, речевой акт просьбы, проиллюстрированный в примерах (24)–(26), имплицирует оценочное прочтение высказывания. В данных примерах содержится просьба дополнить работу тем или иным образом, последовав рекомендации рецензента, и такая необходимость дополнить статью имплицирует ее оценку как дефицитную в некотором отношении, неполную или неясную, что присваивает такому речевому акту просьбы свойство оценочного:

(24) *In addition, the spatial-loss term introduces certain computational characteristics that* ***should be considered in greater depth****.*

(25) ***Please figure out the difference*** *between your work and MLE-Bench made by OpenAI.*

(26) ***Could you provide references*** *or data from neuroimaging studies that support the connection between the topological aspects you incorporate and the way the human brain processes language?*

Аналогичную прагматическую нагрузку несет и речевой акт вопроса, который в текстах рецензий может быть представлен как вопросительными предложениями, как в примере (27), так и формами косвенного вопроса, как в примерах (28) и (29):

(27) *However, the other important aspect is the ideal multi-turn process for each task. What is the typical number of turns and the sequence to complete the task?*

(28) *The paper says it selects databases where the number of columns is larger than 200. However, that does not guarantee that the schema is complex enough. For example, these 200 columns can be stored in one table.* ***It is not clear how*** *complicated the table relationship is.*

(29) ***I would like to understand how*** *the authors created the datasets and what was the reason for retaining the users that posted more than 50/75/200 comments for the three datasets.*

Кроме того, отрицательная оценка в рецензиях часто имплицитно выражается речевым актом совета, который принимает форму утверждения, включающего предикат в сослагательной форме. Такие утверждения могут быть выражены условными предложениями, в главной клаузе которых содержится предикат положительной оценки в форме ирреализа, как в примере (30), либо простыми предложениями с оценочными предикатами (пример (32)) и предикативами (пример (31)):

(23) ***The paper would be stronger if*** *the methodology was more detailed.*

(24) ***It would be helpful to clarify*** *whether LimeSurvey annotators were laypeople or experts.*

(25) ***The results section would benefit from*** *including actual qualitative examples from the models.*

Заключение

Открытое рецензирование, будучи относительно новой дискурсивной практикой в сфере научно-экспертной коммуникации, ставит перед автором рецензии сложную коммуникативную задачу – провести квалифицированную экспертизу рукописи научной статьи, отметив ее как положительные, так и отрицательные стороны, а также высказать критические замечания, соблюдая при этом принципы научной этики и нормы вежливости.

Описанная проблема определила основную задачу работы – определить лингвосемиотические и лингвопрагматические ресурсы языка, которые используются для дискурсивного конструирования оценок разной направленности (положительной или отрицательной) в текстах открытых рецензий.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что при выражении положительной и отрицательной оценок авторы рецензий выбирают языковые средства, последовательное и системное употребление которых предполагает выбор определенной коммуникативной стратегии оценки. В частности, направленность оценки определяет выбор языковых ресурсов и осуществляется с учетом трех основных параметров категории оценки: степени субъективности, градуальности и эксплицитности. В исследовании также установлены основные категории, играющие ключевую роль в модификации оценки в жанре открытой рецензии: категория субъективной модальности, категория градуальности и тип речевого акта.

Во-первых, положительная и отрицательная оценки отличаются по степени авторизации. Положительная оценка объективирована, что на языковом плане проявляется в использовании оценочных утверждений, содержащих признаковый компонент оценки, но не указывающий эксплицитно на оценивающий субъект. Такие утверждения также не содержат языковых средств выражения субъективной модальности. Подобное оформление высказывания формирует представление об оценке как фактуальной и достоверной, а отсутствие указания на субъект оценки позволяет интерпретировать ее как обобщенную коллективную оценку. Отрицательная оценка, напротив, сопровождается широким употреблением как средств эксплицитного указания на субъект оценки, так и модальных средств, используемых для конструирования оценки как вероятностной, а не фактуальной, что способствует снижению категоричности оценочного

высказывания. Частотное указание на субъект оценки в таких высказываниях конструирует ее как субъективную авторизованную оценку, которую в ряде случаев можно интерпретировать как личное мнение рецензента, что дополнительно снижает ее категоричность.

Во-вторых, оценки варьируются по степени градуированности. Положительные оценочные высказывания либо неградуированы, либо содержат интенсификаторы оценки, которые могут быть выражены интенсифицирующими лексемами или отдельными семами в составе лексемы. Отрицательные оценочные высказывания сопровождаются широким употреблением языковых средств деинтенсификации оценки.

В-третьих, положительные и отрицательные оценочные высказывания варьируются по степени эксплицитности оценки: положительная оценка преимущественно эксплицитна, тогда как отрицательная оценка часто выражается косвенным речевым актом. При этом наиболее частотными речевыми актами, имплицирующими оценочное прочтение, являются вопросы, уточняющие некоторые аспекты исследования, которые остались неясными рецензенту, что предполагает указание на некоторую дефицитность рецензируемой работы. Такую же прагматическую нагрузку имеют и речевые акты просьбы, как правило, уточнить или дополнить некоторые фрагменты работы. Речевой акт совета имплицирует оценочную интерпретацию, поскольку, указывая на возможные пути улучшения работы, выражает критику того варианта, который был подан на рассмотрение.

Следует подчеркнуть, что языковые средства модификации оценки, имеющие схожую прагматическую нагрузку, усиливают суммарный прагматический эффект. Так, субъективизация оценки и ее деинтенсификация снижают категоричность отрицательной оценки, тем самым смягчая критику. Выбор косвенных, а не прямых речевых актов предполагает определенное оценочное прочтение, но не диктует его прямо.

Таким образом, последовательно выбирая различные лингвосемиотические и лингвопрагматические ресурсы, имеющие схожий прагматический потенциал снижения категоричности и смягчения критики, рецензенты последовательно реализуют гиперстратегию вежливости. Это отвечает запросу научного сообщества повысить степень конструктивности критики и соблюдать этические нормы научно-экспертной коммуникации.

Дальнейшие исследование категории оценки в научно-экспертной коммуникации предполагает включение данных о языковой вариативности оценки в корпусе открытых и закрытых рецензий. Кроме того, перспективным видится сравнительное исследование о связи направленности оценки и аргументативных структур ее обоснования, в частности, дискурсивной реализации обоснования отрицательной оценки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Болдырев Н.Н.** Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. Вып. 37: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 16–18 мая 2019 г. Нижний Новгород: Издательство ДЕКОМ, 2019. С. 37–44.

2. **Чернявская В.Е.** Культура отказа в научной коммуникации: семантика и прагматика отрицательной оценки в экспертизе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21, № 4. С. 956–975. DOI: 10.21638/spbu09.2024.411

3. **Paltridge B.** The Discourse of Peer-Review: Reviewing Submissions to Academic Journals. London: Palgrave Macmillan, 2017. 235 p. DOI: 10.1057/978-1-137-48736-0

4. **Кондратенко П.И.** Лингвокультурные особенности оценивания в научно-экспертной коммуникации (на материале немецко- и русскоязычных лингвистических рецензий) // Terra Linguistica. 2022. Т. 13, № 2. С. 66–74. DOI: 10.18721/JHSS.13207

5. **Ларина Т.В.** Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в английской и русской анонимной рецензии // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1 (39). С. 38–57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57

6. **Соловьянова Е.В.** Дискурсивно-стилистический подход к изучению агональности в письменной научной коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. №1. С.17–21.

7. **Vassileva I.** Confrontation in Academic Communication. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. 114 p. DOI: 10.1007/978-3-031-32736-0

8. **Чернявская В.Е.** Негативная оценка в российской научной рецензии: между критической рефлексией и ритуальным жанром (на материале рецензий на монографии по социологии 2015–2022 гг.) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 11. С. 1680–1698. DOI: 10.17516/1997-1370-0944

9. **Chernyavskaya V.E.** To be or not to be critical in academic communication? Pragmatics of evaluative language in Russian academic book reviews // Training, Language and Culture. 2023. Vol. 7, Iss. 2. P. 55–63. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-55-63

10. **Клочкова Е.С.** Коммуникативные стратегии в виртуальной научной дискуссии в условиях речевого конфликта // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 2. С. 78–84. DOI: 10.18721/JHSS.15207

11. **Баребина Н.С.** Критика и контраргументация в лингвистической науке (приглашение к размышлению). Иркутск: Изд-во БГУ, 2019. 154 с.

12. **Wolfram D., Wang P., Hembree A., Park H.** Open peer review: Promoting transparency in open science // Scientometrics. 2020. Vol. 125, Iss. 2. P. 1033–1051. DOI: 10.1007/s11192-020-03488-4

13. **Wilcox C.** Rude reviews are pervasive and sometimes harmful, study finds // Science. 2019. Vol. 366, Iss. 6472. P. 1433–1433. DOI: 10.1126/science.366.6472.1433

14. **Beaumont L.J.** Peer reviewers need a code of conduct too // Nature. 2019. Vol. 572. Art. no. 439. DOI: 10.1038/d41586-019-02492-w

15. **Bharti P.K., Agarwal M., Ekbal A.** Please be polite to your peers: a multi-task model for assessing the tone and objectivity of critiques of peer review comments // Scientometrics. 2024. Vol. 129. P. 1377–1413. DOI: 10.1007/s11192-024-04938-z

16. **Нефедов С.Т.** Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 4. С. 760–778. DOI: 10.21638/spbu09.2021.408

17. **Martin J.R., White P.R.** The Language of Evaluation. London: Palgrave Macmillan, 2005. 278 p. DOI: 10.1057/9780230511910

18. **Арутюнова Н.Д.** Оценка в механизмах жизни и языка // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 130–274.

19. **Chernyavskaya V.E., Nefedov S.T.** Towards social Indexicality: From "Kollektiv" to "Team". And back via Coronavirus Pandemic? // Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur 2021. Iss. 46. P. 1–21. DOI: 10.26650/sdsl2021-990815

20. **Нефедов С.Т.** Катализаторы оценки: как распознать оценочные смыслы // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 11. С. 1699–1712. DOI: 10.17516/1997-1370-0945

21. **Кондратенко П.И.** Катализаторы оценки в немецко- и русскоязычных научных рецензиях по лингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21, № 4. С. 866–885. DOI: 10.21638/spbu09.2024.406

22. **Бахтин М.М.** Избранное: в 2 т. Т. 2: Поэтика Достоевского. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 512 с.

23. OpenReview. URL: https://openreview.net (дата обращения: 02.04.2025).

24. **Gius E., Meister J.C., Meister M., Petris M., Gerstorfer D., Akazawa M., Messner S.** CATMA (7.2.0) // Zenodo. DOI: 10.5281/zenodo.1470118

25. **Swales J.M.** Research Genres: Explorations and Applications. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 314 p. DOI: 10.1017/CBO9781139524827

26. **Martin J.R., Rose D.** Working with Discourse. London, NY: Continuum, 2007. 363 p.

27. **Fortanet I.** Evaluative language in peer review referee reports // Journal of English for Academic Purposes. 2008. Vol. 7, Iss. 1. P. 27–37. DOI: 10.1016/j.jeap.2008.02.004

28. **Oteíza T., Pinuer C.** Valorative prosody and the symbolic construction of time in recent national historical discourses // Discourse Studies. 2013. Vol. 15, Iss. 1. P. 43–64. DOI: 10.1177/1461445612466447

29. **Hart C., Fuoli M.** Objectification Strategies Outperform Subjectification Strategies in Military Interventionist Discourse // Journal of Pragmatics. 2020. Vol. 162. P. 17–28. DOI: 10.1016/j.pragma.2020.03.004

30. **Hart C.** Critical Discourse Analysis and cognitive Science: New Perspectives on Immigration Discourse. London: Palgrave Macmillan, 2010. 219 p. DOI: 10.1057/9780230299009

31. **Marín-Arrese J.I.** Effective vs. Epistemic Stance and Subjectivity in Political Discourse: Legitimising Strategies and Mystification of Responsibility // Critical Discourse Studies in Context and Cognition / ed. by C. Hart. Amsterdam: John Benjamins, 2011. P. 193–224. DOI: 10.1075/dapsac.43.10mar

REFERENCES

[1] **Boldyrev N.N.,** Dominant principle of linguistic cognition organization, Cognitive Studies of Language, Vol. 37, Integrative Processes in Cognitive Linguistics: Papers of International Congress on Cognitive Linguistics. May, 16–18, 2019, DEKOM Publishing House, Nizhny Novgorod, 2019, pp. 37–44.

[2] **Chernyavskaya V.E.,** Culture of rejection in scientific communication: Semantics and pragmatics of negative evaluative language in peer-review, Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 21 (4) (2024) 956–975. DOI: 10.21638/spbu09.2024.411

[3] **Paltridge B.,** The Discourse of Peer-Review: Reviewing Submissions to Academic Journals, Palgrave Macmillan, London, 2017. DOI: 10.1057/978-1-137-48736-0

[4] **Kondratenko P.I.,** Linguistic and cultural features of evaluation in academic expert com munication (based on German and Russian academic reviews in Linguistics), Terra Linguistica, 13 (2) (2022) 66–74. DOI: 10.18721/JHSS.13207

[5] **Larina T.V.,** Emotive ecology and emotive politeness in English and Russian blind peer-review, Journal of Psycholinguistics, 1 (39) (2019) 38–57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57

[6] **Solovyanova Ye.V.,** Discursive and stylistic approach to the study of agonality in written scientific communication, Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication, 1 (2018) 17–21.

[7] **Vassileva I.,** Confrontation in Academic Communication, Palgrave Macmillan, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-32736-0

[8] **Chernyavskaya V.E.,** Negative evaluation in Russian academic book review: across critical reflection and ritual genre (based on reviews of monographs on sociology in 2015–2022), Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 15 (11) (2022) 1680–1698. DOI: 10.17516/1997-1370-0944

[9] **Chernyavskaya V.E.,** To be or not to be critical in academic communication? Pragmatics of evaluative language in Russian academic book reviews, Training, Language and Culture, 7 (2) (2023) 55–63. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-55-63

[10] **Klochkova Ye.S.,** Communicative strategies in virtual scholarly conflict discussion, Terra Linguistica, 15 (2) (2024) 78–84. DOI: 10.18721/JHSS.15207

[11] **Barebina N.S.,** Kritika i kontrargumentatsiya v lingvisticheskoy nauke (priglasheniye k razmyshleniyu) [Criticism and counterargumentation in linguistic science (invitation to reflection)], BSU Publishing, Irkutsk, 2019.

[12] **Wolfram D., Wang P., Hembree A., Park H.,** Open peer review: Promoting transparency in open science, Scientometrics, 125 (2) (2020), 1033–1051. DOI: 10.1007/s11192-020-03488-4

[13] **Wilcox C.,** Rude reviews are pervasive and sometimes harmful, study finds, Science, 366 (6472) (2019) 1433–1433. DOI: 10.1126/science.366.6472.1433

[14] **Beaumont L.J.,** Peer reviewers need a code of conduct too, Nature, 572 (2019) 439. DOI: 10.1038/d41586-019-02492-w

[15] **Bharti P.K., Agarwal M., Ekbal A.,** Please be polite to your peers: a multi-task model for assessing the tone and objectivity of critiques of peer review comments, Scientometrics, 129 (2024) 1377–1413. DOI: 10.1007/s11192-024-04938-z

[16] **Nefedov S.T.,** The variety of evaluation in communicative practices of academic discourse, Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 18 (4) (2021) 760–778. DOI: 10.21638/spbu09.2021.408

[17] **Martin J.R., White P.R.,** The Language of Evaluation, Palgrave Macmillan, London, 2005. DOI: 10.1057/9780230511910

[18] **Arutiunova N.D.,** Otsenka v mekhanizmakh zhizni i yazyka [Evaluation into the mechanisms of life and language], Yazyki russkoy kultury [Language and the Human World], Iazyki russkoi kultury Publ., Moscow, 1999, pp. 130–274.

[19] **Chernyavskaya V.E., Nefedov S.T.,** Towards social Indexicality: From "Kollektiv" to "Team". And back via Coronavirus Pandemic?, Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur, 46 (2021) 1–21. DOI: 10.26650/sdsl2021-990815

[20] **Nefedov S.T.,** Evaluation Catalysts: How to Recognize Evaluative Meanings, Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 15 (11) (2022) 1699–1712. DOI: 10.17516/1997-1370-0945

[21] **Kondratenko P.I.,** Evaluation catalysts in German and Russian academic reviews in linguistics, Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 21 (4) (2024) 866–885. DOI: 10.21638/spbu09.2024.406

[22] **Bakhtin M.M.,** Izbrannoye [Selected], in 2 vols., Vol. 2, Poetika Dostoyevskogo [Poetics of Dostoevsky], Center for Humanitarian Initiatives, Moscow, 2020.

[23] OpenReview. Available at: https://openreview.net (accessed 02.04.2025)

[24] **Gius E., Meister J.C., Meister M., Petris M., Gerstorfer D., Akazawa M., Messner S.,** CATMA (7.2.0), Zenodo. DOI: 10.5281/zenodo.1470118

[25] **Swales J.M.,** Research Genres: Explorations and Applications, Cambridge University Press, Cambridge, 2004. DOI: 10.1017/CBO9781139524827

[26] **Martin J.R., Rose D.,** Working with Discourse, Continuum, London, NY, 2007.

[27] **Fortanet I.,** Evaluative language in peer review referee reports, Journal of English for Academic Purposes, 7 (1) (2008), 27–37. DOI: 10.1016/j.jeap.2008.02.004

[28] **Oteíza T., Pinuer C.,** Valorative prosody and the symbolic construction of time in recent national historical discourses // Discourse Studies. Vol. 15(1) (2013), pp. 43– 64

[29] **Hart C., Fuoli M.,** Objectification Strategies Outperform Subjectification Strategies in Military Interventionist Discourse, Journal of Pragmatics, 162 (2020) 17–28. DOI: 10.1016/j.pragma.2020.03.004

[30] **Hart C.,** Critical Discourse Analysis and cognitive Science: New Perspectives on Immigration Discourse, Palgrave Macmillan, London, 2010. DOI: 10.1057/9780230299009

[31] **Marín-Arrese J.I.,** Effective vs. Epistemic Stance and Subjectivity in Political Discourse: Legitimising Strategies and Mystification of Responsibility, Critical Discourse Studies in Context and Cognition, ed. by C. Hart, John Benjamins, Amsterdam, 2011, pp. 193–224. DOI: 10.1075/dapsac.43.10mar

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Клочкова Елена Сергеевна
Yelena S. Klochkova
E-mail: elenaklochkova2014@gmail.com
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6326-8392

Поступила: 22.04.2025; Одобрена: 24.06.2025; Принята: 30.06.2025.
Submitted: 22.04.2025; Approved: 24.06.2025; Accepted: 30.06.2025.

Terra Linguistica. 2025, Том 16, № 2. С. 71–84.
Terra Linguistica. 16 (2) (2025) 71–84.

Научная статья
УДК 811.161.1'282
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16205
EDN: https://elibrary/EXCZXX

ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ДИСТРИБУЦИИ ДЕРИВАТОВ С ФОРМАНТОМ -УШ/А В ЗАПАДНЫХ И СИБИРСКИХ ГОВОРАХ РУССКОГО ДИАЛЕКТНОГО ЯЗЫКА

А.А. Лушпей[1] ✉, Е.С. Лунькова[2]

[1] Кемеровский государственный институт культуры, г. Кемерово, Российская Федерация;

[2] Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация

✉ ana1534@ya.ru

Аннотация. Изучение словообразовательного уровня русского диалектного языка представлено в большинстве случаев анализом словообразовательных типов производных существительных с конкретно-предметной семантикой. Рассмотрение производных слов с формантом -уш/а представляет возможность их изучения в рамках словообразовательной ниши, что обусловлено неоднозначностью мотивирующей основы и поливалентностью суффикса. Для анализа материала используются описательный метод, метод сопоставительного анализа, частные методики словообразовательного анализа и анализа пропозиционально-оценочного компонента семантики производного слова, методика моделирования комплексных единиц словообразования, элементы методики количественного и лингвокультурологического анализа. Описание территориальной дистрибуции производных слов с таким суффиксом в западных русских говорах Европейской части России и в сибирских говорах демонстрирует специфику их функционирования: если в первых сохраняется большое количество архаических моделей, то во вторых наполнение моделей сдвигается в сторону наименований лиц, причем часто такое именование сопровождается негативной коннотацией; в то же время устойчивость и однородность словообразовательных моделей может говорить об относительно новой языковой тенденции, характерной для говоров Сибири.

Ключевые слова: диалекты, западные говоры, сибирские говоры, словообразовательный формант, словообразовательная ниша, производные слова.

Для цитирования: Лушпей А.А., Лунькова Е.С. Особенности территориальной дистрибуции дериватов с формантом -уш/а в западных и сибирских говорах русского диалектного языка // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 2. С. 71–84. DOI: 10.18721/JHSS.16205

© Лушпей А.А., Лунькова Е.С., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Research article
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16205

FEATURES OF THE TERRITORIAL DISTRIBUTION OF DERIVATIVES WITH THE -USH/A FORMANT IN WESTERN AND SIBERIAN DIALECTS OF THE RUSSIAN DIALECT LANGUAGE

A.A. Lushpey[1] ✉, **E.S. Lunkova**[2]

[1] Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russian Federation;

[2] Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

✉ ana1534@ya.ru

Abstract. The study of the word-formation level of the Russian dialect language is mostly represented by the analysis of the word-formation types of concrete-noun derivatives. Study of derivatives with the suffix -ush/a offers unique insights into derivational niches, due to the ambiguity of the motivating basis and the polyvalence of the suffix. The description of the territorial distribution of derivatives with the suffix -ush/a in Western Russian dialects of the European part of Russia and in Siberian dialects demonstrates the specifics of their functioning: Western dialects have a large number of archaic models, and Siberian dialects indicate the shift of models towards personal nominations, often with negative connotation; at the same time, the stability and unity of elements of word-formation niche may indicate a relatively new linguistic trend, which characterizes Siberian dialects.

Keywords: dialects, Western dialects, Siberian dialects, word-formation formant, word-formation niche, derivatives.

Citation: Lushpey A.A., Lunkova E.S., Features of the territorial distribution of derivatives with the -ush/a formant in Western and Siberian dialects of the Russian dialect language, Terra Linguistica, 16 (2) (2025) 71–84. DOI: 10.18721/JHSS.16205

Введение

Русские говоры давно находятся в центре внимания исследователей в силу их богатой и сложной истории развития. До недавнего времени привлекали внимание преимущественно фонетические, лексические (в том числе ономастические) и морфологические особенности говоров; в настоящей статье в центре внимания оказалось описание производных существительных в рамках комплексной словообразовательной единицы – словообразовательной ниши. Л. А. Араева определяла словообразовательную нишу по частеречному составу мотивирующих; по степени активности сочетаемости форманта с мотивирующими определенной части речи; по соотношению словообразовательного значения ниш со словообразовательными значениями составляющих их типов; по особенностям взаимодействия словообразовательных типов с одним формантом [1]. Данное исследование проводилось на материале производных существительных с формантом -уш/а как важных единиц лексики, отражающих собственно диалектную специфику изучаемого материала, обусловленную включением данных слов в традиционную материальную культуру русских крестьян. Немногочисленная представленность дериватов с -уш/а в Западной группе русских народных говоров Европейской части России и в сибирских народных говорах связана с детерминантами как экстралингвистического характера (процесс изменения государственного строя, переход общества в индустриальную эпоху развития неизменно влечет изменение словарного состава языка; многие предметы быта, орудия труда и т. д. исчезли из повседневной деятельности человека), так и лингвистического свойства (конкуренция за сферу семантического влияния среди словообразовательных типов, входящих в разные словообразовательные ниши, достаточно высока, побеждают более регулярные типы).

© Lushpey A.A., Lunkova E.S., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

В результате всех этих процессов синонимичные типы, обладающие бóльшим количеством пропозиций, вытесняют менее продуктивные типы с малым количеством пропозиций. На современном этапе развития языка словообразовательные типы с формантом -уш/а уже вышли из ситуации замещения и находятся в состоянии стагнации, о чем свидетельствует функциональная сфера их применения: на письме в абсолютном большинстве случаев – это сфера художественного или публицистического стиля, причем в случае с номинацией лиц это ситуация диалога персонажей, в процессе которого один из участников экспрессивно номинирует другого.

Обширный инвентарь суффиксов задействован в словообразовательной деятельности носителя диалекта, этот инвентарь способствует формированию различных словообразовательных ниш. Диалектные ниши демонстрируют устойчивое словообразовательное значение в русских народных говорах и имеют уникальный семантический рисунок. Именно словообразовательная ниша в результате включения на правах общности форманта и инвариантного словообразовательного значения дериватов (прежде всего мутационного значения) позволяет анализировать особенности функционирования схожих по структуре производных слов в русских народных говорах – за счет поливалентности форманта и семантики производящей основы. В дериватологии изучение словообразовательной ниши представлено единичными работами, что отнюдь не свидетельствует об отсутствии актуальности данного объекта исследования, напротив, такое положение предполагает перспективу исследования производных слов с тождественным формантом в различных диалектных системах, в нашем случае – в пространстве дистантно расположенных западных русских (смоленских, брянских, псковских) и сибирских говоров. На современном этапе развития языка словообразовательные типы с формантом -уш/а находятся на периферии словообразовательной системы русского языка, что объясняется не только лингвистическими, но и экстралингвистическими причинами.

В статье представлены результаты осмысления диалектного материала в нескольких отраслях современного языкознания: этнолингвистики, лингвоаксиологии, диалектологии и словообразования. Теоретической основой исследования послужили труды ученых в области словообразования[1] [1–3], лингвоаксиологии [4–6], этнолингвистики[2] [7–10] и диалектологии [11, 12]. Современная диалектология развивается в различных направлениях: это по-прежнему исследования в русле структурной парадигмы, а также научные изыскания, связанные с изучением диалектной картины мира и диалектного языка в широком контексте народной культуры и теории диалектной языковой личности[3] [13–16].

Методы и методология исследования

Для анализа материала используются описательный метод, метод сопоставительного анализа, методики словообразовательного анализа и анализа пропозиционально-оценочного компонента семантики производного слова, методика моделирования комплексных единиц словообразования, основанная на составлении и описании диалектных словообразовательных моделей в рамках словообразовательных типов, элементы методики количественного и лингвокультурологического анализа. Широко применяется также метод сравнительно-типологического анализа – необходимость его применения связана с обнаружением различий в разных диалектных системах и установлением отношений между ними. В качестве единиц для исследования выступают дериваты с формантом -уш/а, извлеченные методом сплошной выборки из словарей русских народных говоров (в общей сложности было обработано 109 томов, 1470 словарных статей).

[1] Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование: учебное пособие. М.: Просвещение, 2013. 304 с.

[2] Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. 448 с.

[3] Иванцова Е.В. Идиолектный словарь прецедентных текстов сибирского старожила. Томск: Издательство Томского университета, 2016. 132 с.; Нефедова Е.А. Экспрессивный словарь диалектной личности. М.: Издательство Московского университета, 2001. 143 с.

Обсуждение

Словообразовательная ниша с суффиксом -уш/а является особым объектом изучения в диалектном словообразовании, поскольку наглядно демонстрирует специфику и динамику развития словообразовательных единиц на различных участках деривационной системы русских народных говоров. «Признание в качестве комплексной единицы словообразования словообразовательной ниши определяет ее как иерархически организованную структуру знаний, как способ хранения информации, содержащейся в мотивирующем и производном слове» [16, с. 750]. Обратимся к частным представителям этой системы в Западной группе русских народных говоров (смоленские говоры как основной территориальный представитель Западной группы, брянские и псковские говоры) и в сибирских говорах (в целом в русских народных говорах Сибири по данным «Словаря русских говоров Сибири»), поскольку эти дистантно расположенные группы говоров ярко демонстрируют специфику территориальной дистрибуции словообразовательной ниши с суффиксом -уш/а в пространстве русского диалектного языка.

Выбор смоленских говоров как центральных говоров в Западной группе обусловлен их почти двухвековой традицией изучения, в результате которой они получили достаточно полное описание: были исследованы различные языковые уровни (фонетика, лексика, грамматика), представлены особенности отдельных говоров, проведены исследования современного состояния и истории говоров, имеются работы по этимологическим проблемам, диалектная лексика нашла свое отражение в лексикографических трудах; был определен статус смоленского диалекта в системе народных русских говоров [17]. На основании комплексного изучения словообразовательных типов наименований артефактов как одного из наиболее значимых участков деривационной системы в смоленских говорах можно утверждать, что в них исторически сложилась и в настоящее время функционирует целостная словообразовательная система. Полифункциональность динамики развития диалектных словообразовательных типов в пространственно-временной функциональной проекции позволяет установить специфику диалектной словообразовательной системы через призму производного диалектного слова. Все эти факторы совокупно влияют на выбор словообразовательной ниши с суффиксом -уш(а) для комплексного анализа.

Основные классификационные признаки, используемые для описания словообразовательной ниши, включают следующие параметры:

1) часть речи производящей основы – имя существительное (С), имя прилагательное (П), глагол (Г), словосочетание (СС). Производящие иных частей речи в рамках описываемой словообразовательной ниши не встречаются;

2) лексическую характеристику производного слова, принадлежность его к наименованиям артефактов (А), натурфактов (Н) или разнообразным характеристиками человека (Ч). В случае отклонения от предложенной схемы распределения лексических значений в статье даются необходимые комментарии. Такая категоризация анализируемого диалектного материала обусловлена самой природой этого процесса, так как именно «в акте категоризации принципиально важными являются два момента: знак и его элементы выступают, с одной стороны, как символы вкладываемого в них смысла, а с другой – как то, что требует подтверждения своему разумному существованию. Это означает, что акт категоризации по существу своему амбивалентен, поскольку, с одной стороны, устанавливает возможность для квалификации познаваемого, а с другой – не мыслим без способов, объективирующих символический потенциал определяемых элементов» [2, с. 21]. В случае лексической омонимии в данных материалах учитываются производные лексические единицы с разными типами значений.

Смоленские и брянские говоры демонстрируют разное количество производных слов с суффиксом -уш/а, однако среди них значительно преобладают существительные из смоленских говоров, поскольку здесь было обнаружено 19 существительных с мутационным значением по

сравнению с шестью словами, известными брянским говорам; здесь и далее в скобках указаны производящие слова для каждого производного существительного, полужирным шрифтом выделены диалектные производящие слова:

баглу́ша (от ***ба́глить*** ‘жарко топить печь, плиту, баню’, ГА[4]) – пресная лепешка из муки, картофеля. ССГ[5]. 1: 100;

борову́ша (от *боровой*, ПН) – сосна, растущая в бору. СРНГ[6], 3. ССГ 1: 227;

волоку́ша (от *волочить*, ГА) – 1. 1) Приспособление для перевозки сена, соломы и т.д., сделанное из двух жердей, скрепленных прутьями или веревками. ССГ 2: 71;

горбу́ша (от *горб*, СА) – коса-горбуша. ССГ 3: 54;

горьку́ша (от *горький*, ПА) – водка. ССГ 3: 63;

гему́ша (от *греметь*, ГН) – каменистая мелкая речка с быстрым течением. ССГ 3: 72;

задвигу́ша (от *задвигать*, ГА) – деревянная или железная задвижка, употребляемая для запирания дверей, ворот; засов. ССГ 4: 61;

квоку́ша (от *квохтать*, с фонетическим вариантом *квоктать*, ГН) – курица-наседка. ССГ 5: 28;

килу́ша (от *кила*, СН) – брюква. ССГ 5: 30;

куку́ша (от *куковать*, ГН) – кукушка. ССГ 5: 126;

куру́ша (от ***ку́ркать*** ‘издавать звуки, о курице’, ГН) – курица-наседка. ССГ 5: 140;

ладу́ша (от ***ла́дить*** ‘ритмично исполнять какую-либо работу’, ГА) – углубление в мялке. ССГ 6: 9;

лиху́ша (от *лихой*, ПА) – холодное кушанье. ССГ 6: 43;

мокру́ша (от *мокрый*, ПН) – мокрица. ССГ 11: 255;

плаку́ша (от *плакать*, ГН) – несъедобный гриб. ССГ 8: 76;

плоску́ша (от *плоский*, ПА) – односкатная крыша двора. ССГ 8: 83;

рябу́ша (от рябой, ПА) – пояс, сплетенный из разноцветных ниток. ССГ 9: 153;

толку́ша и ***толоку́ша*** (от толочь, ГА) – пест, толкач ССГ. 10: 186;

треску́ша (от трещать, ГА) – яичница глазунья. ССГ 10: 202;

Производных слов с модификационным словообразовательным значением в смоленских говорах значительно меньше, а именно шесть:

волоку́ша (от волочиться, ГЧ) – 3. *Экспр*. Девушка плохого поведения. ССГ 2: 72;

ворогу́ша (от ворог, СН) – 1. *Бран*. Нечистая сила. 2. Гнойниковое заболевание губ. ССГ 2: 77;

гайду́ша (от ***га́йда*** ‘о рослом человеке’ СЧ) – 1) Человек высокого роста. 2) *Неодобр*. Бездельник, бездельница. ССГ 3:11;

мяку́ша (от мягкий, ПЧ) – женщина, непривычная к труду. ССГ 6: 126;

прости́ша (от простой, ПЧ) – простой, добрый человек. ССГ 9: 62;

шугу́ша (от ***шуга́*** ‘огородное чучело’ СЧ) – бестолковый человек. ССГ 11: 159.

Нужно отметить, что все представленные слова с мутационным словообразовательным значением лишены негативной коннотации, данное замечание будет особенно важным в контексте характеристики производных слов в других говорах. «Субъект, пытаясь обозначить внеязыковую реальность, онтологический мир, в сущности, создает новую – лингвальную – действительность, которая подчиняется законам субъекта, стереотипам, являющимся отражением заложенных в языке моделей преобразования внеязыкового мира в языковой, преломленных через лингвальную компетенцию номинанта» [11, с. 29].

Брянские говоры представлены лишь шестью производными словами с суффиксом -уш(а), из них четыре демонстрируют мутационное словообразовательное значение:

[4] Список используемых сокращений в конце статьи (*примеч. ред*.).

[5] Словарь смоленских говоров Том1-Том 11, Смоленский пед. ин-т им. Карла Маркса; под ред. доц. А. И. Ивановой, Смоленск, 1974.

[6] Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. Москва: Наука; Ленинград: Наука, Ленинградское отд-ние, 1965.

волоку́ша (от *волочить*, ГА) – приспособление для перевозки на лошади или машине сена, соломы и пр., состоящее из одного длинного бревна с колесами на концах и прикрепленных к нему, тянущихся за ним по земле длинных жердей, на которые накладывают груз. СБГ[7] 3: 44;

горбу́ша (от *горб*, ГН) – спина человека. СБГ 4: 40;

горьку́ша (от *горький*, ПН) – травянистое растение семейства гречишных с ломким сочным ветвистым стеблем и плотной кистью мелких розовато-белых цветков, сорняк в злаковых и огородных культурах; горец, Polygonum L. СБГ 4: 48;

плоску́ша (от *плоский*, ПН) – сорняк. Курганская 2011: 247;

и одно слово обозначает словообразовательную модификацию:

баранý́ша (от *баран*, СН) – молодой баран. СБГ 1: 30.

Нужно заметить, что все производные слова с мутационным словообразовательным значением из брянских говоров зафиксированы с примерно тем же значением, как и в смоленских говорах, т.е. демонстрируют общую материальную культуру юго-западной зоны русско-белорусского пограничья [17]. Модификационные значения у слов из брянских говоров не находят подтверждения в смоленских говорах в силу их малочисленности, и, по всей вероятности, более позднего образования. Важно при этом, что сами смоленские говоры отличаются от остальных русских народных говоров особым статусом, связанным с их переходным характером между двумя языковыми системами русского и белорусского языков и русских и белорусских говоров.

Псковские говоры, частично входя в Западную группу русских народных говоров Европейской части России, демонстрируют иную тенденцию распределения производных существительных с суффиксом -уш/а, нежели смоленские и брянские говоры. Рассмотрим производные в псковских говорах подробнее.

Мутационное словообразовательное значение, являясь ядерным для Западной группы говоров, остается весьма распространенным в псковских говорах – оно встречается в следующих существительных:

бокову́ша (от *боковой*, ПА) – изба на краю деревни. ПОС[8] 2: 82;

болту́ша (от *болтать*, ГА) – 3. Мучная каша. ПОС 2: 93;

брякоту́ша (от *брякотать*, ГА) – небольшая вещь, которая звякает, бренчит; побрякушка. ПОС 2: 197;

бурду́ша (от ***бурда́*** с тем же значением, СА) – пивной осадок, отстой. ПОС 2: 216;

веку́ша (мена финаля основы в ***ве́кша*** ‘белка’, слово условно членимое, СН) – белка. ПОС 3: 68;

волоку́ша (от *волочить*, ГА) – 1. Приспособление для перевозки сена, соломы волоком: несколько жердей, скрепленных поперечиной. 2. Количество чего-нибудь (сена, соломы), помещающееся на этом приспособлении. 3. Приспособление для перевозки бревен волоком в виде двух широких полозьев, скрепленных брусом. 4. Толстое бревно с осью, употребляемое для разминания, разбивания комьев на пашне. 5. Бредень. ПОС 4: 119-120;

высоку́ша (от *высокий*, ПН) – участок, расположенный на высоком месте. ПОС 6: 65;

гнилу́ша (от *гнилой*, ПН) – название части озера Алё в Новосокольническом районе. ПОС 7: 27;

голоду́ша (от *голод*, можно предположить полимотивационные словообразовательные связи и от прилагательного *голодный*, но в этом случае будет происходить нехарактерное для модели усечение суффикса в производящей основе, что свидетельствует в пользу первого варианта, СА) – небольшой мешок, торба для кормления лошади в дороге. ПОС 7: 64;

горбу́ша (от *горб*, СН) – 2. Гора, холм. ПОС 7: 97;

горбу́ша (от *горб*, СА) – 3. Крайний ломоть, отрезанный от каравая, пирога. 4. Коса с сильно изогнутым лезвием и коротким косовищем. ПОС 7: 97;

[7] Словарь брянских говоров / ЛГПИ им. А. И. Герцена, под. ред. В. И. Чагишева, 1976.

[8] Псковский областной словарь с историческими данными / ЛГУ им. А. А. Жданова, Межкаф. слов. каб. им. проф. Б.А. Ларина; [редкол.: Б. А. Ларин и др.]. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967.

горлу́ша (от *горло*, растение используется в народной медицине при простудах, СН) – черноголовка обыкновенная, Prunetta vulgaris L. ПОС 7: 114;

городу́ша (от ***горо́д*** ‘огород’, СН) – большая мышь. ПОС 7: 128;

гору́ша (от *гореть*, ГА) – 1. Маленький керосиновый светильник, коптилка. ПОС 7: 138;

гору́ша (от *гореть*, ГН) – 2. Выгоревшее место. ПОС 7:138;

горьку́ша (от *горький*, ПН) – 1. Лопух. 2. Сурепка. ПОС 7: 140;

грабу́ша (от ***гра́бить*** ‘лопатой, граблями собирать в одно место’, ГА) – плотно сбитая охапка сена, взятая с помощью граблей. ПОС 7: 169;

гряду́ша (от *гряда*, СН) – огородная крыса. ПОС 7: 172;

густу́ша (от *густой*, ПА) – густая каша из ржаной муки грубого помола, сваренная на воде. ПОС 8: 97;

дику́ша (от *дикий*, ПН) – 1. Дикая яблоня. 2. Гречиха. ПОС 9: 71;

долбу́ша (от *долбить*, ГА) – сосуд, выдолбленный из цельного куска дерева; деревянная миска, чашка. ПОС 9: 127;

долгу́ша (от *долгий*, ПА) – 2. Длинная, узкая телега, линейка. 3. Рыболовный снаряд конической формы, сплетенный из прутьев (для ловли щук). 5. Длинный свободный рукав женской рубашки. ПОС 9: 133;

долгу́ша (от *долгий*, ПН) – 4. Высокая яблоня с тонким стволом. ПОС 9: 133;

дробу́ша (от *дробить*, ГА) – 1. Мелкие кусочки чего-н.; мука крупного помола. 2. Кушанье из хлеба, накрошенного в воду или молоко; тюря. 3. Нежирное отварное мясо; мелкие кусочки этого мяса. ПОС 9: 209;

дробу́ша (от *дробный*, ПН) – 4. Мелкая рыба (плотва, уклейка), используемая для наживки переметов. ПОС 9: 209;

иглу́ша (от *игла*, СА) – поперечная палочка в носу и корме лодки. ПОС 13: 155;

несу́ша (от *нести*, ГН) – курица, которая несет яйца. ПОС 21: 256;

пёруша (от ***пёро*** ‘крестовина в различных устройствах’, СА) – ворот в носовой части ладьи, посредством которого судно подтягивают к берегу, пёруша служит также для нагрузки товара взамен лебедки. ПОС 26: 49;

песку́ша (от *песок*, СН) – мелкая речная рыба. ПОС 26: 60;

пласту́ша (от *пласт*, СА) – льняное волокно второго очеса. ПОС 26: 226;

плоску́ша (от *плоский*, ПН) – мелкое насекомое-паразит на теле человека. ПОС 26: 300;

повалу́ша (предположительно, от *повалить*, ГА) – одна из частей средневековых хором – отдельная постройка, служившая жилым помещением или кладовой. ПОС 27: 195;

слепу́ша (от *слепой*, ПН) – болезнь, в примере: ‘*слепу́ша – эта кишки внутри забаляют, вырязают*’. ПОС 11: 31.

Примечательно, что мотивирующая база всех приведенных выше слов примерно одинаково распределяется между основными частями речи: на долю существительных (С) приходится 12 случаев, прилагательных (П) – 11 и глаголов (Г) – 10 случаев. Так же приблизительно одинаково распределяются наименования артефактов (А) – 17 единиц и натурфактов (Н) – 16 единиц. Эти наблюдения дополнительно говорят в пользу целесообразности описания производной лексики псковских говоров с общим мутационным значением посредством комплексной словообразовательной единицы – словообразовательной ниши.

Слова с модификационным словообразовательным значением также широко представлены в псковских говорах, однако они незначительно уступают существительным с мутационным словообразовательным значением – их 31 против 33 слов в первой группе, с учетом того обстоятельства, что Псковский областной словарь является продолжающимся изданием, из-за чего не все слова псковских говоров попали в данный обзор. Модификационное словообразовательное значение понимается как значение, которое вносит дополнительные компоненты смысла

в производное слово, но при этом существенно не меняет его семантическую структуру. Очень часто модификационное словообразовательное значение бывает вызвано дополнительной стилистической окрашенностью, чаще всего пренебрежительной.

Рассмотрим производные существительные с модификационным словообразовательным значением в псковских говорах подробнее:

бабу́ша (от *баба*, СЧ) – бабушка, старушка. ПОС 1: 88;

бараба́ша (от *бараболить*, вариант *балаболить*, ГЧ) – болтливый человек, пустомеля. ПОС 1: 110;

бестолку́ша (от *бестолковый*, ПЧ) – несообразительный, забывчивый человек. ПОС 1: 195;

бойку́ша (от *бойкий*, ПЧ) – бойкая девушка, женщина. ПОС 2: 79;

болту́ша (от *болтать*, ГЧ) – 1. Любительница пустословить, говорить вздор. ПОС 2: 93;

брату́ша (от *брат*, СЧ) – брат. ПОС 2: 152;

векову́ша (от *вековой*, ПЧ) – не вышедшая замуж женщина, старая дева. ПОС 3: 67;

врагу́ша (от *враг*, СЧ) – 1. Женск. к враг. 2. Бес, демон. ПОС 5: 32;

галду́ша (от *галдеть*, ГЧ) – тот, кто много кричит, шумит. ПОС 6: 131–132;

глупу́ша (от *глупый*, ПЧ) – 1. Неразумное, глупое живое существо. ПОС 6: 190;

глупу́ша (от *глупый*, ПН) – 2. Малек снетка. ПОС 6: 190;

голоду́ша (от *голод*, СН) – 1. Отсутствие продуктов питания как массовое бедствие. ПОС 7: 64;

горбу́ша (от *горб*, СЧ) – 1. Горбатый человек. ПОС 7: 97;

далеку́ша (от *далекий*, ПЧ) – человек, который приехал издалека. ПОС 8: 120;

дочу́ша (от *дочь*, СЧ) – *Ласк*. дочь. ПОС 9: 189;

долгу́ша (от *долгий*, ПЧ) – 1. Высокая девочка или женщина с длинными тонкими ногами. ПОС 9: 133;

дробу́ша (от *дробный*, ПЧ) – 5. Болезненная женщина или девочка. ПОС 9: 209;

жадну́ша (от *жадный*, ПЧ) – то же, что *жа́дина* и *жади́на* – жадный, скупой человек (с добродушным осуждением). ПОС 10: 149;

клику́ша (от *кликать*, ГЧ) – колдун; женщина, страдающая кликушеством. Королева 1: 97;

ладу́ша (от *ладонь*, мена финалей, СЧ) – гладкий, как ладуша. *Одобр*. О хорошо откормленных, гладких от сытости животных. Мокиенко: 102;

нему́ша (от *немой*, ПЧ) – немая женщина, девушка. ПОС 21: 171;

неркý́ша (от *нервы*, СЧ) – неврастеник. ПОС 21: 223;

нескладу́ша (от нескладный, ПЧ) – 1. Небылица, выдумка. 2. Неразумные обычаи. ПОС 21: 236;

облыку́ша (от ***облыка́ться*** со значением ‘бездельничать’, ГЧ) – лентяй, бездельник. ПОС 22: 223;

пальту́ша (от *пальто*, СА) – детское пальто. ПОС 25: 62;

папу́ша (от ***па́па*** ‘хлеб’ СА) – 1. Связка листьев табака. 2. Булка, калач. ПОС 25: 99;

писку́ша (от *пищать*, ГЧ) – плакса. ПОС 26: 180;

плаку́ша (от *плакать*, ГЧ) – в похоронном обряде: женщина, оплакивающая покойника. ПОС 26: 211;

подтягу́ша (от *подтягивать*, ГЧ) – человек, который постоянно подтягивает платье. ПОС 28: 326.

хитру́ша (от *хитрый*, ПЧ) – в примере о человеке: ‘*змея подхалимная, хитрая сильна, такая хитруша*’. Гл. Мокиенко: 42.

Распределение по частям речи производящих основ в данном случае примерно такое же, как и в первой группе, объединяющей существительные с мутационным значением: от прилагательных (П) образованы 12 слов, от глаголов (Г) – 11, от существительных (С) – 8, однако принцип номинации для производных слов существенно отличается: подавляющее большинство лексических единиц, а именно 27, называет человека (Ч), на долю артефактов (А) и натурфактов (Н) приходится по два слова в каждом случае. Это подтверждает предположение о преимущественном использовании модификационного словообразовательного значения для называния человека и его свойств.

Таким образом, по данным проведенного исследования Западная группа говоров представлена диалектными существительными с суффиксами -уш/а неравномерно: с одной стороны, производными существительными смоленских и брянских говоров с преобладанием мутационного значения, а с другой стороны – существительными псковских говоров с преобладанием модификационного значения. Характер отношений между производящими и производными основами, специфика лексико-грамматического значения производных слов и частеречной принадлежности производящих позволили описать основные особенности слов с точки зрения территориальной оппозиции «север – юг» внутри Западной группы говоров.

Совершенно иное наполнение словообразовательной ниши с суффиксом -уш/а представлено в говорах Сибири. Словообразовательные значения мутации и модификации в пределах словообразовательной ниши приблизительно равновесны, но при этом незначительно преобладает модификационное значение – оно представлено в 23 словах, в то время как мутационное – в 20 словах. С другой стороны, именно мутационное значение представлено предельно разнообразно с точки зрения характера отношений производных и производящих основ с учетом их грамматических и семантических характеристик. Остановимся на этой групп слов подробнее:

белоголу́ша (от *белая голова*, ССН) – сорт ранней пшеницы с беловатым колосом; белоколоска. 1, 1: 61;

волоку́ша (от *волочь*, ГА) – 1. Приспособление для подвозки сена к стогу, сделанное из двух ветвистых берез, скрепленных перекладиной. 2. Небольшой воз сена. 1, 1: 170;

горбу́ша (от *горб*, СА) – 2. Приспособление для переноски тяжестей на спине. 3. *Устар.* Вид сарафана с воротом. 4. 1) *Устар.* Коса с изогнутым, заостренным с обеих сторон лезвием, насаженным на короткий черен. 2) Внешняя, выпуклая часть серпа. 1, 1: 265–266;

горну́ша (от ***горну́ть*** и ***сгорну́ть*** ‘сгрести’, СА) – небольшое углубление в левой или правой стороне русской печи, куда загребают угли и золу. 1, 1: 269;

долгу́ша (от *долгий*, ПА) – 2. 1) Длинная, плетенная из прутьев ловушка для рыбы. 2) Длинная телега для перевозки дров. 1, 2: 53;

кату́ша (от *катать*, ГА) – ледяная горка, устроенная для катания детей. 3: 47;

кваку́ша (от *квохтать*, фонетический вариант в говорах *квоктать*, ГН) – курица-наседка. 1, 3: 52;

квохту́ша (от *квохтать*, ГН) – наседка. 3: 56;

клоктýша (от ***клокта́ть*** ‘квохтать о курах’, ГН) – курица-наседка. 3: 73;

косу́ша (от *косой*, ПА) – самодельная, примитивная коса, напоминающая серп. 3: 134;

красноголу́ша (от *красная голова*, ССН) – сорт пшеницы с темным стеблем и красноватым колосом. 3: 146;

криву́ша (от *кривой*, ПА) – 2. Устар. деревянная соха. 3: 152;

лову́ша (от *ловить*, ГА) – ловушка. 3: 225;

мокру́ша (от *мокрый*, ПН) – 1. Мокрица. 3: 283;

мя́куша (от *мягкий*, ПА) – свежий домашний хлеб. 3: 310;

паку́ша (от ***пак*** ‘связка, тюк’, СА) – пачка, связка табачных листьев. 3: 166;

пару́ша (от ***па́рить*** ‘высиживать цыплят’, ГН) – курица-наседка. 3: 178;

потаску́ша (от *потаскать*, ГА) – груз, привязанный к капкану. 3: 424;

ра́туша (от ***ра́та*** ‘пешня’, СА) – деревянная рукоять пешни. 4: 149;

сину́ша (от *синий*, ПН) – пресноводная рыба. 4: 305.

Группа производных слов с модификационным словообразовательным значением представлена как некое семантическое целое, которое формирует ядро словообразовательной ниши с суффиксом -уш/а на территории Сибири, 22 слова данной группы называют человека с добавлением отрицательной (чаще) или положительной коннотации. Оценочность, заложенная в производящей основе мотивирующего слова, актуализируется посредством присоединения

форманта, имеющего свою функциональную сферу применения, которую диалектоноситель безошибочно интуитивно определяет. Суффикс -уш/а функционирует преимущественно в диалектной подсистеме русского национального языка, что позволяет соотносить мировидение человека и процессы номинации людей при помощи такого форманта в аспекте дихотомии «должное поведение и недолжное поведение». Важно, что такую полярность задает огромный культурный пласт русского языка. Вместе с тем, значима пейоративность дериватов, номинирующих человека по физическому облику, в котором отсутствие силы оценивается как несоответствие норме, «объясняется это культурной маркированностью концепта ‘сила’. Сила обладает большей значимостью, поскольку в сознании русского человека представляет ценность. Сила соответствует норме и оценивается положительно в физиологическом контексте: сильный человек – здоровый человек» [6, с. 659]. Модификационное словообразовательное значение проявляется в стилистических пометах, сопровождающих производные слова: *презр.*, *экспрес.*, *пренебр.*, *уничижит.* и др.

Остановимся на словах с модификационным словообразовательным значением, бытующих в русских говорах Сибири, подробнее:

боталу́ша (от ***бота́ло*** ‘болтун, пустомеля’, СЧ) – 2) Болтун, пустомеля. 1, 1: 85;

веньгу́ша (от ***ве́ньгать*** ‘надоедливо ныть, хныкать’, ГЧ) – плакса. 1, 1: 124;

ворогу́ша (от *ворог*, СЧ) – *презр.* лентяйка. 1, 1: 176;

вя́куша (от *вякать*, ГЧ) – *пренебр.* плакса. 1, 1: 218;

вяньгу́ша (от ***вя́ньгать*** ‘плакать’, ГЧ) – плакса. 1, 1: 218;

гнилу́ша (от *гнилой*, ПЧ) – *экспрес.* слабый, хилый, склонный к болезням человек. 1, 1: 244;

горбу́ша (от *горб*, СЧ) – 1. Горбатый человек. 1, 1: 265–266;

дику́ша (от *дикий*, ПЧ) – *пренебр.* 1. Слабоумный, умственно отсталый человек. 2. Необщительный, нелюдимый человек, бирюк. 1, 2: 42;

долгу́ша (от *долгий*, ПЧ) – *экспр.* 1. Высокий, худой человек. 1, 2: 53;

завянгу́ша (от ***завя́нгать*** ‘пренебреж. заплакать’, ГЧ) – *презрит.* Нищий, попрошайка. 1, 2: 158;

калеку́ша (от *калека*, СЧ) – человек с физическими недостатками, калека. 3: 23;

клику́ша (от *кликать*, ГЧ) – знахарь, колдун. 1, 3: 72;

копу́ша (от *копаться*, ГЧ) – *пренебр.* то же, что *копу́н*, *копу́нья*. 1, 3: 112;

криву́ша (от *кривой*, ПЧ) – 1. Косоглазый или хромоногий человек. 3: 152;

липу́ша (от *липнуть*, ГЧ) – *презр.* Назойливый, привязчивый человек. 3: 217;

ляму́ша (от ***ля́мать*** ‘работать’, ГЧ) – *пренебр.* Медлительный, нерасторопный человек. 3: 245;

мокру́ша (от *мокрый*, ПЧ) – 2. В рыбной ловле: тот, кто идет впереди и тянет невод. 3: 283;

моргу́ша (от *моргать*, ГЧ) – *экспрес.* Нервнобольной, страдающий припадками человек. 3: 291;

нескладу́ша (от *нескладный*, ПЧ) – *уничиж.* Неуклюжий человек. 3: 381;

подергуша (от *подергиваться*, ГЧ) – *презр.* Неспокойный, порывистый, резкий в движениях, жестах человек. 3: 290;

сеструша (от *сестра*, СЧ) – *ласк.* 1. Сестра. 2. Двоюродная сестра. 4: 293;

хлопуша (от ***хло́пать*** ‘лгать’, ГЧ) – Лживый человек, лгун. 1, 1: 28.

Подобное распределение слов с мутационным и модификационным значениями, при широком диапазоне вариаций производящих основ (глагольных, субстантивных, адъективных, основ словосочетаний), используемых для наименований лиц, артефактов и натурфактов, свидетельствует о территориальной закрепленности словообразовательных, а с учетом специфики диалектного словообразования, одновременно и номинативных моделей. «Реконструкция диалектной картины мира включает в себя описание как минимум трех составляющих. Это, во-первых, воссоздание инвентаря объектов, актуальных для носителя говоров, во-вторых, изучение системы оценок этих объектов, а в-третьих, исследование типичных способов действия с объектами реконструируемого фрагмента картины мира» [18]. На западной границе России,

по всей вероятности, сохраняется большое количество архаических моделей, в пользу этого наблюдения говорит словообразовательная и лексическая «пестрота» анализируемой лексики; в сибирских говорах наполнение моделей сдвигается в сторону наименований лиц, причем часто такое именование сопровождается негативной коннотацией, в то же время устойчивость и однородность словообразовательных моделей может говорить об относительно новой языковой тенденции, характерной для говоров Сибири [19].

В целом же можно сделать вывод о том, что все производные существительные, рассмотренные в Западной группе говоров Европейской части России и в русских говорах Сибири, целесообразно описывать именно с точки зрения категории словообразовательной ниши, поскольку столь значимый для описания диалектной лексики в рамках словообразовательных типов принцип частеречной тождественности производящей основы в данном случае утрачивает принципиальность, так как на первый план выходит способность форманта вступать в деривационные отношения с производящими основами для актуализации разнообразных модификационных и мутационных словообразовательных значений.

Заключение

Выводы подтверждают положение, что «исследование синтаксических дериватов в их совокупности с базовыми для них единицами целесообразно проводить в границах словообразовательных ниш. Анализ мотивирующих синтаксических дериватов в пределах словообразовательных ниш перспективен, так как позволяет проследить процесс формирования формантных вариантов (а через них и новых суффиксов на русской основе) и появление в пределах типов мотивирующих, составляющих ядро определенной части речи» [1, с. 86]. Аксиологическая окрашенность производных слов, входящих в словообразовательную нишу с формантом -уш/а, детерминирует формирование своеобразного семантического рисунка ниши в западных и сибирских русских народных говорах. Выбор для анализа смоленских говоров в качестве ядерных в Западной группе определен их неповторимым своеобразием: по своему происхождению это говоры севернорусские (говоры кривичей верхнего Поднепровья), которые принадлежат к северной группе восточнославянских племенных диалектов. Вторичная основа говоров – южнорусская, и в настоящее время смоленские говоры относятся к Западной и Верхне-Днепровской группам южнорусского наречия.

Центральную группу в сибирских говорах образуют производные с формантом -уш/а, репрезентирующие значимые для диалектоносителя качества человека и особенности его поведения, а в западных русских говорах – важные для аксиогенного бытия человека артефакты и натурфакты (орудия труда, одежда, транспорт; сельскохозяйственные животные и культуры, промысловая рыба). Такая территориальная дистрибуция связана прежде всего с историческими особенностями формирования диалектного ландшафта территории России: если территория западных русских говоров представляет собой территорию говоров первичного заселения, то территория Сибири характеризуется как раз смешением первичных говоров и их сложным взаимодействием, что приводит, во-первых, к изменению количественного состава словообразовательной ниши с формантом -уш/а, а во-вторых, к смещению фокуса деривационного потенциала на реализацию номинаций человека с негативными коннотациями и, наконец, к формированию общего номинативного фона с мутационным и модификационным значением дериватов с формантом -уш/а. Важным является факт, что из функционирующих в диалектной системе формантов носитель диалекта интуитивно выбирает тот формант, который способен эксплицировать номинируемый объект или лицо, т. е. в сибирских говорах носитель диалекта избирает формант -уш/а чаще при номинации человека в оценочном суждении. Самой многочисленной по количественному составу выступает группа дериватов, представленных в разных аспектах их жизнедеятельности: бытовой, общественной, духовной. Пейоративность значения

дериватов позволяет сделать вывод о значимости для диалектоносителей ценностей, отход от которых трактуется как недолжное поведение. Инаковость оценки диалектоносителем человека, объектов и субъектов окружающей действительности позволяет говорить об особом мировидении, реализующемся при помощи отдельных словообразовательных единиц, в нашем случае – при помощи форманта -уш/а.

Список используемых сокращений

СА – производное слово образовано от основы имени существительного (С), обозначает наименование артефакта (А);

СН – производное слово образовано от основы имени существительного (С), обозначает наименование натурфакта (Н);

СЧ – производное слово образовано от основы имени существительного (С), обозначает наименование человека (Ч);

ПА– производное слово образовано от основы имени прилагательного (П), обозначает наименование артефакта (А);

ПН – производное слово образовано от основы имени прилагательного (П), обозначает наименование натурфакта (Н);

ПЧ – производное слово образовано от основы имени прилагательного (П), обозначает наименование человека (Ч);

ГА – производное слово образовано от основы глагола (Г), обозначает наименование артефакта (А);

ГН – производное слово образовано от основы глагола (Г), обозначает наименование натурфакта (Н);

ГЧ – производное слово образовано от основы глагола (Г), обозначает наименование человека (Ч);

ССА – производное слово образовано от словосочетания (СС), обозначает наименование артефакта (А);

ССН – производное слово образовано от словосочетания (СС), обозначает наименование натурфакта (Н);

ССЧ – производное слово образовано от словосочетания (СС), обозначает наименование человека (Ч).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Араева Л.А.** Словообразовательный тип. М.: Либроком, 2009. 272 с.

2. **Катышев П.А.** Мотивационная многомерность словообразовательной формы. Томск: Издательство Томского университета, 2001. 127 с.

3. **Янценецкая М.Н.** Семантические вопросы теории словообразования. Томск: Издательство Томского университета, 1979. 242 с.

4. **Белоглазова Е.В., Бобырева Е.В., Боженкова Н.А. и др.** Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни / под науч. ред. Н.А. Боженковой, М.Р. Желтухиной. М.: Инфра-М, 2024. 294 с.

5. **Сигал К.Я., Карасик В.И. и др.** Общая и русская лингвоаксиология / под ред. М.С. Миловановой. М.; Ярославль: Канцлер, 2022. 390 с.

6. **Новикова М.Л., Маркелова Т.В.** Геопоэтический образ как культурный знак, процесс и результат эстетического моделирования действительности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 3. С. 658–685. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-658-685

7. **Вендина Т.И.** Антропология диалектного слова. СПб.: Нестор-История, 2020. 684 с. DOI: 10.31168/4469-1776-1

8. **Толстая С.М.** Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М.: Индрик, 2019. 702 с. DOI: 10.31168/91674-550-4

9. **Толстой Н.И.** Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 509 с.

10. **Теркулов В.И., Курмакаева Н.П., Мозговой В.И., Першина К.В., Кудрейко И.А. и др.** Донецкий регионолект / под ред. В.И. Теркулова. Донецк: Фолиант, 2018. 265 с.

11. **Блинова О.И.** Явление мотивации слов: лексикологический аспект. М.: УРСС, 2010. 208 с.

12. **Белякова С.М.** Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области). Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005. 263 с.

13. **Гольдин В.Е.** Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2009. Т. 9, № 1. С. 3–7.

14. **Журавлев А.Ф.** Диалектный словарь личности (заметки о специфике жанра) // Исследования по славянской диалектологии. 2018. № 19–20. С. 171–187. DOI: 10.31168/0412-1.2.4

15. **Климкова Л.А.** Диалектный компонент языковой личности бывшего сельского жителя // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2021. № 15. С. 185–206.

16. **Араева Л.А., Лушпей А.А.** Словообразовательный формант как инструмент процесса этнокультурной идентичности носителей языка (на материале диалектных дериватов с формантом -уш/а) // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2021. № 14 (6). С. 748–756. DOI: 10.17516/1997-1370-0756

17. **Лунькова Е.С.** Взаимодействие непроизводной лексики смоленских говоров и белорусского языка (неполные лексические соответствия) // Неофилология. 2021. № 26. С. 202–212. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-26-202-212

18. **Ильина Е.Н.** Пища в языковой картине мира жителей Белозерья // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 1 (106). С. 110–118. DOI: 10.23859/1994-0637-2022-1-106-9

19. **Азарх Ю.С.** Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 2000. 178 с.

REFERENCES

[1] **Arayeva L.A.,** Slovoobrazovatelnyy tip [Derivative type], Librokom, Moscow, 2009.

[2] **Katyshev P.A.,** Motivatsionnaya mnogomernost slovoobrazovatelnoy formy [Motivational multidimensionality of word-formation], Tomsk University Publishing House, Tomsk, 2001.

[3] **Yantsenetskaya M.N.,** Semanticheskiye voprosy teorii slovoobrazovaniya [Semantic issues of word formation theory] , Tomsk University Publishing House, Tomsk, 1979.

[4] **Beloglazova Ye.V., Bobyreva Ye.V., Bozhenkova N.A. et al.,** Yazyk: zhizn smyslov VS smysl zhizni [Language: the life of meanings vs the meaning of life], ed. by N.A. Bozhenkova, M.R. Zheltukhina, Infra-M, Moscow, 2023.

[5] **Sigal K.Ya., Karasik V.I. et al.,** Obshchaya i russkaya lingvoaksiologiya [General and Russian linguaxiology], ed. by M.S. Milovanova, Kantsler, Moscow, Yaroslavl, 2022.

[6] **Novikova M.L., Markelova T.V.,** Geopoetic Image as a Cultural Token, Process and Result of Aesthetic Reality Modeling, RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 14 (3) (2023) 658–685. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-3-658-685

[7] **Vendina T.I.,** Antropologiya dialektnogo slova [Anthropology of the dialect word], Nestor-Istoriya, St. Petersburg, 2020. 684.

[8] **Tolstaya S.M.,** The World of Man in the Mirror of Language. Essays on Slavic linguistics and ethnolinguistics, Indrik, Moscow, 2019. DOI: 10.31168/91674-550-4

[9] **Tolstoy N.I.,** Language and Popular Culture. Essays on Slavolic Mythology and Ethnolinguistics, Indrik, Moscow, 1995. 509 s.

[10] **Terkulov V.I., Kurmakaeva N.P., Mozgovoy V.I., Pershina K.V., Kudreyko I.A. et al.,** Donetsk Regiolect, ed. by. V.I. Terkulov, Folio, Donetsk, 2018.

[11] **Blinova O.I.,** Yavleniye motivatsii slov: leksikologicheskiy aspekt [Phenomenon of word motivation: lexicological aspect], URSS, Moscow, 2010.

[12] **Belyakova S.M.,** Obraz vremeni v dialektnoy kartine mira: (na materiale russkikh starozhilcheskikh govorov yuga Tyumenskoy oblasti) [The image of time in the dialect picture of the world (based on the Russian old-timer dialects of the south of the Tyumen region)], The University of Tyumen Publishing House, Tyumen, 2005.

[13] **Goldin V.Ye.,** Narrative in Dialect Discource, Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 9 (1) (2009) 3–7.

[14] **Zhuravlev A.F.,** Dialectal dictionary of personality (Notes on features of the genre), Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii [Research in Slavic Dialectology], 19–20 (2018) 171–187. DOI: 10.31168/0412-1.2.4

[15] **Klimkova L.A.,** Dialectal Component in the Linguistic Persona of a Former Rural Citizen, Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research), 15 (2021) 185–206.

[16] **Arayeva L.A., Lushpey A.A.,** Word-Formational Formant as a Tool of the Process of Native Speakers' Ethnocultural Identity (Case Study: Dialect Derivatives with the Formant -уш/а), Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 14 (6) (2021) 748–756. DOI: 10.17516/1997-1370-0756

[17] **Lunkova Ye.S.,** The Interaction of the Underived Vocabulary of the Smolensk Patois and the Belarusian Language (Incomplete Lexical Matches), Neophilology, 26 (2021) 202–212. DOI: 10.20310/2587-6953-2021-7-26-202-212

[18] **Ilyina Ye.N.,** Food in the Language World Picture of the Belozerye Iingabitants, Cherepovets State University Bulletin, 1 (106) (2022) 110–118. DOI:10.23859/1994-0637-2022-1-106-9

[19] **Azarkh Yu.S.,** Russkoye imennoye dialektnoye slovoobrazovaniye v lingvogeograficheskom aspekte [Russian nominal dialectal word formation in the linguogeographic aspect], Nauka, Moscow, 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Лушпей Анастасия Александровна
Anastasiia A. Lushpey
E-mail: ana1534@ya.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8418-0453

Лунькова Екатерина Сергеевна
Ekaterina S. Lunkova
E-mail: ttf32lunkova@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2536-9886

Поступила: 28.03.2025; Одобрена: 03.06.2025; Принята: 30.06.2025.
Submitted: 28.03.2025; Approved: 03.06.2025; Accepted: 30.06.2025.

Terra Linguistica. 2025, Том 16, № 2. С. 85–100.
Terra Linguistica. 16 (2) (2025) 85–100.

Научная статья
УДК 81’33
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16206
EDN: https://elibrary/FVLFNN

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АГРЕГИРОВАНИЯ ТЕОРЕТИКО-ГРАФОВЫХ МОДЕЛЕЙ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ В ПРАКТИКЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

Н.Д. Москин ✉, **А.А. Лебедев**

Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Российская Федерация

✉ moskin@petrsu.ru

Аннотация. В исследовании устного народного творчества одной из важных задач является классификация и систематизация типов русских сказок. Для ее решения была создана математическая модель, представляющая собой помеченный граф. Она предназначена для выявления центральных событий, которые определяют сюжетную структуру волшебных сказок. Настоящее исследование проведено с использованием алгоритмов агрегирования теоретико-графовых моделей сказочных сюжетов с целью упрощения и обобщения их структуры, а также последующей интерпретации. В рамках апробации предложенной методики были проанализированы 41 сказка (включая повторяющиеся сюжеты) и соответствующие им теоретико-графовые модели. Тексты были взяты из сборника «Народные русские сказки А.Н. Афанасьева». При формировании выборки были приняты во внимание распространенность текста в народной традиции и его типичность для русского фольклора. Каждому тексту ставился в соответствие граф, где вершины обозначают персонажей, объекты и события, а ребра отражают их взаимосвязи. К числу таких взаимоотношений относятся: ситуация дарения, ситуация обмена, ситуация повторения событий. На примере текста «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде», чей сюжет включает множество персонажей и их взаимодействий, показана процедура агрегирования, которая заключается в объединении схожих элементов графа с целью сокращения его сложности без потери информативности. При этом не учитывается упорядоченность вершин и ребер, а также нет заранее заданной структуры простого графа. Метод был реализован в информационной системе «Фольклор». Наилучшие показатели качества достигаются при числе вершин, равном десяти, и пороге значимости показателей связи, равном 0,2.

Ключевые слова: русская сказка, персонажи, теоретико-графовая модель, агрегирование, информационная система «Фольклор».

Для цитирования: Москин Н.Д., Лебедев А.А. Объяснительные возможности агрегирования теоретико-графовых моделей сказочных сюжетов в практике филологического анализа текста // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 2. С. 85–100. DOI: 10.18721/JHSS.16206

© Москин Н.Д., Лебедев А.А., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Research article
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16206

EXPLANATORY POTENTIAL OF AGGREGATING GRAPH-THEORETICAL MODELS OF FAIRY TALE PLOTS IN PHILOLOGICAL TEXT ANALYSIS PRACTICE

N.D. Moskin ✉, **A.A. Lebedev**

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation

✉ moskin@petrsu.ru

Abstract. In the study of folklore, one of the important tasks is the classification and systematization of the types of Russian fairy tales. To solve this problem, a mathematical model was created, which is a labeled graph. It is designed to identify the central events that define the plot structure of fairy tales. The present study was conducted using algorithms for aggregating graph-theoretical models of fairy-tale plots in order to simplify and generalize their structure, as well as subsequent interpretation. As part of the testing of the proposed methodology, 41 fairy tales (including recurring plots) and their corresponding graph-theoretical models were analyzed. The texts were taken from "Russian Fairy Tales" book compiled by A. Afanasyev. When forming the sample, the prevalence of the text in folk tradition and its typicality for Russian folklore were taken into account. A graph was assigned to each text, where the vertices denote characters, objects, and events, and the edges reflect their relationships (gifting, exchange, and event repetition). Using the example of the text "The Bold Knight, the Apples of Youth, and the Water of Life", the plot of which includes many characters and their interactions, shows the aggregation procedure, which is the combining of similar elements of the graph in order to reduce its complexity without loss of information. This does not take into account the ordering of vertices and edges, and there is no predefined structure of a simple graph. The method was implemented in the "Folklore" information system. The best quality indicators are achieved with the number of vertices equal to ten and the significance threshold of communication indicators equal to 0.2.

Keywords: Russian fairy tale, characters, graph-theoretical model, aggregation, "Folklore" information system.

Citation: Moskin N.D., Lebedev A.A., Explanatory potential of aggregating graph-theoretical models of fairy tale plots in philological text analysis practice, Terra Linguistica, 16 (2) (2025) 85–100. DOI: 10.18721/JHSS.16206

Введение

Современные подходы к анализу текстов, основанные на искусственном интеллекте и методах автоматической генерации текстов, в сочетании с традиционными методами поиска сходств и различий между разными группами текстов, а также их систематизацией и классификацией, находят широкое применение в гуманитарных науках (например, [1–4]). Одним из перспективных направлений является использование графовых моделей для структурного анализа повествовательных текстов разных типов, включая фольклорные произведения[1].

Одной из ключевых задач в области изучения фольклора является классификация и упорядочивание типов сказок на основе русскоязычных источников. В отечественной науке первой значимой работой в этом направлении стал перевод «Указателя сказочных сюжетов по системе Аарне», выполненный Н.П. Андреевым[2]. Кроме того, важным вкладом в эту область считается издание «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка»[3].

[1] Москин Н.Д. Теоретико-графовые модели, методы и программные средства интеллектуального анализа текстовой информации на примере фольклорных и литературных произведений: дисс. … д-ра техн. наук. Петрозаводск, 2022. 370 с.

[2] Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л.: Издательство Государственного русского географического общества, 1929. 120 с.

[3] Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков; отв. ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1979. 437 с.

© Moskin N.D., Lebedev A.A., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Исследование сказочных сюжетов не ограничивается анализом текстов на одном языке, но также предполагает международный подход, включая сопоставление фольклорных произведений разных культур. Вопросы, связанные с передачей сказок между народами, а также сложности в разработке точных методов их изучения, подробно рассмотрены в работах В.М. Жирмунского [5].

Не менее значимой задачей является систематическое описание структуры фольклорного текста. В.Я. Пропп, исследуя волшебные сказки, подчеркивал, что «о происхождении какого бы то ни было явления можно говорить лишь после того, как явление это описано» [6, с. 11]. Он отмечал, что ранее «изучение сказки велось, главным образом, лишь генетически, большей частью без попыток предварительного систематического описания», а «правильная классификация – одна из первых ступеней научного описания» [6, с. 11–12].

Теоретико-графовые методы позволяют формализовать сюжеты сказок, представляя их в виде графов, где вершины соответствуют персонажам, объектам и событиям, а ребра – их взаимосвязям. Такой подход позволяет исследовать сказочные нарративы с точки зрения структурных повторений, архетипических паттернов и закономерностей развития сюжета. На важность подобного структурного описания указывал еще Ю.М. Лотман, который отметил: «Рассматривая содержание художественного текста только на уровне языкового сообщения, мы проходим мимо сложной системы значений, создаваемых собственно художественной структурой» [7, с. 63].

Разработанная графовая модель [8] направлена на выявление ключевых событий, которые формируют сюжетную линию волшебных сказок. Известно, что такие произведения обладают четкой структурой[4], которую можно формализовать, чтобы сравнить различные тексты между собой и выделить наиболее важные элементы их повествования. Основой данной модели являются персонажи сказки, а также их взаимодействия, которые определяют развитие сюжета. Вершины графа представляют собой персонажей и объекты, разделенные на категории (классификация основана на работе [9]).

Отметим, что при анализе больших по объему текстов теоретико-графовые модели становятся перегруженными, количество вершин и связей многократно возрастает, и их уже сложно исследовать с использованием существующих алгоритмов теории графов и вычислительных мощностей. Поэтому возникает задача агрегирования, т.е. задача нахождения такого простого графа, вершины которого соответствуют подмножествам вершин исходного графа, а ребра – «основным потокам связей» (или «сильным связям») на исходном графе[5]. При этом число вершин в агрегированном графе будет значительно меньше, чем в исходном.

Данная работа посвящена методам агрегирования теоретико-графовых моделей сказочных сюжетов с целью их упрощения и обобщения структуры, а затем их интерпретации.

Теоретико-графовая модель сказки

Для апробации методики построения теоретико-графовых моделей были проанализированы 41 сказка (включая повторяющиеся сюжеты) и их теоретико-графовые модели (список текстов приведен в табл. 1). Для формирования выборки были использованы тексты, входящие в первый том сборника «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» [10], написанные на русском языке. При отборе материала учитывались такие критерии, как распространенность текста в народной традиции и типичность для русского фольклора. Анализу были подвергнуты преимущественно сказки с повторяющимися сюжетами, так как вопрос выявления сходств и различий между вариантами таких сюжетов является объектом интереса исследователей-фольклористов. В частности, подобные исследования позволяют проследить эволюцию сюжетных линий, выявить

[4] Зубов А.В., Зубова И.И. Основы искусственного интеллекта для лингвистов: учебное пособие. М.: Университетская книга; Логос, 2007. 320 с.

[5] Москин Н.Д. Теоретико-графовые модели, методы и программные средства интеллектуального анализа текстовой информации на примере фольклорных и литературных произведений: дисс. … д-ра техн. наук. Петрозаводск, 2022. 370 с.

Таблица 1. Описание выборки текстов
Table 1. Description of the text selection

Номер текста	Название сказки	Число вершин	Источник
93	Ведьма и Солнцева сестра	16	[10, с. 136–138]
95	Морозко	7	[10, с. 140–143]
96	Морозко	9	[10, с. 143–144]
97	Старуха-говоруха	6	[10, с. 145]
98	Дочь и падчерица	8	[10, с. 146–147]
100	Крошечка-хаврошечка	9	[10, с. 150–151]
101	Буренушка	12	[10, с. 152–154]
102	Баба-яга	8	[10, с. 155–156]
103	Баба-яга	15	[10, с. 156–158]
104	Василиса Прекрасная	10	[10, с. 159–165]
105	Баба-Яга и заморышек	14	[10, с. 166–168]
106	Баба-яга и жихарь	7	[10, с. 169–170]
107	Баба-яга и жихарь	7	[10, с. 170–172]
108	Ивашко и ведьма	10	[10, с. 173–176]
111	Ивашко и ведьма	8	[10, с. 180–182]
112	Терешечка	9	[10, с. 183–184]
113	Гуси-лебеди	10	[10, с. 185–186]
115	Правда и кривда	11	[10, с. 191–195]
116	Правда и кривда	16	[10, с. 195–196]
117	Правда и кривда	8	[10, с. 196–197]
118	Правда и кривда	8	[10, с. 197–198]
119	Правда и кривда	7	[10, с. 199–200]
120	Правда и кривда	10	[10, с. 200–201]
121	Правда и кривда	8	[10, с. 201–203]
122	Правда и кривда	6	[10, с. 203–204]
127	Купеческая дочь и служанка	10	[10, с. 224–227]
131	Фролка-сидень	11	[10, с. 244–246]
140	Зорька, вечорка и полуночка	13	[10, с. 299–302]
148	Никита Кожемяка	6	[10, с. 327–328]
162	Хрустальная гора	11	[10, с. 393–394]
169	Жар-птица и Василиса-царевна	8	[10, с. 424–426]
170	Жар-птица и Василиса-царевна	17	[10, с. 427–430]
171	Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде	20	[10, с. 431–435]
172	Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде	15	[10, с. 436–438]
173	Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде	15	[10, с. 438–442]
174	Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде	18	[10, с. 442–444]
175	Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде	21	[10, с. 444–448]
176	Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде	39	[10, с. 448–455]
177	Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде	11	[10, с. 455–457]
178	Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде	10	[10, с. 457–460]

региональные особенности и понять механизмы трансформации устного нарратива, в том числе и в аспекте дискурсивной отнесенности (см. [11]). Кроме того, сравнительный анализ вариантов

одного сюжета помогает уточнить их жанровую специфику и определить степень влияния различных факторов на формирование окончательной версии текста.

Рассмотрим методику построения теоретико-графовой модели на примере конкретного сказочного сюжета. В качестве примера проанализируем текст «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» [10, с. 448–455], чей сюжет включает большое количество персонажей и связей между ними (табл. 2). Рассмотрим более подробно персонажи и их типы:

- Родственник – царь (T1), первая царевна (T2), вторая царевна (T3), третья царевна (T4), другой царь (T5), дети третьего сына и Елены Прекрасной (T6);
- Глупец – старший сын (G1), средний сын (G2);
- Герой – Иван-царевич (H1);
- Антигерой – Елена Прекрасная (A1), ведьма (A2), осьмиглавый змей (A3), другой змей (A4), двенадцатиглавый змей (A5);
- Награда – лошадь (N1), латы и меч мертвого богатыря (N2), первый сокол (N3), второй сокол (N4), живая и мертвая вода (N5), портрет Елены Прекрасной (N6), моложавые яблоки (N7), платочек (N8), лошадь, латы и меч (N9), золотое кольцо первой царевны (N10), золотое кольцо второй царевны (N11), золотое кольцо третьей царевны (N12);
- Помощник – старуха (П1), первая прекрасная девушка (П2), вторая прекрасная девушка (П3), красная девица (П4), еще одна прекрасная девушка (П5) еще одна старуха (П6), сокол (П7);
- Даритель – мертвый богатырь (Д1), первая сестра Елены Прекрасной (Д2), вторая сестра Елены Прекрасной (Д3);
- Препятствие – шнуры (R1), море (R2);
- Антипомощник – плешивый Макарка (V1).

Связи между объектами и их краткое описание представлены в табл. 2.

Таблица 2. Связи между вершинами фрагмента текста «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде»
Table 2. Connections between the vertices of the text fragment "The Tale of a brave young man, rejuvenating apples and living water"

	Вершина 1	Вершина 2	Событие в тексте
1	T1	G1	Царь благословляет и отправляет двух старших сыновей
1	T1	G2	Царь благословляет и отправляет двух старших сыновей
2	T1	H1	Царь отправляет третьего сына Ивана-царевича
3	H1	П1	Иван-царевич беседует со старухой
4	Д1	H1	Мертвый богатырь беседует с Иваном-царевичем
5	H1	N1	Иван-царевич забирает лошадь мертвого богатыря
6	H1	N2	Иван-царевич забирает латы и меч мертвого богатыря
7	П2	H1	Прекрасная девушка беседует с Иваном-царевичем
8	H1	N3	Иван-царевич берет летучего сокола у первой прекрасной девушки
8	H1	П2	Иван-царевич берет летучего сокола у первой прекрасной девушки
8	П2	N3	Иван-царевич берет летучего сокола у первой прекрасной девушки
9	H1	N1	Иван-царевич оставляет коня первой прекрасной девушке
9	H1	П2	Иван-царевич оставляет коня первой прекрасной девушке
9	П2	N1	Иван-царевич оставляет коня первой прекрасной девушке
10	H1	П3	Иван-царевич беседует со второй прекрасной девушкой
11	H1	N4	Иван-царевич берет второго летучего сокола у второй прекрасной девушки
11	H1	П3	Иван-царевич берет второго летучего сокола у второй прекрасной девушки

Продолжение таблицы 2

	Вершина 1	Вершина 2	Событие в тексте
11	П3	N4	Иван-царевич берет второго летучего сокола у второй прекрасной девушки
12	Н1	N3	Иван-царевич оставляет первого летучего сокола у второй прекрасной девушки
12	Н1	П3	Иван-царевич оставляет первого летучего сокола у второй прекрасной девушки
12	П3	N3	Иван-царевич оставляет первого летучего сокола у второй прекрасной девушки
13	Н1	А1	Иван-царевич прилетает к Елене Прекрасной
14	Н1	N5	Иван-царевич берет живую и мертвую воду и портрет Елены Прекрасной
14	Н1	N6	Иван-царевич берет живую и мертвую воду и портрет Елены Прекрасной
15	Н1	А1	Иван-царевич насилует Елену Прекрасную
16	Н1	N7	Иван-царевич берет моложавые яблоки
17	Н1	N4	Иван-царевич садится на сокола
18	Н1	R1	Иван-царевич цепляется за шнуры
19	Н1	П3	Иван-царевич прилетает ко второй прекрасной девушке
20	Н1	N4	Иван-царевич меняет второго сокола на первого сокола, оставляя второго сокола второй прекрасной девушке
20	Н1	N3	Иван-царевич меняет второго сокола на первого сокола, оставляя второго сокола второй прекрасной девушке
20	П3	N3	Иван-царевич меняет второго сокола на первого сокола, оставляя второго сокола второй прекрасной девушке
20	П3	N4	Иван-царевич меняет второго сокола на первого сокола, оставляя второго сокола второй прекрасной девушке
20	Н1	П3	Иван-царевич меняет второго сокола на первого сокола, оставляя второго сокола второй прекрасной девушке
21	А1	П3	Елена Прекрасная говорит со второй прекрасной девушкой
22	Н1	П2	Иван-царевич прилетает к первой прекрасной девушке
23	Н1	N3	Иван-царевич меняет первого сокола на коня, оставляя первого сокола первой прекрасной девушке
23	Н1	N2	Иван-царевич меняет первого сокола на коня, оставляя первого сокола первой прекрасной девушке
23	П2	N2	Иван-царевич меняет первого сокола на коня, оставляя первого сокола первой прекрасной девушке
23	П2	N3	Иван-царевич меняет первого сокола на коня, оставляя первого сокола первой прекрасной девушке
23	Н1	П2	Иван-царевич меняет первого сокола на коня, оставляя первого сокола первой прекрасной девушке
24	А1	П2	Елена Прекрасная говорит с первой прекрасной девушкой
25	Н1	П1	Иван-царевич приезжает к старухе
26	П1	Н1	Старуха дает Ивану-царевичу платочек
26	П1	N8	Старуха дает Ивану-царевичу платочек
26	Н1	N8	Старуха дает Ивану-царевичу платочек
27	А1	П1	Елена Прекрасная разговаривает со старухой
28	А1	Н1	Елена Прекрасная начинает догонять Ивана-царевича
29	Н1	N8	Иван-царевич использует платочек
30	Н1	R2	Иван-царевич создает море
31	А1	R2	Елена Прекрасная не может преодолеть море
32	А1	Н1	Елена Прекрасная кричит Ивану-царевичу
33	П4	Н1	Красная девица беседует с Иваном-царевичем
34	А2	Н1	Ведьма пытается уложить Ивана-царевича к стенке

Продолжение таблицы 2

	Вершина 1	Вершина 2	Событие в тексте
35	H1	A2	Иван-царевич сбрасывает ведьму в погреб
36	H1	П4	Иван-царевич берет с собой красную девицу
37	H1	G1	Иван-царевич беседует с братьями
37	H1	G2	Иван-царевич беседует с братьями
38	H1	G1	Иван-царевич передает братьям живую и мертвую воду и моложавые яблоки
38	H1	G2	Иван-царевич передает братьям живую и мертвую воду и моложавые яблоки
38	H1	N5	Иван-царевич передает братьям живую и мертвую воду и моложавые яблоки
38	H1	N7	Иван-царевич передает братьям живую и мертвую воду и моложавые яблоки
39	G1	H1	Братья опускают Ивана-царевича в яму
39	G2	H1	Братья опускают Ивана-царевича в яму
40	H1	П5	Иван-царевич добывает прекрасную девушку
41	G1	П5	Братья вытаскивают девушку
41	G2	П5	Братья вытаскивают девушку
42	H1	П6	Иван-царевич беседует со старой старухой
43	П6	H1	Старая старуха дает Ивану-царевичу лошадь, латы и меч
43	П6	N9	Старая старуха дает Ивану-царевичу лошадь, латы и меч
43	H1	N9	Старая старуха дает Ивану-царевичу лошадь, латы и меч
44	H1	T2	Иван-царевич приезжает к первой царевне
45	T2	H1	Первая царевна будит Ивана-царевича
46	A3	H1	Осьмиглавый змей разговаривает с Иваном-царевичем
47	H1	A3	Иван-царевич дерется с осьмиглавым змеем
48	H1	T2	Иван-царевич прощается с царевной
49	T2	H1	Первая царевна дает Ивану-царевичу золотое кольцо
49	T2	N10	Первая царевна дает Ивану-царевичу золотое кольцо
49	H1	N10	Первая царевна дает Ивану-царевичу золотое кольцо
50	V1	T2	Макарка беседует с первой царевной
51	V1	T2	Макарка приводит первую царевну к другому царю
51	V1	T5	Макарка приводит первую царевну к другому царю
51	T2	T5	Макарка приводит первую царевну к другому царю
52	V1	T5	Макарка беседует с другим царем
53	V1	T3	Макарка отвозит вторую царевну
54	H1	T3	Иван-царевич приезжает ко второй царевне
55	T3	H1	Вторая царевна будит Ивана-царевича
56	A4	H1	Другой змей разговаривает с Иваном-царевичем
57	H1	A4	Иван-царевич дерется с другим змеем
58	T3	H1	Вторая царевна дает Ивану-царевичу золотое кольцо
58	T3	N11	Вторая царевна дает Ивану-царевичу золотое кольцо
58	H1	N11	Вторая царевна дает Ивану-царевичу золотое кольцо
59	H1	П6	Иван-царевич уезжает к старухе
60	V1	T3	Макарка приводит вторую царевну к другому царю
60	V1	T5	Макарка приводит вторую царевну к другому царю
60	T3	T5	Макарка приводит вторую царевну к другому царю
61	V1	T5	Макарка беседует с другим царем
62	V1	T4	Макарка отвозит третью царевну
63	H1	T4	Иван-царевич приезжает к третьей царевне

Окончание таблицы 2

	Вершина 1	Вершина 2	Событие в тексте
64	T4	H1	Третья царевна будит Ивана-царевича
65	A5	H1	Двенадцатиглавый змей разговаривает с Иваном-царевичем
66	H1	A5	Иван-царевич дерется с двенадцатиглавым змеем
67	N9	H1	Конь дает подсказки Ивану-царевичу
68	H1	A5	Иван-царевич убивает двенадцатиглавого змея
69	T4	H1	Третья царевна дает Ивану-царевичу золотое кольцо
69	T4	N12	Третья царевна дает Ивану-царевичу золотое кольцо
69	H1	N12	Третья царевна дает Ивану-царевичу золотое кольцо
70	H1	П6	Иван-царевич уезжает к старухе
71	V1	T4	Макарка приводит третью царевну к другому царю
71	V1	T5	Макарка приводит третью царевну к другому царю
71	T4	T5	Макарка приводит третью царевну к другому царю
72	V1	T5	Макарка беседует с другим царем
73	H1	T2	Иван-царевич пьет водку у первой царевны
74	H1	N10	Иван-царевич бросает первое золотое кольцо
75	H1	T3	Иван-царевич пьет водку у второй царевны
76	H1	N11	Иван-царевич бросает второе золотое кольцо
77	H1	T4	Иван-царевич пьет водку у третьей царевны
78	H1	N12	Иван-царевич бросает третье золотое кольцо
79	T2	H1	Царевны признают Ивана-царевича
79	T3	H1	Царевны признают Ивана-царевича
79	T4	H1	Царевны признают Ивана-царевича
80	T5	V1	Другой царь приказывает расстрелять Макарку
81	H1	T5	Иван-царевич договаривается с другим царем о возвращении наверх
82	T5	П7	Другой царь зовет сокола
83	П7	H1	Сокол поднимает Ивана-царевича
84	H1	T1	Иван-царевич приходит к царю
85	T1	G1	Царь отправляет старших сыновей к Елене Прекрасной
85	T1	G2	Царь отправляет старших сыновей к Елене Прекрасной
86	T6	G1	Сыновья Елены Прекрасной избивают старших сыновей
86	T6	G2	Сыновья Елены Прекрасной избивают старших сыновей
87	T1	H1	Царь отправляет Ивана-Царевича к Елене Прекрасной
88	T6	H1	Сыновья Елены Прекрасной приводят Ивана-Царевича к Елене Прекрасной
89	A1	H1	Елена Прекрасная выходит замуж за Ивана-царевича
90	H1	T1	Иван-царевич рассказывает отцу о событиях
91	T1	G1	Царь приказывает расстрелять старших братьев
91	T1	G2	Царь приказывает расстрелять старших братьев
92	H1	A1	Иван-царевич счастливо живет с Еленой Прекрасной

На рис. 1 представлена теоретико-графовая модель фрагмента сказки, начиная с фразы «Вот старшие братья пошли к своему отцу домой; а Иван-царевич в той яме так слезьми и обливается...» и заканчивая словами «...Иван-царевич оторвал свои икры и бросил ему, сокол съел и вылетел с царевичем на верхний свет; тут сокол кашлянул и выкинул его икры и платье».

Выбор конкретного фрагмента объясняется общей структурой повествования – в проанализированной части сказки герой путешествует по «нижнему свету», который противопоставляется

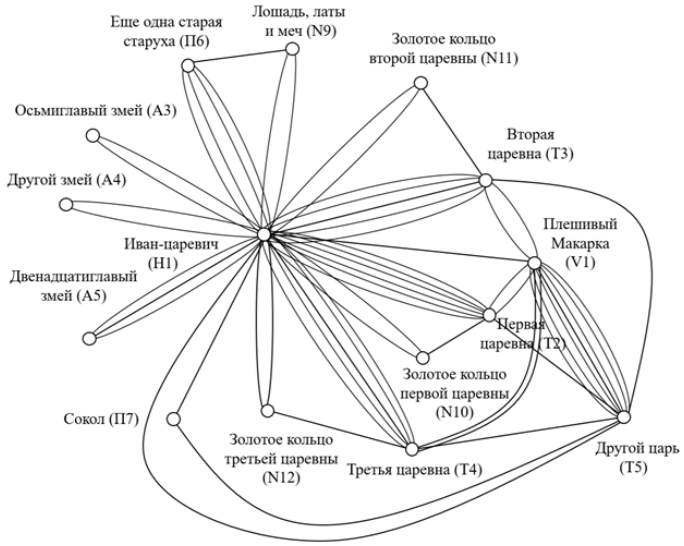


Рис. 1. Теоретико-графовая модель сказочного текста

Fig. 1. Graph-theoretical model of a fairy tale text

«белому свету», в котором проходит остальная часть сказки. Единственным персонажем, который встречается и в сюжете «белого света», и в сюжете «нижнего света», является Иван-царевич, главный герой сказки, в то время как остальные участники повествования находятся только в каком-то одном из миров, что делает правомерным обособленное рассмотрение событий, которые происходят в сказке в пределах «нижнего света».

Задача агрегирования

Алгоритмы агрегирования графовых моделей способны стать эффективным инструментом для лингвистического анализа, позволяя выделить повторяющиеся паттерны взаимодействия персонажей и объектов. Агрегирование теоретико-графовых моделей предполагает объединение схожих элементов графа с целью сокращения его сложности без потери информативности. Некоторые типичные взаимоотношения между персонажами, описываемые в тексте сказки, могут быть унифицированы, так как представляют собой повторяющиеся структуры. К числу таких взаимоотношений относятся:

1. Взаимоотношения дарения. Один персонаж дарит второму персонажу некий предмет. Всегда 3 вершины, каждая из которых связана друг с другом.

Примеры:

Царевна *дает* ***Ивану-царевичу золотое кольцо***;

Старуха *дает* ***Ивану-царевичу платочек***.

2. Взаимоотношения обмена. Два персонажа меняются предметами. Всегда 4 вершины и 6 связей; сама операция дробится на два взаимоотношения дарения.

Примеры:

Иван-царевич *берет* ***летучего сокола*** *у* ***первой прекрасной девушки***. ***Иван-царевич*** *оставляет* ***коня первой прекрасной девушке***;

Иван-царевич *берет* ***второго летучего сокола*** *у* ***второй прекрасной девушки***. ***Иван-царевич*** *оставляет* ***первого летучего сокола*** *у* ***второй прекрасной девушки***.

3. Взаимоотношения, основанные на повторении событий. Некоторые события могут повторяться с персонажем неоднократно (число связей при этом может быть разным). К примеру, Иван-царевич, поочередно спасая трех царевен, трижды совершает одни и те же действия:

Иван-царевич *приезжает к* ***царевне***;
Царевна *будит* ***Ивана-царевича*** *перед битвой*;
Иван-царевич *беседует со* ***змеем***;
Иван-царевич *побеждает* ***змея***;
Иван-царевич *берет* ***кольцо***;
Иван-царевич *прощается с* ***царевной*** *и уезжает*.

При этом меняются царевны (***первая царевна***, ***вторая царевна***, ***третья царевна***), змеи (***осьмиглавый змей***, ***другой змей***, ***двенадцатиглавый змей***) и кольца (***золотое кольцо первой царевны***, ***золотое кольцо второй царевны***, ***золотое кольцо третьей царевны***), но сам порядок действий Ивана-царевича остается неизменным.

Таким образом, в результате агрегирования может получиться более компактная, но по-прежнему информативная модель, которая позволяет анализировать и сопоставлять сказочные сюжеты на более высоком уровне обобщения. Это особенно полезно для сравнительного анализа различных сказок и выявления общих нарративных структур между разными группами текстов.

Группы при агрегировании формируются на основании схожести взаимоотношений (персонажи объединяются, если они участвуют в однотипных взаимодействиях или если с ними происходят одни и те же события), а также с учетом значимости связей (например, если речь идет о дарителе и предмете, преподносимом в дар).

Унификация упомянутых взаимоотношений помогает идентифицировать типичные сюжетные схемы, присутствующие в русских волшебных сказках. Подобный подход упрощает визуализацию сложных текстовых структур (в том случае, когда графовая модель перегружена вершинами и связями, она становится малофункциональной и трудной для восприятия), а также способствует выявлению закономерностей, не являющихся непосредственным объектом рассмотрения традиционного фольклорного анализа (к примеру, иерархия значимости персонажей по их положению в структуре графа, зависимость между количеством вершин-объектов и сложностью сюжетной линии, корреляция между сложностью графа и жанровыми особенностями текста).

Результаты исследования

В качестве эксперимента был выбран алгоритм агрегации, который не учитывает упорядоченность вершин и ребер, а также не имеет заранее заданной структуры простого графа. Он был реализован в информационной системе «Фольклор»[6]. Для фрагмента текста «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» были построены 30 агрегированных структур, где были заранее заданы число вершин (5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 или 14), а также порог значимости показателей связи α (0,1, 0,2 или 0,3). На рис. 2 представлен пример агрегированного графа для α = 0,2 (10 вершин).

В табл. 3 представлена матрица смежности агрегированного графа, которая отражает значимость связей между вершинами. Например, между объектами *плешивый Макарка* (V1) и *другой царь* (T5) существует наиболее значимая связь (значение 5,8), что отражает их важное взаимодействие в сюжете: именно Макарка на протяжении всего отрывка текста приводит к царю спасенных Иваном-царевичем царевен, выдавая подвиги главного героя за свои, однако в итоге получает заслуженное наказание.

Связи между объектами *Иван-царевич* (H1) и группами, в которые включаются царевны, их кольца, а также змеи показывают, как главный герой взаимодействует с ключевыми персонажами и объектами.

[6] Москин Н.Д. Теоретико-графовые модели, методы и программные средства интеллектуального анализа текстовой информации на примере фольклорных и литературных произведений: дисс. … д-ра техн. наук. Петрозаводск, 2022. 370 с.

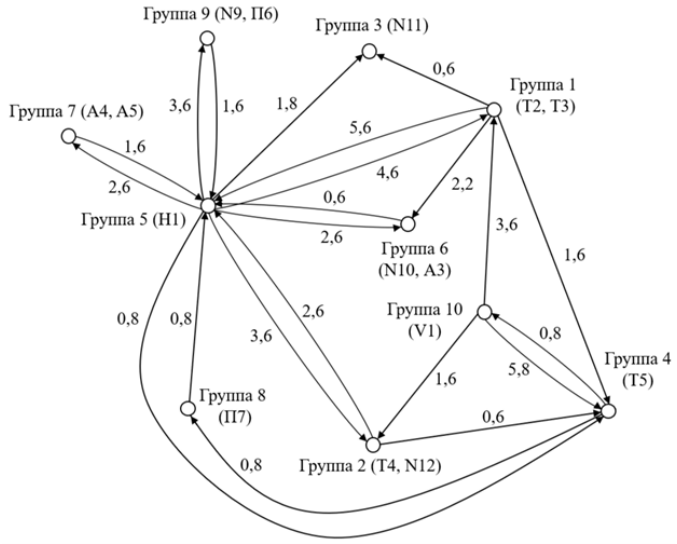


Рис. 2. Агрегированный граф «сильных» связей (10 вершин)
Fig. 2. Aggregated graph of “strong” connections (10 vertices)

Таблица 3. Матрица смежности агрегированного графа (10 вершин)
Table 3. Matrix of adjacency of an aggregated graph (10 vertices)

	T2+T3	T4+N12	N11	T5	H1	A3+N10	A4+A5	П7	N9+П6	V1
T2+T3	1,2	0	0,6	1,6	5,6	2,2	0	0	0	0
T4+N12	0	2,2	0	0,6	2,6	0	0	0	0	0
N11	0	0	0,8	0	0	0	0	0	0	0
T5	0	0	0	0,8	0	0	0	0,8	0	0,8
H1	4,6	3,6	1,8	0,8	0,8	2,6	2,6	0	3,6	0
A3+N10	0	0	0	0	0,6	1,2	0	0	0	0
A4+A5	0	0	0	0	1,6	0	1,2	0	0	0
П7	0	0	0	0	0,8	0	0	0,8	0	0
N9+П6	0	0	0	0	1,6	0	0	0	2,2	0
V1	3,6	1,6	0	5,8	0	0	0	0	0	0,8

Наименее «сильная» связь (значение 0,6) наблюдается между группами, что указывает на меньшую значимость взаимодействий:

- T2 (*первая царевна*) + T3 (*вторая царевна*) и N11 (*золотое кольцо второй царевны*);
- T4 (*третья царевна*) + N12 (*золотое кольцо третьей царевны*) и T5 (*другой царь*);
- A3 (*осьмиглавый змей*) + N10 (*золотое кольцо первой царевны*) и H1 (*Иван-царевич*).

На теплокарте, изображенной на рис. 4, представлены экспертные оценки, насколько тот или иной граф похож на «правильный», построенный специалистом-филологом. Филологическая логика построения агрегированного графа основывается на повторяющихся паттернах изложения, которые можно формализовать и объединить (например, у каждой из трех царевен есть принадлежащее ей кольцо, которое она дарит Ивану-царевичу), функциях персонажей в сюжете, которые можно обобщить (например, в отрывке представлены три змея, каждого из которых побеждает Иван-царевич), и неразрывности связи между отдельными персонажами и объектами, когда это напрямую связано с функцией персонажа (к примеру, наиболее тесна связь между дарителем (Еще одна старуха) и предметом, который даритель преподносит в дар

(Лошадь, латы и меч), потому что именно с целью дарения персонаж и появляется в тексте произведения).

Экспертная оценка выставлялась одним специалистом-филологом с учетом вышеуказанных представлений об объединении вершин на материале фрагмента текста сказки «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде». При этом за ошибку экспертом признавалось: 1) объединение вершин в одну группу, которые не должны находиться в одной группе; 2) отсутствие объединения вершин в одну группу, если они должны в ней находиться. Значения в таблице меняются от 0 до 1 (чем ближе к единице – тем лучше качество, а чем ближе к нулю – тем хуже). Методика оценки заключается в следующем: максимальный 1 балл получает та структура графа, которая соответствует графу, построенному вручную с учетом выделенных ранее и указанных в разделе «3. Задача агрегирования» типичных взаимоотношений дарения, обмена и повторения событий. 0,04 балла снимается за каждый случай, когда в одну группу объединяются те объекты, которые не должны находиться в одной группе. 0,04 балла снимается за каждый случай, когда в одну группу не объединяются те объекты, которые должны быть в одной группе.

Рассмотрим механизм оценивания на примере двух конкретных теоретико-графовых моделей. В первом из них количество вершин равно 10 и $\alpha = 0{,}2$ (см. рис. 2). Этот граф содержит в себе три неточности:

1) вершина Т2 (*первая царевна*) ошибочно объединяется с вершиной Т3 (*вторая царевна*);

2) вершина Т2 (*первая царевна*) ошибочно не объединяется с вершиной N10 (*золотое кольцо первой царевны*);

3) вершина Т3 (*вторая царевна*) ошибочно не объединяется с вершиной N11 (*золотое кольцо второй царевны*).

Таким образом, данный граф получает оценку $1 - 3 \times 0{,}04 = 0{,}88$.

Во втором графе (5 вершин, $\alpha = 0{,}1$), изображенном на рис. 3, обнаруживается значительно большее количество неточностей (матрица смежности представлена в табл. 4):

1) вершина N10 (*золотое кольцо первой царевны*) ошибочно объединяется с вершиной N11 (*золотое кольцо второй царевны*);

2) вершина N10 (*золотое кольцо первой царевны*) ошибочно не объединяется с вершиной Т2 (*первая царевна*);

3) вершина N11 (*золотое кольцо второй царевны*) ошибочно не объединяется с вершиной Т3 (*вторая царевна*);

4) вершина Т2 (*первая царевна*) ошибочно объединяется с вершиной Т3 (*вторая царевна*);

5) вершина А3 (*осьмиглавый змей*) ошибочно объединяется с вершиной N10 (*золотое кольцо первой царевны*);

6) вершина А3 (*осьмиглавый змей*) ошибочно объединяется с вершиной N11 (*золотое кольцо второй царевны*);

7) вершина А4 (*другой змей*) ошибочно объединяется с вершиной N9 (*лошадь, латы и меч*);

8) вершина А4 (*другой змей*) ошибочно объединяется с вершиной П6 (*еще одна старуха*);

9) вершина А4 (*другой змей*) ошибочно объединяется с вершиной П7 (*сокол*);

10) вершина А5 (*двенадцатиглавый змей*) ошибочно объединяется с вершиной N9 (*лошадь, латы и меч*);

11) вершина А5 (*двенадцатиглавый змей*) ошибочно объединяется с вершиной П6 (*еще одна старуха*);

12) вершина А5 (*двенадцатиглавый змей*) ошибочно объединяется с вершиной П7 (*сокол*);

13) вершина N9 (*лошадь, латы и меч*) ошибочно объединяется с вершиной П7 (*сокол*);

14) вершина П6 (*еще одна старуха*) ошибочно объединяется с вершиной П7 (*сокол*);

15) вершина Т4 (*третья царевна*) ошибочно объединяется с вершиной Т5 (*другой царь*);

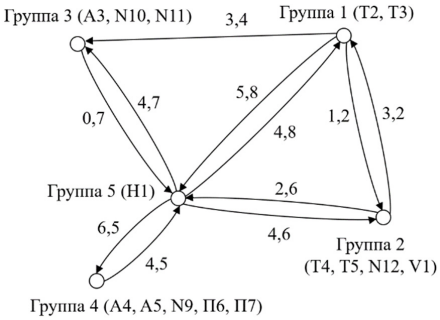


Рис. 3. Агрегированный граф «сильных» связей (5 вершин)
Fig. 3. Aggregated graph of “strong” connections (5 vertices)

Таблица 4. Матрица смежности агрегированного графа (5 вершин)
Table 4. Matrix of adjacency of an aggregated graph (5 vertices)

	Т2+Т3	**Т4+Т5+N12+V1**	**А3+N10+N11**	**А4+А5+N9+П6+П7**	**Н1**
Т2+Т3	1,6	1,2	3,4	0	5,8
Т4+Т5+N12+V1	3,2	13,4	0	0	2,6
А3+N10+N11	0	0	2,1	0	0,7
А4+А5+N9+П6+П7	0	0	0	3,5	4,5
Н1	4,8	4,6	4,7	6,5	0,9

16) вершина Т4 (*третья царевна*) ошибочно объединяется с вершиной V1 (*плешивый Макарка*);

17) вершина Т5 (*другой царь*) ошибочно объединяется с вершиной N12 (*золотое кольцо третьей царевны*);

18) вершина Т5 (*другой царь*) ошибочно объединяется с вершиной V1 (*плешивый Макарка*);

19) вершина N12 (*золотое кольцо третьей царевны*) ошибочно объединяется с вершиной V1 (*плешивый Макарка*).

Сильные связи (13,4) внутри группы «Т4+Т5+N12+V1» свидетельствуют о тесном взаимодействии этих объектов, но с точки зрения восприятия текста такое объединение некорректно (например, кольцо третьей царевны и плешивый Макарка ни при каких условиях не должны объединяться в одну группу, так как это не следует из содержания текста).

Таким образом, данный граф получает оценку $1 - 19 \times 0{,}04 = 0{,}24$. Низкое качество этого графа объясняется избыточным объединением разнородных вершин.

На рис. 4 видно, что наилучшие показатели качества достигаются при числе вершин, равном 10, т.е. 5 вершин могут быть при агрегации объединены с другими. Если говорить о пороге значимости показателей связи, то наилучшие значения получаются при $\alpha = 0{,}2$ (для любого фиксированного числа вершин). При этом если для 10 вершин изменить это значение на 0,1 в большую или меньшую сторону, то качество меняется незначительно.

Разработанная методика агрегации графовых моделей позволяет не только формализовать сюжетные линии, но и выявить новые аспекты организации фольклорного текста. В частности, анализ «сильных» связей между персонажами и объектами показал, что ключевые нарративные компоненты (например, дарители, помощники, антигерои) могут образовывать устойчивые кластеры. Это способно дополнить существующие лингвистические представления о роли повторяющихся структур в формировании смыслового единства сказки и их влиянии на восприятие фольклорного текста.

0,3	0,04	0,4	0,44	0,68	0,76	0,84	0,8	0,8	0,76	0,72
0,2	0,28	0,52	0,6	0,68	0,84	0,88	0,84	0,8	0,76	0,72
0,1	0,24	0,36	0,6	0,68	0,76	0,84	0,8	0,8	0,76	0,72
	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14

Рис. 4. Теплокарта качества процедуры агрегации для моделей от 5 до 14 вершин
Fig. 4. Heatmap of the quality of the aggregation procedure for models from 5 to 14 vertices

Заключение

Проведенное исследование показало, что структуру сказочных сюжетов можно представлять и анализировать с помощью теоретико-графовых моделей. Для решения задачи формализации сюжетной линии волшебных сказок последовательно реализованы следующие этапы:

1. Выделение персонажей и объектов, которые разбиваются на категории с учетом их роли в тексте; установление взаимоотношений между этими персонажами и объектами;
2. Построение теоретико-графовой модели, где каждый персонаж или объект – это вершина, а взаимодействие – это ребро, соединяющее вершины;
3. Агрегация вершин, позволяющая объединить вершины в группы с учетом значимости связей, представленных в теоретико-графовой модели;
4. Анализ корректности получившихся в ходе агрегации данных.

Подобный подход позволяет перейти от детального описания к обобщенной модели, сохраняя основные сюжетные линии и упрощая сравнительный анализ сказок. Проведенное исследование позволяет продемонстрировать, что применение теоретико-графовых моделей и их агрегации выявляет универсальные структуры, характерные для русских волшебных сказок. Определение и систематизация таких структур расширяют представления о структурных закономерностях фольклорных текстов. В прикладном аспекте рассмотренный в статье метод может быть использован для автоматизированного анализа и классификации сказочных сюжетов.

Алгоритмы агрегации с поиском наилучшей структуры «простого» графа позволяют выявить наиболее значимые («сильные») связи в теоретико-графовой модели, когда некоторые подмножества вершин объединяются в новые обобщенные вершины. На примере текста «Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде» получилось, что наилучшее качество достигалось при пороге значимости показателей связи $\alpha = 0{,}2$. В дальнейшем, чтобы улучшить этот параметр, можно модифицировать алгоритм агрегации, дополнительно учитывая информацию об упорядоченности объектов и связей в сюжете.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Jurafsky D., Martin J.H.** Speech and Language Processing // An Introduction to Natural Language Processing, Computational Linguistics, and Speech Recognition with Language Models. 3rd ed. Online manuscript released January 12, 2025. URL: https://web.stanford.edu/~jurafsky/slp3 (дата обращения 28.04.2025).

2. **Катермина Т.С., Тагиров К.М., Тагиров Т.М.** Элементы искусственного интеллекта в решении задач анализа текстов // Computational Nanotechnology. 2022. Т. 9, № 2. С. 35–44. DOI: 10.33693/2313-223X-2022-9-2-35-44

3. **Морозов Д.А., Глазкова А.В., Губарькова Я.Н., Гарипов Т.А., Столяров С.С., Власова Н.А., Ляшевская О.Н., Смаль И.А., Козеренко А.Д.** Применение инструментов обработки естественного языка на базе машинного обучения при разработке корпусов: опыт Национального корпуса русского языка // Материалы Международной научной конференции, посвященной 20-летию Национального корпуса русского языка. М., 2024. С. 118–121. DOI: 10.31912/nac_corp_20-2024

4. **Фатхулин Т.Д., Климов Н.Ю., Гежин С.А.** Анализ нейросетевых технологий, позволяющих генерировать текст // Труды Северо-Кавказского филиала Московского технического университета связи и информатики. Ростов-на-Дону, 2023. С. 123–127.

5. **Жирмунский В.М.** К вопросу о международных сказочных сюжетах // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2004. № 1 (15). С. 227–236.

6. **Пропп В.** Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.

7. **Лотман Ю.М.** Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.

8. **Москин Н.Д., Лебедев А.А.** Теоретико-графовый подход к анализу вариативности русских сказок // Интеллектуальные системы в производстве. 2024. Т. 22, № 4. С. 90–97. DOI: 10.22213/2410-9304-2024-4-90-97

9. **Гаазе-Рапопорт М.Г.** Поиск вариантов в сочинении сказок // Зарипов Р.Х. Машинный поиск вариантов при моделировании творческого процесса. М.: Наука, 1983. С. 213–223.

10. **Афанасьев А.М.** Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 1. / подготовка текста и примеч. В.Я. Пропп. М.: Гослитиздат, 1957. 514 с.

11. **Сюй Ц., Агеева Ю.В.** Дискурсивная типология сказки (на примере сборника русских сказок А. Н. Афанасьева) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 2. С. 134–139. DOI: 10.30853/filnauki.2020.2.26

REFERENCES

[1] **Jurafsky D., Martin J.H.,** Speech and Language Processing, An Introduction to Natural Language Processing, Computational Linguistics, and Speech Recognition with Language Models, 3rd ed., Online manuscript released January 12, 2025. Available at: https://web.stanford.edu/~jurafsky/slp3 (accessed 28.04.2025).

[2] **Katermina T.S., Tagirov K.M., Tagirov T.M.,** Elements of artificial intelligence in solving problems of text analysis, Computational Nanotechnology, 9 (2) (2022) 35–44. DOI: 10.33693/2313-223X-2022-9-2-35-44

[3] **Morozov D.A., Glazkova A.V., Gubarkova Ya.N., Garipov T.A., Stolyarov S.S., Vlasova N.A., Lyashevskaya O.N., Smal I.A., Kozerenko A.D.,** Primeneniye instrumentov obrabotki yestestvennogo yazyka na baze mashinnogo obucheniya pri razrabotke korpusov: opyt Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka [Application of natural language processing tools based on machine learning in corpus development: the experience of the National Corpus of the Russian Language], Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 20-letiyu Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka [Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 20th anniversary of the National Corpus of the Russian Language], Moscow, 2024, 118–121. DOI: 10.31912/nac_corp_20-2024

[4] **Fatkhulin T.D., Klimov N.Yu., Gezhin S.A.,** Analysis of Neural Network Techniques for Text Generation, Trudy Severo-Kavkazskogo filiala Moskovskogo tekhnicheskogo universiteta svyazi i informatiki [Proceedings of the North Caucasian branch of the Moscow Technical University of Communications and Informatics], Rostov-on-Don, 2023, pp. 123–127.

[5] **Zhirmunskiy V.M.,** On the Theme of International Fairy-Tale Plots, Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects, 1 (15) (2004) 227–236.

[6] **Propp V.,** Morfologiya skazki [Morphology of the fairy tale], Academia, Leningrad, 1928.

[7] **Lotman Yu. M.,** Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of the artistic text], Art, Moscow, 1970.

[8] **Moskin N.D., Lebedev A.A.,** Graph-theoretical Approach to the Analysis of the Variability of Russian Fairy Tales, Intellektual'nye sistemy v proizvodstve, 22 (4) (2024) 90–97. DOI: 10.22213/2410-9304-2024-4-90-97

[9] **Gaaze-Rapoport M.G.,** Poisk variantov v sochinenii skazok [Search for variants in the composition of fairy tales], Zaripov R.Kh., Mashinnyy poisk variantov pri modelirovanii tvorcheskogo protsessa [Machine search for variants in modeling the creative process], Nauka, Moscow, 1983, pp. 213–223.

[10] **Afanasyev A.M.,** Narodnyye russkiye skazki A.N. Afanasyeva [Russian folk tales by A.N. Afanasyev], Vol. 1, Goslitizdat, Moscow, 1957.

[11] **Xu J., Ageyeva Yu.V.,** Discursive Typology of Fairy Tale (by the Example of A. N. Afanasyev's Collection "Russian Fairy Tales"), Philology. Theory & Practice, 13 (2) (2020) 134–139. DOI: 10.30853/filnauki.2020.2.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Москин Николай Дмитриевич
Nikolai D. Moskin
E-mail: moskin@petrsu.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-5556-5349

Лебедев Александр Александрович
Alexander A. Lebedev
E-mail: perevodchik88@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9939-9389

Поступила: 05.05.2025; Одобрена: 10.06.2025; Принята: 30.06.2025.
Submitted: 05.05.2025; Approved: 10.06.2025; Accepted: 30.06.2025.

Terra Linguistica. 2025, Том 16, № 2. С. 101–117.
Terra Linguistica. 16 (2) (2025) 101–117.

Научная статья
УДК 81’42:159.942
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16207
EDN: https://elibrary/GCQIND

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ «ОПИСАНИЕ ЭМОЦИЙ», «ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ» И «ОТРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Л.А. Пиотровская ✉

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ larisa11799@yandex.ru

Аннотация. Автор реализует междисциплинарный подход к исследованию проблемы «язык и эмоции», который предполагает одновременный учет основных теоретических положений, сформулированных в лингвистических и психологических трудах, а также разные классификации эмоций. Теоретической основой категоризации эмоций является когнитивный подход. Цель статьи состоит в развернутом обосновании необходимости различать в лингвистических исследованиях не два аспекта, а именно «язык описания эмоций» и «язык выражения эмоций», а три: описание, выражение и отражение эмоций. Неоднородность «языка выражения эмоций», а следовательно, разграничение выражения и отражения эмоций обусловлены тем, что не все эмоции, кодируемые субъектом речи, составляют его речевое намерение. Описание эмоций представляет собой процесс, имеющий место в тех ситуациях, когда объектом познавательной деятельности человека являются сами эмоции. Поэтому при описании эмоций субъект речи обязательно использует слова, называющие эмоции, такие как раздражение/раздражать, возмущение/возмущать, удивление/удивлять, восхищение/восхищать, огорчение/огорчать и под. При выражении эмоций познавательная деятельность человека направлена на фрагмент внешней ситуации, при этом говорящий должен непосредственно переживать соответствующие эмоции в момент речи. С собственно лингвистической точки зрения выражение эмоций связано с намеренным выбором говорящим таких языковых средств, в которых определенные эмоции имеют статус эмотивного компонента значения. Поскольку сфера выражения эмоций – минимальная коммуникативная единица, такие эмоции составляют доминирующий семантический компонент особого коммуникативного типа высказываний, названных автором эмотивными, например: Тоже мне, герой! Отражение эмоций не контролируется субъектом речи, реализуется на значительных фрагментах текста, такие эмоции являются спонтанными, коррелируют с общим эмоциональным состоянием человека; более того, они не имеют специфических языковых средств кодирования, поскольку в определенной степени это зависит и от эмоционального типа личности.

Ключевые слова: эмотивное значение, эмотивные высказывания, текст, интенция, описание эмоций, выражение эмоций, отражение эмоций.

Для цитирования: Пиотровская Л.А. Теоретические основания разграничения терминов «описание эмоций», «выражение эмоций» и «отражение эмоций» в лингвистическом анализе // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 2. С. 101–117. DOI: 10.18721/JHSS.16207

© Пиотровская Л.А., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Research article
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16207

THEORETICAL FRAMEWORK FOR DEFINITION OF THE TERMS “DESCRIPTION OF EMOTIONS”, “EXPRESSION OF EMOTIONS”, “REFLECTION OF EMOTIONS” AND ITS IMPLEMENTATION IN LINGUISTIC ANALYSIS

L.A. Piotrovskaya ✉

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation

✉ larisa11799@yandex.ru

Abstract. The study adopts an interdisciplinary approach to the “language and emotions” problem, taking into account the basic theoretical linguistic and psychological postulates as well as linguistic and psychological classifications of emotions. Grounded in cognitive theory, the research presents a novel approach, when three (not two – “language of describing emotions” and “language of expressing emotions”) aspects are distinguished: “description of emotions”, “expression of emotions”, and “reflection of emotions”. The heterogeneity of the “language of expressing emotions”, and, consequently, the distinction between expression and reflection of emotions are due to the fact that not all emotions encoded by the subject of speech constitute his communicative intentionality. Emotion description (conscious cognitive processing of emotional states) requires explicit emotion-denoting lexemes (irritation/irritate, disturbance/disturb, astonishment/astonish, admiration/admire, grief/grieve etc.). When expressing emotions, human cognitive activity is aimed at a fragment of the external situation, while the speaker must directly experience the corresponding emotions at the moment of speech. From a strictly linguistic point of view, emotion expression manifests through specialized linguistic markers with emotive meaning components. Since the sphere of expression of emotions is a minimal communicative unit, such emotions constitute the dominant semantic content in emotive utterances (e.g., “Some hero he is!”). Emotion reflection (uncontrolled by the subject of speech) is realized in significant fragments of the text, such emotions are spontaneous, correlate with speaker's general affective state; moreover, they do not have specific linguistic encoders, since to a certain extent this also depends on the emotional personality type.

Keywords: emotive meaning, emotive utterances, text, intention, description of emotions, expression of emotions, reflection of emotions.

Citation: Piotrovskaya L.A., Theoretical framework for distinguishing the terms “description of emotions”, “expression of emotions”, and “reflection of emotions” in linguistic analysis, Terra Linguistica, 16 (2) (2025) 101–117. DOI: 10.18721/JHSS.16207

Введение

Р. Якобсон, разграничивший шесть функций языка: референциальную, эмотивную, поэтическую, конативную, фатическую и металингвистическую, – одним из первых привлек внимание лингвистов к всестороннему изучению эмотивной функции: «Эмотивная функция, проявляющаяся в междометиях в чистом виде, окрашивает в известной степени все наши высказывания – на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. Анализируя язык с точки зрения

© Piotrovskaya L.A., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

передаваемой им информации, мы не должны ограничивать понятие информации когнитивным (познавательно-логическим) аспектом языка» [1, с. 354].

Несмотря на то что Р. Якобсон подчеркивал, что «язык необходимо исследовать во всем многообразии его функций» [1, с. 353], и сформулировал положение о разных иерархических отношениях между отдельными функциями, тем не менее почти до конца XX века в центре внимания лингвистов оставалась референциальная функция (называемая также когнитивной или денотативной). Это, на наш взгляд, обусловлено двумя причинами.

Во-первых, на протяжении почти всего XX века в лингвистике доминировала научная парадигма структурализма, предполагавшая разработку логического аппарата исследования языковой системы, который не применим к изучению эмотивной функции языка, что повлекло за собой исключение эмоций из объекта научного исследования.

Показательными в этом отношении являются две почти совпадающие по времени оценки, одна из которых принадлежит А. Вежбицкой, обратившейся к изучению проблемы «эмоции и язык» с позиций теории речевых актов, а другая – Ф. Данешу, сторонникy функционального подхода к изучению языка, провозглашенного Пражским лингвистическим кружком. А. Вежбицкая, оценивая различные классификации речевых актов, обращала внимание на их уязвимость: «Логики (или некоторые логики)... хотели бы ограничить сферу своих интересов декларативными предложениями плюс, возможно, одним-двумя более удобными не-декларативными типами (такими как вопросительные и императивные предложения), которые можно трактовать с помощью истинно функциональной семантики или другого логического аппарата» [2, с. 289], тогда как «профессиональным долгом лингвистов является описание всех типов высказываний, в том числе таких, как *What a woman!*; *How silly of me!*; *Why don't you be quite!*; *You scoundrel!* и под.» [2, с. 289–290]. Ф. Данеш призывал лингвистов к изучению эмоций, несмотря на неопределенность самого предмета исследования: «И хотя в области эмоциональной границы интересов лингвистики остаются неопределенными, однако преобладающий сегодня относительно односторонний интерес к когнитивным аспектам не должен отодвигать на второй план разработку этой проблемы» [3, с. 96].

Интенсивному развитию эмотиологии способствовало создание в 1985 году Международного центра изучения эмоций при Гарвардском университете. А двумя годами позже на XIV Международном конгрессе лингвистов, состоявшемся в Берлине, исследование проблемы «язык и эмоции» было выделено как одно из пяти приоритетных направлений современной лингвистики. В настоящее время имеется большое количество фонетических, семантических и грамматических работ, посвященных эмоциям в языке, речи и речевой деятельности [4–9 и др.].

Во-вторых, объективной трудностью в разработке проблемы «эмоции и язык» является необходимость применения междисциплинарного подхода, поскольку, с одной стороны, эмоции представляют собой психическое явление, а с другой – эмотивное значение может быть неотъемлемой составляющей семантики различных языковых единиц [10, 11] (см. также обзор работ по нейронаукам [12]).

Перед лингвистом встает вопрос о том, какая классификация эмоций должна быть взята за основу и можно ли выработать собственно лингвистические принципы изучения эмоций. С теоретической точки зрения эта проблема была поставлена в середине XX века в связи с определением принципов семантических исследований. Л. Блумфильд и У. Вайнрайх высказали противоположные точки зрения. Л. Блумфилд настаивал на том, что дескриптивная семантика должна опираться на результаты физиологических исследований, поскольку «значения как психические явления недоступны для наблюдения» [13, с. 28]. У. Вайнрайх же считал такой подход теоретически неприемлемым: «Даже если мы будем располагать, например, физиологической классификацией эмоций, описание семантики слов, называющих эмоции, должно разрабатываться независимо, так же как описание семантики цветонаименований может быть

вполне независимым от уже известной психофизиологии зрения» [13, с. 28–29]. В современной лингвистике общепринятым является положение о том, что категоризация эмоций не может быть разработана без опоры на лингвистическую методологию [14].

Полагаем, что когнитивная парадигма позволяет понять, что междисциплинарный подход является более плодотворным, чем поиски строго лингвистического инструментария для исследования эмотивной функции языка. В исследованиях, выполненных с позиций когнитивной парадигмы, по-новому понимается и содержание относительно традиционных терминов (см., например [15]). С учетом этого актуальность темы настоящей статьи обусловлена необходимостью дальнейшей разработки категориального аппарата эмотиологии. Строгой дефиниции требует прежде всего термин «выражение эмоций», поскольку его применение в ряде исследований представляется противоречивым (см. ниже полемику с Е.М. Вольф, А. Вежбицкой, а также с Т.М. Ушаковой).

На современном этапе развития эмотиологии границы лингвистики в области эмоций уже не являются неопределенными. В этой связи считаем важным подчеркнуть следующее: поскольку эмоции – это психическое явление, разработка проблемы «эмоции и язык», базирующаяся на когнитивной парадигме, должна учитывать как психологические, так и лингвистические теоретические положения. Из этого следует, что центральной проблемой является отношение между эмоциями и сознанием [16; 17]; решение этой проблемы, по нашему убеждению, должно быть теоретической основой категоризации эмоций в языке и речи (см. также о социокогнитивном подходе к изучению эмоций [18]).

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы привести развернутое обоснование категоризации эмоций, которая в сжатом виде была представлена нами ранее [19] и отличается от традиционного противопоставления «языка описания эмоций» и «языка выражения эмоций» [20; 21, с. 26], поскольку то, что принято называть выражением эмоций, с когнитивной точки зрения неоднородно. С учетом этого нами предлагается трехчленная модель, в соответствии с которой в лингвистических исследованиях проблемы «язык и эмоции» надо различать три области эмоций: **описание**, **выражение** и **отражение эмоций**.

Методология и методика исследования

Представим кратко психологические классификации эмоций. Основные принципы классификации эмоций были сформулированы В. Вундтом в начале XX века, который противопоставил положительные и отрицательные, активные и пассивные, сильные и слабые эмоции. В середине XX века[1] выдающийся отечественный психолог С.Л. Рубинштейн предложил шестичленную систему: 1) физические чувствования удовольствия/неудовольствия, представляющие собой ненаправленные эмоции; 2) предметные чувства, среди которых выделяются интеллектуальные, эстетические и моральные чувства; 3) обобщенные мировоззренческие чувства; 4) аффекты; 5) страсти и 6) настроения [22, с. 574–583]. В соответствии с классической психологической классификацией принято различать аффекты, собственно эмоции и чувства. Результаты, полученные в современных психологических и нейропсихологических работах, свидетельствуют о необходимости различать три основных уровня эмоциональных явлений: эмоциональные реакции, эмоциональные состояния и эмоционально-личностные качества [23, с. 234]. Последняя из названных классификаций представляется наиболее адекватной задачам нашего исследования, поскольку она основана на экспериментальном исследовании. Далее, предлагая категоризацию эмоций, мы будем учитывать два уровня эмоциональных явлений: эмоциональные реакции и эмоциональные состояния, поскольку эмоционально-личностные качества являются объектом сугубо психологического исследования.

[1] Первое издание фундаментального труда С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» вышло в 1940 году.

Охарактеризуем кратко наиболее значимые для целей нашего исследования лингвистические классификации эмоций.

В. Матезиус, один из основоположников Пражского лингвистического кружка, по-видимому, был первым лингвистом, подчеркнувшим неоднородность области эмоций. Он предложил различать три типа эмоций: спонтанные, подавляемые и намеренно выражаемые [24, с. 227]. Использованные им термины свидетельствуют о том, что в основе этой классификации лежит понятие интенции. Не вызывает сомнений, что подавляемые и намеренно выражаемые эмоции, в отличие от спонтанных, связаны с речевой интенцией субъекта речи. К сожалению, эта классификация не получила дальнейшего развития ни в работах В. Матезиуса, ни, насколько нам известно, в трудах других лингвистов.

Большинство современных лингвистических исследований основывается на положении о том, что необходимо различать лишь два аспекта: «язык описания эмоций» и «язык выражения эмоций» [20]. Эти понятия соответствуют двум функциям, согласно Ш. Балли: функции идентификации и функции выражения [25, с. 128–129]. Эмотивная функция языка коррелирует с «языком выражения эмоций», при этом А. Вежбицкая при описании семантики «восклицаний» выделяет семантический компонент “not because I want it” [2, с. 145].

Однако такой подход не принимает во внимание два важных фактора: во-первых, разграничение В. Матезиусом двух типов эмоций – спонтанных и намеренно выражаемых [24]; во-вторых, различие между эмоциональными состояниями и эмоциональными реакциями в соответствии с психологической классификацией [23]. Следовательно, двучленная категоризация эмоций не в полной мере учитывает более сложные отношения между эмоциями и интенцией субъекта речи.

Существует альтернативный подход, представленный в экспериментально-фонетических исследованиях отечественных лингвистов, занимающихся изучением интонации эмоций. Сторонники этого подхода считают необходимым разграничивать два типа эмоций в зависимости от их интонационных коррелятов: интонационное выражение одних эмоций универсально, тогда как другие эмоции имеют специфичные для разных языков интонационные модели [26, с. 45; 27, с. 23–24; 28, с. 64–65]. Н.Д. Светозарова предложила в этой связи различать «общее эмоциональное состояние», например страх, горе, гнев, печаль, беспокойство, счастье, и «эмоциональные значения»[2], например сомнение, презрение, сожаление. Кроме того, Н.Д. Светозарова сформулировала как лингвистические, а именно интонационные, так и психологические критерии разграничения общего эмоционального состояния и эмотивных значений: «Сфера эмоциональных состояний отличается в целом большей универсальностью, непроизвольностью, характеризует относительно продолжительные отрезки речи, может не зависеть от контекста, проявляется чаще через общую окраску речи. Конкретные эмоциональные значения в большей степени обладают языковой спецификой, они контролируются говорящим и в акте коммуникации обычно являются реакциями на сообщения или ситуацию [28, с. 65]. Обратим внимание на то, что термин «общее эмоциональное состояние», используемый Н.Д. Светозаровой, совпадает с психологическим термином, предложенным Е.Д. Хомской и Н.Я. Батовой для обозначения одного из трех уровней эмоциональных явлений [23]. А выражение «реакции на сообщения или ситуацию» при характеристике эмотивных значений также коррелирует с психологическим термином «эмоциональные реакции». Это, на наш взгляд, свидетельствует о плодотворности обеих классификаций.

Если принять во внимание психологические и лингвистические классификации эмоций, становится очевидным, что двучленная система, предполагающая разграничение только «языка описания эмоций» и «языка выражения эмоций», не может считаться удовлетворительной,

[2] С учетом того, что в современной эмотиологии принято различать термины «эмотивный» и «эмоциональный», корректнее использовать термин «эмотивные значения». Поэтому далее, за исключением прямого цитирования, нами будет употребляться термин «эмотивные значения».

поскольку она игнорирует различие между эмоциональными состояниями и эмоциональными реакциями, специфика которых обосновывается и психологами, и лингвистами. Иначе говоря, двучленная категоризация эмоций находится в противоречии с положениями, сформулированными как психологами, так и лингвистами. Далее будет представлено обоснование положения о том, что трехчленная категоризация, в соответствии с которой в лингвистическом анализе следует различать описание, выражение и отражение эмоций, в полной мере учитывает как интенцию говорящего, так и способы кодирования эмоций в высказывании и в тексте. В качестве языкового материала приводятся в том числе эмотивные высказывания, необходимость выделения которых как самостоятельного коммуникативного типа была обоснована нами ранее: «...эмотивными мы называем такие высказывания, в сложной коммуникативной задаче которых доминирует намерение говорящего выразить свое эмоциональное состояние или эмоциональное отношение к чему-либо» [29, с. 40; 30].

Результаты исследования

Описание эмоций в лингвистическом анализе

Ключевым в содержании термина «описание эмоций», в соответствии с предлагаемой моделью, является то, что речь должна идти исключительно о процессе, имеющем место в тех ситуациях, когда эмоции становятся объектом рефлексии субъекта речи, то есть познавательная деятельность говорящего направлена на сами эмоции. Это обусловливает номинацию эмоций соответствующими словами (реже – словосочетаниями), такими как *раздражение/раздражать*, *возмущение/возмущать*, *удивление/удивлять*, *восхищение/восхищать*, *огорчение/огорчать* и под., например[3]:

(1) ***Я удивлен**, что Вы позвонили мне в воскресенье в девять утра*;

(2) *Я искренне* ***сочувствую*** *этому герою рассказа*.

Е.М. Вольф подчеркивает, что в ситуации, когда субъект речи описывает свои эмоции, он смотрит на себя как бы со стороны; в этом случае говорящий не испытывает называемые эмоции непосредственно в момент речи: «Когда мы говорим *Мне скучно*, *Он обрадовался*, то здесь ЭС (эмоциональное состояние. – *Л.П.*) осознается субъектом и интерпретируется с помощью соответствующих предикатов, говорящего в этом случае нельзя отождествить с чувствующим субъектом, он смотрит на себя как бы со стороны, даже если речь идет о самонаблюдении» [31, с. 68]. Соглашаясь в целом с Е.М. Вольф, считаем, однако, важным внести два существенных уточнения. Во-первых, если субъект речи использует слово, называющее соответствующую эмоцию, он может непосредственно переживать называемую эмоцию. Во-вторых, сказанное справедливо по отношению не ко всем высказываниям, включающим номинации эмоций, а только к тем, в которых говорящий называет свое эмоциональное состояние, то есть к высказываниям типа Мне скучно, но не к высказываниям типа *Он обрадовался*. Если это происходит, одновременно имеют место два процесса, один из которых представляет собой описание эмоции, а другой – ее выражение.

Таким образом, предложения со словами, называющими эмоции, относятся к «языку описания эмоций», но часть из них, если использовать термины теории поля, может быть на пересечении двух полей – описания и выражения эмоций.

В соответствии с классификацией теории речевых актов, предложенной Дж. Сёрлем [32], такие предложения относятся к репрезентативам (ассертивам). В этой связи разделяем точку зрения чешского лингвиста Р. Зимека, отмечавшего, что в предложениях чешского языка (3), (4) и (5) представлена «рациональная оценка эмоционального состояния»:

(3) *Je mi* ***líto***, *že*... (‘Мне **жаль**, что...’);

[3] Высказывания (3) и (4) сконструированы автором; подобные высказывания, имеющие статус описания эмоций, можно составить и с другими лексическими единицами, называющими определенную эмоцию.

(4) ***Zlobím se***, *protože*... (‘Я **злюсь**, потому что...’);

(5) *Je mi* ***teskno*** (‘Мне **тоскливо**’) [33, с. 102].

Он характеризовал такие предложения также как «перифразы эмоционального состояния» [33, с. 102]. С учетом этого предложения (1), (2), (3), (4) и (5) можно назвать «речевыми актами интерпретации».

Поэтому не представляется возможным согласиться с Т.М. Ушаковой, настаивающей на том, что предложения французского языка (6) и (7) являются эмотивными, поскольку, по мнению исследователя, они содержат слова, «выражающие эмоциональное состояние» [34, с. 109]:

(6) *Je suis* ***furieuse*** (‘Я в **ярости**’);

(7) *Je suis* ***navrée*** (‘Мне **жаль**’).

Комментарий Т.М. Ушаковой свидетельствует о том, что автор не разграничивает термины «выражение эмоций» и «описание эмоций»: во-первых, лексемы *furieuse* и *navrée* не выражают, а называют определенные эмоции; во-вторых, подобные высказывания, в соответствии с нашим пониманием, некорректно называть эмотивными[4]. Считаем необходимым подчеркнуть следующее: когда субъект речи использует слова, номинирующие эмоции, это является результатом когнитивного анализа его эмоционального состояния. Следовательно, предложения (6) и (7) являются репрезентативами, хотя в определенной ситуации они могут быть эмоционально окрашенными, но не эмотивными. Отличие эмоционально окрашенных высказываний от эмотивных, в нашем понимании, состоит в иерархических отношениях между двумя типами оценки – рациональной и эмоциональной: в эмотивных высказываниях эмоциональная оценка преобладает над рациональной, тогда как в эмоционально окрашенных высказываниях – наоборот. Другими словами, описание эмоций является когнитивным процессом, который предполагает рациональную оценку внутреннего эмоционального состояния.

Описание эмоций коррелирует с референциальной функцией языка (по классификации Р. Якобсона [1]), тогда как выражение эмоций – с эмотивной функцией.

Выражение эмоций в лингвистическом анализе

Перейдем к рассмотрению второй «области эмоций» – выражению эмоций. Прежде всего необходимо провести параллели между предлагаемой категоризацией эмоций, с одной стороны, и психологическими и лингвистическими классификациями эмоций – с другой. Процесс, называемый нами выражением эмоций, коррелирует со следующими терминами: «намеренно выражаемые эмоции» (по классификации В. Матезиуса [24]), «эмоциональные реакции» (один из трех основных уровней эмоциональных явлений в соответствии с классификацией Е.Д. Хомской и Н.Я. Батовой [23]), а также «конкретные эмоциональные значения» (по классификации Н.Д. Светозаровой [27, 28]), для выражения которых в интонационных системах разных национальных языков существуют уникальные интонационные модели; для обозначения идиоэтнических интонационных моделей, предназначенных для выражения определенных эмоций, нами был предложен термин «эмотивная интонация», в отличие от термина «эмоциональная просодия» [35].

В соответствии с предлагаемой моделью лингвистического исследования проблемы «язык и эмоции» сформулируем существенное различие между описанием и выражением эмоций. При описании эмоции объектом познавательной деятельности субъекта речи является его **внутреннее состояние**, тогда как при выражении эмоции познавательная деятельность говорящего/пишущего направлена на **фрагмент внешней ситуации** (ср. с терминами «аффективная денотация и коннотация» в [36]).

Другой важной характеристикой выражения эмоций считаем то, что этот процесс осознается и контролируется субъектом речи, что можно доказать с опорой на лингвистические критерии.

[4] Критерии выделения эмотивных высказываний, предложенные нами, будут приведены ниже.

С собственно лингвистической точки зрения это предполагает, что выражение эмоций коррелирует с доминирующей коммуникативной задачей говорящего, то есть выражение эмоций представляет собой особый иллокутивный акт. В этом случае говорящий **выбирает** соответствующие **языковые средства**. Следовательно, изучение выражения эмоций должно основываться на анализе высказывания как минимальной коммуникативной единицы, а не текста. Какие это высказывания?

На наш взгляд, это не могут быть высказывания, называемые в общеграмматических исследованиях восклицательными, поскольку они представляют собой внутренне неоднородный класс: к ним относятся как эмоционально окрашенные повествовательные (например: *Мы же с вами не знакомы!*), вопросительные (например: *Разве мы с вами знакомы?*) и побудительные высказывания (например: *Помогите же хоть кто-нибудь!*), так и собственно эмотивные (например: *Кто бы мог подумать!*; *До чего я устала!*; *Что за прятки на кухне!*; *Ну и конструктора в нашей стране!*; *Это я-то не знаю?*; *А еще друг называется!*; *Он еще и кофе попивает!*; *Вот тебе и разогрела!*).

Кроме того, в работах, посвященных классификации речевых актов, термин «восклицания» имеет иное значение – он называет особый тип речевых актов [2, с. 330–339; 37; 38, с. 250–254 и др.]. Д. Эллиот первым из лингвистов применил перформативный анализ к восклицаниям, обратив внимание на то, что предложения типа *How beautiful these flowers are!* «могут встраиваться... в качестве тематического дополнения (subject complement) группы предикатов, включая *amazing*, *fascinating*, *incredible* и под.» [37, с. 232], например: *How beautiful these flowers are!* → *It's amazing/incredible/unbelievable how beautiful these flowers are*. Классификация речевых актов, разработанная А. Вежбицкой, основана на семантическом анализе 270 речеактовых глаголов английского языка, таких как *suggest*, *request*, *criticize*, *hint*, *boas*t, *complain*, *accuse*, которые объединены в 47 групп [38]. Она квалифицирует восклицания как эмотивный речевой акт на том основании, что в их семантической структуре имеется эмотивный компонент 'I feel smth', а не 'I say that I feel smth'. Однако согласиться полностью с А. Вежбицкой не позволяет тот факт, что семантический компонент 'I feel smth' она выделяет, характеризуя не только the EXCLAIM group, но и другие, такие как the REPRIMAND group, the BLAME group, the ACCUSE group, the ATTACK group, the PRAISE group и the COMPLAIN group. На наш взгляд, не все перечисленные группы действительно относятся к эмотивным речевым актам (см. критерии выделения эмотивных речевых актов ниже).

Поэтому при выявлении когнитивной природы выражения эмоций использовать в полной мере классификацию речевых актов, предложенную А. Вежбицкой, не представляется возможным. Кроме того, неоднозначность термина «восклицание» не способствует корректному разграничению «языка описания эмоций» и «языка выражения эмоций». В соответствии с разработанной ранее нами теорией, выражение эмоций как осознаваемый и контролируемый процесс реализуется прежде всего в высказываниях, названных нами эмотивными и имеющих статус эмотивных речевых актов, которые выделяются при одновременном соблюдении трех критериев [29, с. 32–45].

Во-первых, эмотивные высказывания относятся к «языку выражения эмоций», а не к «языку описания эмоций». Это означает, что говорящий непосредственно переживает определенные эмоции в момент речи (эта психологическая характеристика является общей как для выражения, так и для отражения эмоций). Свидетельством этого является наличие в семантической структуре эмотивных речевых актов компонента, коррелирующего с илллокутивной силой (иллокутивной целью) именно выражения, а не описания эмоций.

Во-вторых, специфической семантической характеристикой эмотивных речевых актов является преобладание эмоциональной оценки над рациональной. Ср. первые высказывания в следующих примерах[5]:

[5] Первое высказывание в примере (8) построено по одной из типизированных эмотивных синтаксических моделей. Исключение из его состава структурообразующей частицы *какой* (пример (9)) принципиально меняет тип синтаксической модели и, соответственно, коммуникативный тип высказывания [30].

(8) *Какая ты прекрасная хозяйка! И прекрасно готовишь, и дом содержишь в идеальном порядке*;

(9) *Ты – прекрасная хозяйка! И прекрасно готовишь, и дом содержишь в идеальном порядке*.

Высказывания типа (8) являются эмотивными, в отличие от высказываний типа (9). Доказательством этого является невозможность употребления эмотивных высказываний в качестве зависимой пропозиции при глаголе мнения-оценки считать; ср. трансформации первых высказываний из примеров соответственно (8) и (9):

(10) **Я **считаю**, какая ты прекрасная хозяйка*;

(11) *Я **считаю**, что ты – прекрасная хозяйка*.

В отличие от псевдопредложения (10), предложение (11) является корректным.

В-третьих, для описания иллокутивной силы эмотивных речевых актов нами было предложено использовать предложение метаязыка, в котором содержится семантическое представление высказывания. Такое предложение должно включать слова, называющие эмоцию, переживаемую субъектом речи; характеризующие причину эмоции или объект эмоциональной оценки, а также указание на субъекта речи, например[6]:

(12) *Что за идиотская манера звонить в девять утра!* → ‘Меня удивляет и возмущает привычка некоторых людей звонить рано утром’.

Таким образом, в отличие от описания эмоций, что коррелирует с репрезентативами, выражение эмоций представлено прежде всего в особом типе речевых актов, названных нами эмотивными (эмотивными высказываниями). Однако считаем важным сформулировать следующее положение: корреляция между описанием и выражением эмоций, с одной стороны, и репрезентативами и эмотивными речевыми актами – с другой, не является абсолютной. Существует один тип высказываний, которые не являются эмотивными в нашем понимании, однако относятся к «языку выражения эмоций». Это репрезентативы, содержащие в своем составе такие оценочные слова, как *прекрасный*, *великолепный*, *ужасный*, *восхитительный*, *удивительный*, *невероятный* и под., например[7]:

(13) *Он великолепный мастер!*

(14) *Ты удивительная женщина!*

Значение оценочных слов представляет собой гетерогенное содержание: с одной стороны, они характеризуют объект действительности, на который направлен познавательный процесс; с другой – говорящий намеренно выражает свою эмоциональную оценку этого объекта. Иначе говоря, в семантике лексем типа *удивительный* содержится эмотивно-оценочный компонент, который «импликативно связан с соответствующим дескриптивным» [39, с. 30]. Это значит, что слова *прекрасный*, *великолепный*, *ужасный*, *восхитительный*, *удивительный*, *невероятный*, которые говорящий использует для характеристики объекта познавательной деятельности, имплицируют положительную или отрицательную эмоциональную оценку. Е.М. Вольф, сравнивая подобные высказывания, в состав которых входят разные личные местоимения, полагает, что объектом эмоциональной оценки может быть либо говорящий, либо слушающий, на которых указывают местоимения соответственно первого или второго лица (то есть пример (14)), тогда как объектом рациональной оценки обычно является третье лицо (соответственно пример (13) с местоимением третьего лица) [39, с. 169]. Нам такой вывод представляется противоречивым, поскольку в обоих высказываниях сообщается о мнении-оценке. Об этом свидетельствует тот факт, что высказывания типа и (13), и (14) могут употребляться в качестве зависимой пропозиции при глаголе *считать*, что противоречит одному из трех предложенных нами критериев выделения эмотивных высказываний; а значит, они не являются эмотивными; ср. две трансформации:

[6] Эмотивное высказывание (12) тоже построено по типизированной эмотивной синтаксической модели со структурообразующей частицей *что за* [30].

[7] Пример (13) взят из работы Е.М. Вольф [39, с. 169]; в примере (14), созданном автором данной статьи, использованы другое оценочное слово и другое личное местоимение.

(15) ***Я считаю**, что он великолепный мастер*;

(16) ***Я считаю**, что ты удивительная женщина*.

Противопоставляя описание эмоций и выражение эмоций в лингвистическом анализе, считаем необходимым подчеркнуть следующее: несмотря на то что предложения типа (13) и (14) могут употребляться в качестве зависимой пропозиции при глаголе *считать*, однако из этого не следует, что эти предложения относятся к области описания эмоций. Несмотря на то что говорящий описывает объект объективной действительности, тем не менее он не называет непосредственно свою внутреннюю эмоциональную оценку. На наш взгляд, при описании эмоций субъект речи должен дифференцировать конкретную эмоцию, что предполагает обязательное использование слов, называющих соответствующую эмоцию.

Различия между двумя типами высказываний, одни из которых являются эмотивными типа (8), (12), а другие – эмоционально окрашенными репрезентативами типа (9), (13), (14), обусловлено их семантической структурой. Главный, на наш взгляд, критерий их разграничения следующий: в эмотивных высказываниях эмоциональная оценка доминирует над рациональной, тогда как в эмоционально окрашенных репрезентативах с оценочными словами типа *прекрасный*, напротив, доминирует рациональная оценка. С учетом этого высказывания типа (9), (13) и (14) следует отнести к области выражения эмоций, однако подчеркнем, что в соответствии с теорией поля они находятся на периферии «языка выражения эмоций».

Выражение vs отражение эмоций в лингвистическом анализе

В завершение сравним выражение и отражение эмоций, которые не различаются многими лингвистами. То, что нами предлагается называть отражением эмоций, коррелирует с терминами «физические чувствования» (непредметные эмоции) в соответствии с классификацией С.Л. Рубинштейна [22], «спонтанные эмоции» по классификации В. Матезиуса [24], и «(общее) эмоциональное состояние» в понимании Е.Д. Хомской и Н.Я. Батовой [23], а также Н.Д. Светозаровой [27, 28].

В отличие от отражения эмоций, выражение эмоций составляет коммуникативное намерение субъекта речи; следовательно, выбор адекватных языковых средств, по нашему мнению, осуществляется им осознанно и контролируется. Важно также обратить внимание на то, что говорящий выбирает такие языковые средства, в семантической структуре которых имеется эмотивный компонент.

Спонтанные эмоции можно охарактеризовать как ненамеренные. Неосознаваемость таких эмоций обусловлена тем, что отражение эмоций говорящего в момент речи не зависит от его намерения. Кроме того, есть все основания утверждать, что, в отличие от выражения эмоций, которое предполагает использование говорящим конвенциональных языковых средств, отражение эмоций обладает большой вариативностью, обусловленной, на наш взгляд, в значительной степени тем, к какому эмоциональному типу личности относится говорящий. В этой связи приведем классификацию эмоциональных типов личностей, предложенную С.Л. Рубинштейном в середине XX века, который разграничил собственно эмоциональные, сентиментальные и страстные натуры, подчеркнув, что различия между ними «характерологически очень существенные и глубокие»: «Собственно эмоциональные натуры переживают свои чувства, отдаваясь их вибрациям; сентиментальные натуры, скорее, созерцают свои чувства, любуясь их переливами; натуры страстные живут своим чувством, воплощая его напряжение в действии» [22, с. 584].

Сформулируем еще один критерий: различие между выражением и отражением эмоций состоит в том, что выражение эмоций осуществляется в минимальной коммуникативной единице, каковой является высказывание, тогда как сферой отражения эмоций является текст или значительная по объему часть текста.

Полагаем, что эмоции отражаются также в особой ситуации, которую Э.Л. Носенко предложила называть состоянием эмоциональной напряженности: «...состояние эмоциональной напряженности... следует квалифицировать как отражение (непосредственно чувственное переживание) субъектом несоответствия между его жизненно важными потребностями (мотивами), с одной стороны, и явлениями действительности и вероятностью успешной реализации деятельности, отвечающей потребностям субъекта, с другой» [40, с. 20–21]. Э.Л. Носенко подчеркивает, что в этом состоянии человек испытывает только отрицательные эмоции, такие как страх, гнев, отчаяние, беспокойство, подавленность, которые психологи связывают с психологическим стрессом. В этой же работе описаны различные изменения в речи говорящего на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. Назовем лишь некоторые из них: большое количество клише, пауз хезитации, резкое увеличение некорректируемых ошибок, нерелевантных повторов, грамматически незавершенных предложений, затруднения в выборе слов, существенное снижение словарного разнообразия, употребление слов с выраженной позитивной/негативной оценкой, телеграфный стиль и другие.

Для разграничения выражения и отражения эмоций считаем важным также определить, различается ли «список» разных эмоций, одни из которых выражаются, а другие отражаются в речи. Частично ответ на этот вопрос был дан Э.Л. Носенко, однако, на наш взгляд, отражение эмоций не ограничивается состоянием эмоциональной напряженности, а следовательно, при отражении эмоций субъект речи может испытывать и положительные эмоции, например воодушевление. Можно согласиться с Н.Д. Светозаровой, которая при разграничении общего эмоционального состояния (в соответствии с нашей моделью – отражением эмоций) и конкретных эмотивных значений (в нашем понимании – выражения эмоций) предложила следующий критерий. Если мы хотим составить список эмотивных значений, за основу можно взять эмотивные значения, выражаемые лексическими и грамматическими языковыми средствами: «Так, эмоция сожаления может быть обозначена через междометие *увы*, уверенность – словами *конечно*, *непременно*, вызов – оборотом *а как же!* При описании же общих эмоциональных состояний, как волнение, страх или печаль, писатели вынуждены обращаться к комментариям, ремаркам» [28, с. 65; 27, с. 23].

С теоретической точки зрения это можно объяснить следующим образом. Если рассматривать систему конвенциональных, специфичных для разных языков средств выражения эмоций, следует принимать во внимание прежде всего те эмоции, которые в процессе исторического развития языка закрепились в качестве эмотивного компонента значения языковых единиц. Поскольку синтаксические модели эмотивных высказываний, описанные нами ранее [29; 30 и др.], закрепились в процессе исторического развития языка, их семантический анализ позволяет определить «список» эмотивных значений, коррелирующих с эмоциями, которые намеренно выражаются субъектом речи. Приведем перечень основных эмоций, которые были выделены нами в качестве доминирующего эмотивного компонента значения эмотивных высказываний русского языка: удивление, неприятное удивление, радостное удивление, изумление, разочарование, сожаление, вина, пренебрежение, презрение, издевка, эмоциональное отрицание, ирония и другие.

Что же касается перечня эмоций, которые преимущественно отражаются в речи, полагаем, что для их выделения надо обращаться к психологическим работам. Очевидно, что составление таких «списков» разных эмоций составляет перспективу исследования. Кроме того, полагаем, что возможны и зоны пересечения, то есть возможны эмоции, которые в одних ситуациях выражаются, а в других – отражаются, например восхищение.

Завершая сравнение выражения и отражения эмоций в процессе лингвистического анализа, назовем три основных параметра, по которым они различаются:

1) сфера функционирования;

2) намеренность и контролируемость;

3) типы эмоций.

Считаем возможным предложить и такую сравнительную характеристику этих двух процессов: при выражении эмоций человек управляет своей речью, тогда как при отражении эмоций эмоции управляют речью человека.

Заключение

В конце XX века на смену принципу решения теоретических проблем лингвистики «или/или» пришел принцип «и/и», то есть лингвист, изучающий проблему «эмоции и язык», должен учитывать и результаты психологических исследований. В этом и состоит междисциплинарный подход к категоризации эмоций, основанный на когнитивной парадигме.

Категоризация эмоций в лингвистических исследованиях предполагает рассмотрение следующих вопросов:

– взаимодействие между интеллектуальной (рациональной) и эмоциональной оценками позволяет разграничить прежде всего описание и выражение эмоций: доминирование рациональной оценки является надежным маркером **описания эмоций**, тогда как **выражение эмоций** характеризуется доминированием эмоциональной оценки;

– соотношение контролируемых и неконтролируемых психических процессов является критерием разграничения выражения и отражения эмоций: намеренный выбор субъектом речи эмотивных языковых средств, как лексических, так и синтаксических, является показателем **выражения эмоций**; при **отражении** же **эмоций** говорящий не контролирует в полной мере свою речь;

– специфика универсальных и идиоэтнических интонационных средств кодирования эмоций также может быть критерием разграничения выражения и отражения эмоций: для **выражения эмоций** в языке существуют идиоэтнические эмотивные интонационные модели, тогда как **отражение эмоций** в большой степени универсально;

– психологические и лингвистические классификации эмоций: сравнение разных классификаций эмоций показало, что плодотворным является разграничение эмоциональных реакций, которые в высказывании представлены как эмотивные значения, и общего эмоционального состояния.

Анализ лингвистических работ, посвященных рассматриваемой проблеме, свидетельствует о том, что категориальный аппарат эмотиологии находится в стадии разработки. Об этом свидетельствует противоречивое и непоследовательное разграничение прежде всего терминов «описание эмоций» и «выражение эмоций», хотя соответствующие понятия были введены в научный оборот в 60-е годы XX века. Поэтому не представляется возможным полностью согласиться ни с концепцией Е.М. Вольф, ни с классификацией А. Вежбицкой.

Наиболее размытыми по содержанию являются термины «восклицания» как название одного типа речевых актов и «восклицательные высказывания» (этот термин широко используется в общеграмматических работах). Поэтому нами предлагаются соответственно другие термины: 1) «эмотивные высказывания», в которых доминирующей целью является намерение говорящего выразить свое эмоциональное состояние или эмоциональное отношение к чему-либо; 2) «эмоционально окрашенные высказывания», в которых выражение эмоций осложняет другую, главную коммуникативную задачу.

Категоризация эмоций в соответствии с когнитивной парадигмой требует междисциплинарного подхода, поскольку, с одной стороны, эмоции представляют собой психическое явление, а с другой – они кодируются в языке и речи. Принятое в лингвистике разграничение только двух терминов: «язык описания эмоций» и «язык выражения эмоций» – не в полной мере соответствует характеристике эмоций в психологии, поскольку то, что называется выражением эмоций, с когнитивной точки зрения неоднородно. Поэтому нами предложена трехчленная категоризация

эмоций, в соответствии с которой следует различать описание эмоций, выражение эмоций и отражение эмоций.

Описание эмоций обязательно предполагает использование субъектом речи слов, называющих эмоции, таких как *раздражать*, *возмущать*, *удивлять*, *восхищать*, *огорчать* и под., поскольку эмоции становятся объектом познавательной деятельности человека. В то же время высказывания, включающие в свой состав номинации эмоций, могут находится на пересечении полей описания эмоций и выражения эмоций, если субъект речи, во-первых, называет свои эмоции, во-вторых, в момент речи непосредственно переживает соответствующие эмоции.

Выражение эмоций связано с намеренным выбором говорящим таких языковых средств, в которых определенные эмоции имеют статус эмотивного компонента значения. Познавательная деятельность субъекта речи направлена на какой-либо фрагмент объективной действительности или на ситуацию общения. Поскольку сфера выражения эмоций – минимальная коммуникативная единица, такие эмоции составляют доминирующий семантический компонент прежде всего особого коммуникативного типа высказываний, названных нами эмотивными; эти высказывания образуют также особый тип речевых актов. На периферии поля «выражение эмоций» находятся эмоционально окрашенные репрезентативы (в традиционной терминологии – повествовательные высказывания), в которых используются оценочные слова типа *прекрасный*, *ужасный*, имплицирующие определенную эмоциональную реакцию.

Отражение эмоций не контролируется субъектом речи, реализуется на значительных фрагментах текста, коррелирует с общим эмоциональным состоянием человека и не имеет специфических языковых средств кодирования, поскольку в определенной степени зависит и от эмоционального типа личности.

Предложенное нами разграничение в лингвистическом анализе трех терминов: «описание эмоций», «выражение эмоций» и «отражение эмоций» – может быть использовано в разных лингвистических исследованиях: для изучения семантики слов, высказываний и текста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Jacobson R.** Linguistics and poetics: Concluding statement // Style in Language / ed. by Th.A. Sebeok. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology Press, 1960. P. 350–377.

2. **Wierzbicka A.** Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language. Sydney; New York: Academic Press, 1980. XI, 367 p.

3. **Daneš F.** Intonace v textu (promluvě) // Slovo a slovesnost. 1982. Číslo 2. S. 83–100.

4. **Goddard C.** Vocabulary of emotions and its development in English, German and other languages // Language and Emotion: An International Handbook. Vol. 1 / ed. by G.L. Schiewer, J. Altarriba, B. Chin Ng. Berlin. Boston: De Gruyter Mouton, 2023. P. 511–531. DOI: 10.1515/9783110347524-024

5. **Lewandowska-Tomaszczyk B., Wilson P.A.** Morphology and emotion // Language and Emotion: An International Handbook. Vol. 1 / ed. by G.L. Schiewer, J. Altarriba, B. Chin Ng. Berlin. Boston: De Gruyter Mouton, 2023. P. 423–441. DOI: 10.1515/9783110347524-020

6. **Nandwani P., Verma R.** A review on sentiment analysis and emotion detection from text // Social Network Analysis and Mining. 2021. Vol. 11, No 1. Art. no. 81. DOI: 10.1007/s13278-021-00776-6

7. **Озюменко В.И., Ларина Т.В.** Угроза и страх: прагматические цели эмоционализации в медийном дискурсе // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25, № 3. С. 746–766. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766

8. **Петросян М.М., Киселева Л.А.** Специфика репрезентации категории эмотивности в русско- и англоязычном медиамедицинском дискурсе (на материале блогов врачей) // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 4. С. 109–122. DOI: 10.18721/JHSS.15408

9. **Пиотровская Л.А., Трущелёв П.Н.** Что делает текст интересным? Языковые способы повышения эмоциогенности учебных текстов // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24, № 4. С. 991–1016. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24- 4-991-1016

10. **Alba-Juez L.** Affect and emotion // The Cambridge Handbook of Sociopragmatics / ed. by M. Haugh, D. Z. Kádár, M. Terkourafi. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 340–362. DOI: 10.1017/9781108954105.019

11. **Lindquist K.A.** Language and emotion: Introduction to the special issue // Affective Science. 2021. Vol. 2, No 2. P. 91–98. DOI: 10.1007/s42761-021-00049-7

12. **Satpute A.B., Lindquist K.A.** At the neural intersection between language and emotion // Affective Science. 2021. Vol. 2, No 2. P. 207–220. DOI: 10.1007/s42761-021- 00032-2

13. **Weinreich U.** Lexicographic definition in descriptive semantics // International Journal of American Linguistics. 1962. Vol. 28: Problems in Lexicography. No 2. P. 25–43.

14. **Ortony A.** Are All "Basic Emotions" Emotions? A Problem for the (Basic) Emotions Construct // Perspectives on Psychological Science. 2021. Vol. 17, No 1. P. 41–61. DOI: 10.1177/1745691620985415

15. **Чернявская В.Е.** Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1 (38). С. 54–61.

16. **Storbeck J.** Cognitive approaches to emotion and semantics // Language and Emotion: An International Handbook. Vol. 1 / ed. by G.L. Schiewer, J. Altarriba, B. Chin Ng. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2023. P. 147–159. DOI: 10.1515/9783110347524-007

17. **Wharton T., Bonard C., Dukes D., Sander D., Oswald S.** Relevance and emotion // Journal of Pragmatics. 2021. Vol. 181. P. 259–269. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.06.001

18. **Weatherall A., Robles J.S.** How emotions are made to do things: An introduction // How Emotions are Made in Talk / ed. by J.S. Robles, A. Weatherall. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2021. P. 1–24. DOI: 10.1075/pbns.321.int

19. **Пиотровская Л.А.** Эмоции в языке и речевой деятельности: описание, выражение и отражение эмоций // Когнитивные исследования языка. Вып. 22: Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. СПб., 2015. С. 776–781.

20. **Hall E.W.** Our Knowledge of Fact and Value. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1961. 220 p.

21. **Daneš F.** Kognitivnost a emocionálnost v promluvové interakci // Jazykovědné aktuality. 1987. Ročník 24, Číslo 1–2. S. 24–27.

22. **Рубинштейн С.Л.** Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1999. 720 с.

23. **Хомская Е.Д., Батова Н.Я.** Мозг и эмоции: нейропсихологическое исследование. 2-е изд. М.: Российское педагогическое агентство, 1998. 268 с.

24. **Mathesius V.** Čeština a obecný jazykozpyt: Soubor statí. Praha: Melantrich, 1947. 463 s.

25. **Балли Ш.** Французская стилистика / пер. с фр. К.А. Долинина. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 394 с.

26. **Николаева Т.М.** Фразовая интонация в славянских языках. М.: Наука, 1977. 279 с.

27. **Светозарова Н.Д.** Интонационная система русского языка. Ленинград: Изд-во Ленинг. ун-та, 1982. 175 с.

28. **Светозарова Н.Д.** Интонация в художественном тексте. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 180 с.

29. **Пиотровская Л.А.** Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков). СПб.: Филологический факультет С.-Петерб. ун-та, 1994. 146 с.

30. **Пиотровская Л.А.** Эмотивные высказывания в современном русском языке. СПб.: Образование, 1993. 72 с.

31. **Вольф Е.М.** Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1989. С. 55–75.

32. **Searle J.R.** A classification of illocutionary acts // Language in Society. 1976. Vol. 5, No 1. P. 1–23.

33. **Zimek R.** Odraz emocionálnosti v sémantické a gramatické výstavbě výpovědi // Otázky slovanské syntaxe. IV/2. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1981. S. 99–103.

34. Французский язык в свете теории речевого общения / общ. ред. Т.А. Репиной. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. 216 с.

35. **Piotrovskaya L.** Emotional Prosody and Emotive Intonation // Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences. Barcelona, 2003. P. 2949–2952. URL: https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS2003/papers/p15_2949.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

36. **Soriano C.** Affective meaning in language // Language and Emotion: An International Handbook. Vol. 1 / ed. by G.L. Schiewer, J. Altarriba, B. Chin Ng. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2023. P. 489–510. DOI: 10.1515/9783110347524-023

37. **Elliot D.E.** Toward a grammar of exclamations // Foundations of Language: International Journal of Language and Philosophy. 1974. Vol. 11, No 2. P. 231–246.

38. **Wierzbicka A.** English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary. Sydney; Orlando: Academic Press, 1987. VIII, 387 p.

39. **Вольф Е.М.** Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.

40. **Носенко Э.Л.** Эмоциональное состояние и речь. Киев: Вища школа, 1981. 132 с.

REFERENCES

[1] **Jacobson R.,** Linguistics and poetics: Concluding statement, Style in Language, ed. by Th. A. Sebeok, Massachusetts Institute of Technology Press, Cambridge, 1960, pp. 350–377.

[2] **Wierzbicka A.,** Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language, Academic Press, Sydney, New York, 1980.

[3] **Daneš F.,** Intonace v textu (promluvě) [Intonation in text (utterance)], Slovo a slovesnost [Word and language art], 2 (1982) 83–100.

[4] **Goddard C.,** Vocabulary of emotions and its development in English, German and other languages, Language and Emotion: An International Handbook, vol. 1, ed. by G. L. Schiewer, J. Altarriba, B. Chin Ng, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, 2023, pp. 511–531. DOI: 10.1515/9783110347524-024.

[5] **Lewandowska-Tomaszczyk B., Wilson P.A.,** Morphology and emotion, Language and Emotion: An International Handbook, vol. 1, ed. by G.L. Schiewer, J. Altarriba, B. Chin Ng, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, 2023, pp. 423–441. DOI: 10.1515/9783110347524-020

[6] **Nandwani P., Verma R.,** A review on sentiment analysis and emotion detection from text, Social Network Analysis and Mining, 11 (1) (2021) 81. DOI: 10.1007/s13278-021-00776-6

[7] **Ozyumenko V. I., Larina T. V.,** Threat and fear: pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse, Russian Journal of Linguistics, 25 (3) (2021) 746–766. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766

[8] **Petrosyan M.M., Kiseleva L.A.,** Specificity of representation of the category of emotiveness in Russian and English media medical discourse (based on the material of doctors' blogs), Terra Linguistica, 15 (4) (2024) 109–122. DOI: 10.18721/JHSS.15408.

[9] **Piotrovskaya L.A., Trushchelev P.N.,** What makes a text interesting? Interest-evoking strategies in expository text from Russian school textbooks, Russian Journal of Linguistics, 24 (4) (2020) 991–1016. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24- 4-991-1016

[10] **Alba-Juez L.,** Affect and emotion, The Cambridge Handbook of Sociopragmatics, ed. by M. Haugh, D.Z. Kádár, M. Terkourafi, Cambridge University Press, Cambridge, 2021, pp. 340–362. DOI: 10.1017/9781108954105.019

[11] **Lindquist K.A.,** Language and emotion: Introduction to the special issue, Affective Science, 2 (2) (2021) 91–98. DOI: 10.1007/s42761-021-00049-7

[12] **Satpute A.B., Lindquist K.A.,** At the neural intersection between language and emotion, Affective Science, 2 (2) (2021) 207–220. DOI: 10.1007/s42761-021- 00032-2

[13] **Weinreich U.,** Lexicographic definition in descriptive semantics, International Journal of American Linguistics, 28, Problems in Lexicography (2) (1962) 25–43.

[14] **Ortony A.,** Are All "Basic Emotions" Emotions? A Problem for the (Basic) Emotions Construct, Perspectives on Psychological Science, 17 (1) (2021) 41–61. DOI: 10.1177/1745691620985415

[15] **Tcherniavskaia V.E.,** Discourse paradigm: phantom objects and syndromes, Issues of Cognitive Linguistics, 1 (38) (2014) 54–61.

[16] **Storbeck J.,** Cognitive approaches to emotion and semantics, Language and Emotion: An International Handbook, vol. 1, ed. by G.L. Schiewer, J. Altarriba, B. Chin Ng, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, 2023, pp. 147–159. DOI: 10.1515/9783110347524-007

[17] **Wharton T., Bonard C., Dukes D., Sander D., Oswald S.,** Relevance and emotion, Journal of Pragmatics, 181 (2021) 259–269. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.06.001

[18] **Weatherall A., Robles J.S.,** How emotions are made to do things: An introduction, How Emotions are Made in Talk, ed. by J.S. Robles, A. Weatherall, John Benjamins, Amsterdam, Philadelphia, 2021, pp. 1–24. DOI: 10.1075/pbns.321.int.

[19] **Piotrovskaya L.A.,** Emotions in language and language behaviour: description, expression and reflection of emotions, Cognitive Studies of Language, Vol. 22, Language and Cognition in the Interdisciplinary Paradigm: Papers of International Congress on Cognitive Linguistics, St. Petersburg, 2015, pp. 776–781.

[20] **Hall E.W.,** Our Knowledge of Fact and Value, University of North Carolina Press, Chapel Hill, 1961.

[21] **Daneš F.,** Kognitivnost a emocionálnost v promluvové interakci [Cognitivity and emotionality in verb interaction], Jazykovědné aktualityality [The actual issues on linguistics], 24 (1–2) (1987) 24–27.

[22] **Rubinshteyn S.L.,** Osnovy obshchey psikhologii [The foundations of common psychology], Piter Kom, St. Petersburg, 1999, 720 p.

[23] **Khomskaya Ye.D., Batova N.Ya.,** Mozg i emotsii: neyropsikhologicheskoye issledovaniye [Brain and emotions: neuropsychological research], 2nd ed., Rossiyskoye pedagogicheskoye agentstvo, Moscow, 1998.

[24] **Mathesius V.,** Čeština a obecný jazykozpyt: Soubor statí [Czeck and common linguistics: The collection of papers], Melantrich, Praha, 1947.

[25] **Bally Ch.,** Frantsuzskaya stilistika [The French stylistics], transl. by K.A. Dolinin, Izdatelstvo inostrannoy literatury [Publishing house of foreign literature], Moscow, 1961.

[26] **Nikolayeva T.M.,** Frazovaya intonatsiya v slavyanskikh yazykakh [Intonation of utterance in Slavonic languages], Nauka [Science], Moscow, 1977.

[27] **Svetozarova N.D.,** Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka [The Russian intonation system], Izdatelstvo Leningradskogo universiteta [Leningrad University Press], Leningrad, 1982.

[28] **Svetozarova N.D.,** Intonatsiya v khudozhestvennom tekste [Intonation in literary text], Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta [St. Petersburg University Press], St. Petersburg, 2000.

[29] **Piotrovskaya L.A.,** Emotivnyye vyskazyvaniya kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya (na materiale russkogo i cheshskogo yazykov) [Emotive utterances as the object of linguistic research (based on the Russian and Czech languages)], Filologicheskiy fakultet Sankt-Peterburgskogo universiteta [St. Petersburg University Faculty of Philology], St. Petersburg, 1994.

[30] **Piotrovskaya L.A.,** Emotivnyye vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke [Emotive utterances in contemporary Russian], Obrazovaniye [Education], St. Petersburg, 1993.

[31] **Volf Ye.M.,** Emotsionalnyye sostoyaniya i ikh predstavleniye v yazyke [Emotive utterances and their representation in language], Logicheskiy analiz yazyka. Problemy intensionalnykh i pragmaticheskikh kontekstov [The logical analysis of language. The problems of intentional and pragmatic contexts], ed. by N.D. Arutyunova, Nauka [Science], Moscow, 1989.

[32] **Searle J.R.,** A classification of illocutionary acts, Language in Society, 5 (1) (1976) 1–23.

[33] **Zimek R.,** Odraz emocionálnosti v sémantické a gramatické výstavbě výpovědi [The reflection of emotionality in semantic and grammatical structure of utterance], Otázky slovanské syntaxe [Questions on the Slavonic languages], IV (2), Universita J. E. Purkyně, Brno, 1981, pp. 99–103.

[34] Frantsuzskiy yazyk v svete teorii rechevogo obshcheniya [The French language according to theory of speech communication], ed. by T.A. Repina, Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta [St. Petersburg University Press], St. Petersburg, 1992.

[35] **Piotrovskaya L.,** Emotional Prosody and Emotive Intonation, Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences, Barcelona, 2003, pp. 2949–2952. Available at: https://www.internationalphoneticassociation.org/icphs-proceedings/ICPhS2003/papers/p15_2949.pdf (accessed 10.06.2025).

[36] **Soriano C.,** Affective meaning in language, Language and Emotion: An International Handbook, vol. 1, ed. by G.L. Schiewer, J. Altarriba, B. Chin Ng, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, 2023, pp. 489–510. DOI: 10.1515/9783110347524-023

[37] **Elliot D.E.,** Toward a grammar of exclamations, Foundations of Language: International Journal of Language and Philosophy, 11 (2) (1974) 231–246.

[38] **Wierzbicka A.,** English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary, Academic Press, Sydney, Orlando, 1987.

[39] **Volf Ye.M.,** Funktsionalnaya semantika otsenki [The functional semantics of estimation], Nauka [Science], Moscow, 1985.

[40] **Nosenko E.L.,** Emotsionalnoye sostoyaniye i rech [Emotional state and speech], Vishcha shkola [Higher school], Kiyev, 1981.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Пиотровская Лариса Александровна
Larisa A. Piotrovskaya
E-mail: larisa11799@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0195-5194

Поступила: 26.04.2025; Одобрена: 05.06.2025; Принята: 30.06.2025.
Submitted: 26.04.2025; Approved: 05.06.2025; Accepted: 30.06.2025.

Terra Linguistica. 16 (2) (2025) 118–134.
Terra Linguistica. 2025, Том 16, № 2. С. 118–134.

Research article
UDC 81’33
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16208
EDN: https://elibrary/GFMWQU

DISCLAIM RESOURCES IN DONALD TRUMP’S INAUGURAL SPEECHES: A CORPUS-BASED APPROACH

T.B.G. Nguyen[1], **X.H. Tran**[2] ✉

[1] Duy Tan University, Da Nang City, Vietnam;

[2] The University of Da Nang, University of Science and Education, Da Nang City, Vietnam

✉ txhiep@ued.udn.vn

Abstract. This study employs a corpus-based mixed-methods approach to analyze the deployment of Disclaim resources – specifically the Deny and Counter subcategories of the Engagement subsystem – Donald Trump’s 2017 and 2025 inaugural speeches. The analysis reveals an increase in the total number of Disclaim instances from 39 in 2017 to 56 in 2025, with Deny expressions rising from 23 (59.0%) to 39 (69.6%) and Counter expressions showing a slight increase in absolute terms from 16 to 17 but a proportional decrease from 41.0% to 30.4%. This shift reflects a more assertive rhetorical style in the 2025 speech, characterized by an intensified rejection of alternative viewpoints and reduced engagement with contrasting perspectives. The 2025 speech also demonstrates a broader lexical range of Counter resources, despite their lower relative frequency, indicating a sophisticated strategic variation. The findings of this study have significant implications for political discourse analysis by illustrating how political figures employ appraisal resources to construct ideological identities, manage intersubjective positioning, and guide audience alignment. Beyond linguistics, the findings inform political communication, media literacy, and English language education by elucidating the mechanisms, through which political actors influence public perception and discourse dynamics. This research thus advances understanding of Dialogic Contraction’s evolving role in political rhetoric and underscores the functions of Disclaim resources in articulating and contesting meaning in contemporary political communication.

Keywords: engagement resources, disclaim, deny, counter, inauguration speech, political discourse, corpus analysis.

Citation: Nguen T.B.G., Tran X.H., Disclaim resources in Donald Trump’s inaugural speeches: A corpus-based approach, Terra Linguistica, 16 (2) (2025) 118–134. DOI: 10.18721/JHSS.16208

© Nguen T.B.G., Tran X.H., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Научная статья
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16208

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОТКАЗА В ИНАУГУРАЦИОННЫХ РЕЧАХ ДОНАЛЬДА ТРАМПА: КОРПУСНЫЙ ПОДХОД

Т.Б.Д. Нгуен[1], С.Х. Чан[2] ✉

[1] Университет Дуй Тан, Дананг, Вьетнам;

[2] Университет Дананга, Университет науки и образования, Дананг, Вьетнам

✉ txhiep@ued.udn.vn

Аннотация. В данном исследовании используется корпусный смешанный метод для анализа использования лингвистических средств выражения отказа (Disclaim), в частности подкатегорий отрицания (Deny) и противопоставления (Counter), относящихся к подсистеме вовлеченности (Engagement), в инаугурационных речах Дональда Трампа 2017 и 2025 годов. Анализ показывает увеличение общего количества случаев использования ресурсов отказа с 39 в 2017 году до 56 в 2025 году: выражения отрицания выросли с 23 (59,0%) до 39 (69,6%), а выражения противопоставления показали небольшое абсолютное увеличение с 16 до 17, но относительное снижение с 41,0% до 30,4%. Это изменение отражает более напористый риторический стиль в речи 2025 года, характеризующийся усиленным отрицанием альтернативных точек зрения и снижением вовлеченности в противоположные позиции. Несмотря на меньшую относительную частотность, речь 2025 года также демонстрирует более широкий лексический диапазон ресурсов противопоставления, что указывает на изощренное стратегическое разнообразие. Полученные результаты имеют важное значение для анализа политического дискурса, показывая, как политические деятели используют оценочные ресурсы для построения идеологической идентичности, управления межсубъективным позиционированием и выстраивания согласия аудитории. За пределами лингвистики результаты исследования способствуют развитию политической коммуникации, медиаграмотности и преподавания английского языка, раскрывая механизмы влияния политических акторов на общественное восприятие и динамику дискурса. Таким образом, исследование углубляет понимание развивающейся роли диалогического сжатия (Dialogic Contraction) в политической риторике и подчеркивает функции ресурсов отказа в формировании и оспаривании смысла в современном политическом общении.

Ключевые слова: ресурсы вовлеченности, отказ, отрицание, противопоставление, инаугурационная речь, политический дискурс, корпусный анализ.

Для цитирования: Нгуен Т.Б.Д., Чан С.Х. Лингвистические средства выражения отказа в инаугурационных речах Дональда Трампа: корпусный подход // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 2. С. 118–134. DOI: 10.18721/JHSS.16208

Introduction

The intricate relationship between language and politics is especially pronounced in contexts where political leaders seek to shape public opinion, legitimize authority, and assert ideological positions. At its core, political communication is a discursive practice embedded in the strategic use of language to persuade, influence, and manage relationships between institutions and citizens [1, 2]. Far from passively reflecting social realities, political discourse actively constructs and sustains power relations through rhetorical choices designed to guide audience interpretation and establish control [3, 4].

Within this broader communicative landscape, the presidential inaugural address holds a unique rhetorical status. It represents not only a ceremonial transition of power but also a discursive moment, in which a leader articulates a vision for national unity, affirms institutional legitimacy, and sets the ideological and political tone for the incoming administration [5, 6]. In the context of American democracy,

© Нгуен Т.Б.Д., Чан С.Х., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

inaugural speeches are deliberately crafted texts that address both domestic and global audiences, combining symbolic language with strategic messaging.

To better understand how meaning and stance are constructed in such speeches, Appraisal Theory, particularly the Engagement subsystem developed by Martin and White, offers a valuable analytical lens [7]. Engagement focuses on how speakers acknowledge, reject, or align with alternative viewpoints in discourse. Of particular interest in this study is the Disclaim category—comprising expressions such as *not*, *never*, *but*, *however*, *although*, etc. – which are used to deny or Counter prior claims or anticipated objections. These expressions play a key role in contracting Dialogic space, enabling speakers to assert their position more forcefully by narrowing the scope for disagreement or alternative readings.

In this light, Donald Trump's inaugural speeches in 2017 and 2025 provide rich material for analysis. His rhetorical style – characterized by simplicity, repetition, directness, and populist appeal – has attracted widespread scholarly interest. Trump's discourse often departs from conventional presidential rhetoric by foregrounding themes of decline and renewal, challenging political elites, and emphasizing nationalist priorities. His inaugural addresses, therefore, serve as strategic sites for analyzing how language functions to assert ideological authority and manage competing perspectives.

This study aims to examine how Trump uses Disclaim expressions to construct stance, reinforce authority, and shape audience alignment across two presidential terms. By applying Appraisal Theory and employing corpus-based methods, the research investigates the frequency, distribution, and rhetorical function of Disclaim resources in the 2017 and 2025 inaugural speeches. It is hoped that this study offers a diachronic view of Trump's communicative strategies and contributes to the broader field of political discourse analysis.

Research Aim and Objectives

Research Aim

This study aims to uncover rhetorical and ideological shifts in Donald Trump's inaugural discourse by examining how Disclaim resources contribute to constructing stance, asserting authority, and managing audience alignment over time.

Research Objectives

The research focuses on achieving the following objectives:

– Identify the Disclaim resources found in Donald Trump's 2017 and 2025 inaugural speeches;

– Determine the frequency and distribution of Disclaim resources across the two inaugural addresses;

– Analyze how Disclaim resources are used to construct stance, position the audience, and reinforce authority in Donald Trump's inaugural discourse;

– Compare the use of Disclaim resources in the 2017 and 2025 inaugural speeches to identify changes or continuities in Trump's rhetorical strategy over time.

Research questions

This study seeks to address the following research questions:

– What Disclaim resources are used in Donald Trump's 2017 and 2025 inaugural speeches?

– What are the frequencies and distributions of these Disclaim resources across the two inaugural speeches?

– How are these Disclaim resources used to construct political stance, manage audience alignment, and assert authority?

– What changes or continuities can be observed in the use of Disclaim resources between the two speeches over time?

Research Significance

This study contributes to political discourse analysis and systemic functional linguistics by using Appraisal Theory's Engagement subsystem to examine Disclaim resources in Donald Trump's 2017 and 2025 inaugural speeches. It offers a diachronic view of his rhetorical strategies, showing how language use shifts across presidential terms. Additionally, the study demonstrates how corpus-based analysis

and Appraisal Theory can support English teaching and learning, particularly in discourse-focused and advanced language courses.

Theoretical Background

Appraisal

Appraisal Theory, introduced by James R. Martin during the 1990s "Write it Right" initiative and further developed with contributions from scholars like Peter White, Rick Iedema, and Joan Rothery in Sydney, represents a major progression in the exploration of interpersonal meaning within the framework of Systemic Functional Linguistics (SFL) [8]. Rooted in Halliday's SFL model, Martin and White's Appraisal Theory builds on the idea that language performs three core metafunctions: ideational, interpersonal, and textual [7, 9].

Martin and White conceptualize their Appraisal framework as a system of interpersonal meaning situated within the stratum of discourse semantics in SFL. From a semantic perspective, the framework is organized into three interrelated domains: *Attitude*, *Engagement*, and *Graduation* [7]. Each domain addresses a distinct aspect of how speakers and writers use language to position themselves and others in relation to the subject matter and their audience.

Table 1. The Key Components of the Appraisal Framework [7]

Domain	Subsystem	Description
Attitude	Affect	Expressions of emotional responses and feelings
	Judgment	Evaluations of behavior according to social norms (e.g., morality, capacity, tenacity)
	Appreciation	Evaluations of things, processes, or states of affairs in terms of aesthetic and other social values
Engagement	Monoglossia	Utterances that present a single, unchallenged voice or viewpoint—no Dialogic alternatives are acknowledged
	Heteroglossia	Utterances that acknowledge or engage with alternative voices, including agreement, disagreement, or modality
Graduation	Force	Adjustments in intensity or quantity of attitudes or phenomena (e.g., intensifiers, amplifiers, attenuators)
	Focus	Adjustments to the prototypicality or categorical clarity of evaluative meanings (e.g., sharpening or softening of category membership).

Engagement

The Engagement system, a key element of the interpersonal metafunction within discourse semantics, focuses on how speakers or writers position themselves in relation to other viewpoints to shape the Dialogic nature of a text. Rather than merely expressing a stance, Engagement involves managing the presence of alternative or supporting voices within communication. It distinguishes between *Monoglossic* utterances, which assert propositions without acknowledging other perspectives, and *Heteroglossic* utterances, which engage with alternative positions by affirming, contesting, or entertaining them. Rooted in Bakhtin's notion of heteroglossia, this framework emphasizes the interactive, multi-voiced nature of discourse and highlights how language users negotiate meaning and interpersonal alignment through Dialogic positioning [10].

Monoglossic Engagement

Monoglossic utterances present propositions as internally authoritative and exclude recognition of alternative viewpoints, thereby positioning the speaker as the sole source of truth [11]. These statements are closed to Dialogic negotiation and often appear as unqualified assertions that function rhetorically as if they are self-evident and uncontested. The use of monoglossic language is shaped by contextual factors such as the communicative purpose, institutional stance, and the level of ideological or epistemic

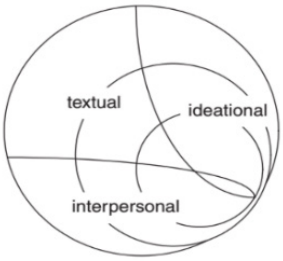


Fig. 1. Three Meta-functions of Language [7]

contestation surrounding the proposition [7]. This strategy serves to reinforce the speaker's authority and suppress competing interpretations.

Heteroglossic Engagement

Heteroglossia, in contrast to Monoglossia, refers to utterances that acknowledge and engage with alternative voices, reflecting the inherently Dialogic nature of communication [7]. Heteroglossic expressions recognize multiple viewpoints and position the speaker in relation to them. Heteroglossic resources include into two principal orientations: Dialogic Contraction, which limits alternative perspectives, and Dialogic Expansion, which invites them. Dialogic Contraction includes Disclaim (e.g., "*not*", "*however*") and Proclaim (e.g., concurrence, emphatic assertions, or endorsements) to assert the speaker's stance and restrict Dialogic alternatives. Conversely, Dialogic Expansion encompasses Entertain, which signals uncertainty (e.g., "*might*", "*it seems*"), and Attribute, which introduces external voices either neutrally or with distance (e.g., "*The minister stated...*" or "*It is alleged...*"). These strategies collectively illustrate how speakers manage intersubjective positioning by either contracting or expanding the Dialogic space, offering a robust analytical lens for understanding the interpersonal dynamics of meaning-making in discourse.

Subtypes and Dialogic Functions of Disclaim

The following presents a comparative overview of the two subtypes within the Disclaim category of the Engagement system in Appraisal Theory: Deny and Counter. These subtypes represent distinct rhetorical strategies by which a speaker or writer contracts Dialogic space through the rejection or replacement of alternative propositions.

Table 2. Subtypes and Dialogic Functions of Disclaim in the Engagement System of Appraisal [7]

Aspect	Deny	Counter
Definition	Overt negation that directly repudiates or contradicts a prior or alternative proposition.	Replaces a presumed or anticipated viewpoint with a new, alternative proposition.
Function	To reject an invoked proposition that exists in the shared Dialogic space between speaker and audience.	To counter an expected assumption by foregrounding a more desirable or authoritative stance.
Linguistic Realizations	Grammatical negators: *not*, *no*, *none*, *never*, *nothing*; structures like *not the case*, *failed to*, *there is nothing wrong with...*	Contrastive/concessive conjunctions: *but*, *although*, *however*, *yet*, *nevertheless*; verbs: *neglect*, *ignore*; adjuncts: *still*, *even*, *surprisingly*.

Previous related studies

In recent years, the Appraisal framework – particularly the Engagement system – has gained increasing prominence in the analysis of political discourse. Appraisal framework provides a means of exploring how speakers position themselves in relation to alternative viewpoints by utilizing Dialogic resources. To begin with, several foundational studies have examined political discourse through the lens of Appraisal, with a particular emphasis on Engagement. For example, Miller conducted a pioneering

study on President George W. Bush's address to the United Nations, integrating dialogism, ideology, and the Appraisal framework [12]. His analysis revealed how Bush utilized monoglossic and heteroglossic resources – especially Disclaiming ones – to construct an authoritative stance. However, this study was limited in scope, relying solely on a single speech and lacking a corpus-based methodology, which in turn constrained its broader applicability.

Similarly, Ismail explored the Engagement system in Barack Obama's 2009 Cairo speech, emphasizing the role of monoglossic and contractive heteroglossic strategies in limiting Dialogic alternatives [13]. While the study provided valuable insight into Obama's rhetorical positioning, it did not isolate or closely analyze Disclaim resources. Moreover, the study employed a qualitative approach and did not utilize corpus tools to systematically quantify Engagement elements.

More directly relevant to the present study, El-Sufi focused on Disclaim resources in Donald Trump's 2017 and 2021 inauguration speeches [14]. Employing a mixed-methods approach, El-Sufi found that *denial* was the most dominant Engagement strategy in both addresses, suggesting a consistent rhetorical pattern across Trump's presidential terms. Although this study provided a strong foundation for examining Disclaim elements, its scope was limited to two speeches and lacked frequency-based corpus analysis, leaving room for further investigation through more robust and replicable methods.

Furthermore, recent comparative studies have begun to incorporate corpus tools into political discourse analysis, although many still fall short of integrating the Engagement system. For example, Chen, Yan and Hu used AntConc to compare Hillary Clinton's and Donald Trump's campaign speeches during the 2016 election [15]. They found that Trump's language was more emotional and negative, while Clinton's was more logical and policy-focused. Despite the use of corpus methods, the study did not apply the Appraisal framework, thereby missing an opportunity to examine Dialogic strategies such as Disclaim.

Similarly, Fernandez adopted a corpus-assisted discourse analysis using Voyant Tools to examine Trump's speeches from 2015 to 2022 [16]. While this longitudinal approach identified patterns of modal verbs and emotional repetition, it did not incorporate a theoretical model like Appraisal, thus limiting the interpretive precision of the findings.

Comparative studies across political cultures have also contributed to this field. For instance, Garifullina D, Khismatullina, Giniyatullina, Garaeva and Gimadeeva compared the inaugural speeches of Trump and Putin, identifying differences in rhetorical tone and thematic focus – Trump's personal and emotive appeals versus Putin's emphasis on tradition and unity [17]. Nevertheless, the study relied on thematic and metaphorical analysis without engaging the Appraisal framework. Likewise, Yang, Jia, and Cao applied Appraisal Theory in a comparative analysis of Obama's and Trump's inaugural speeches, concluding that both leaders frequently used *graduation* resources [18]. However, they did not provide a detailed breakdown of the Engagement system, nor did they isolate Disclaim strategies for closer scrutiny.

Taken together, these studies demonstrate a growing scholarly interest in applying linguistic frameworks such as Appraisal to political discourse. However, several limitations remain evident. First, many studies conflate or overlook the subcategories of Engagement, particularly Disclaim resources. Second, a significant number of analyses rely on small samples and qualitative methods without the support of corpus tools. Third, few studies adopt a longitudinal perspective that would allow researchers to trace rhetorical patterns and shifts across time.

All in all, the present study aims to address these gaps by conducting a corpus-based analysis of Disclaim resources in Donald Trump's inauguration speeches. By focusing specifically on *Denial* and *Counter-expectation*, and by employing WordSmith 8.0 to quantify usage patterns, this research seeks to offer a more systematic, replicable, and temporally comparative account of Dialogic Contraction in presidential rhetoric. This approach deepens our understanding of how political speakers handle ideological positioning by engaging with alternative viewpoints.

Methodology

The study analyzes the official inaugural speeches delivered by Donald Trump on Friday, January 20, 2017, and Monday, January 20, 2025. These speeches are treated as primary texts for an in-depth examination of the use of Disclaim resources.

The corpus includes transcripts and full video recordings of Donald Trump's 2017 and 2025 inaugural addresses. The 2017 speech (1,433 words, 16 minutes) was sourced from *Politico*[1] and YouTube[2]. The 2025 speech (2,888 words, nearly 30 minutes) was obtained from *The American Presidency Project*[3] and YouTube[4].

Findings and Discussions

Disclaim Resources in Donald Trump's Inaugural Speeches

In political discourse, particularly inaugural speeches, speakers use rhetorical strategies to align with or oppose dominant ideologies. Appraisal Theory, especially the Engagement system, helps analyze how they manage alternative viewpoints [7]. The Disclaim category – comprising Deny and Counter – enables speakers to assert their stance. In Donald Trump's 2017 and 2025 inaugural addresses, examining these resources reveals how he constructs his political identity and persuasive stance.

Deny

This subsystem involves the explicit negation of a proposition, often through lexical items such as "*not*", "*no*" or "*never*" and so on. *Deny* functions to directly reject an alternative viewpoint, signaling a clear opposition to a particular idea or assumption.

Deny in Donald Trump's 2017 Inaugural Speech

In his 2017 inaugural address, Donald Trump employed Deny resources to reject the prevailing political establishment and assert a transformative vision for America. By negating the accomplishments of prior administrations and emphasizing the failures of the status quo, he positioned his leadership as a necessary departure aimed at restoring power to the people and revitalizing the nation. This rhetorical strategy served to delineate a clear break from the past and to galvanize support for his "America First" agenda.

Example 1: "*I will fight for you with every breath in my body and I will **never**, ever let you down*." (D1, S801)

In the sentence, Donald Trump employs the word "*never*" as a Deny resource to explicitly negate any alternative proposition that he might fail or disappoint his audience. By asserting "*never*" he not only rejects the possibility of letting the audience down but also acknowledges and counters any existing doubts or criticisms regarding his commitment. This strategic negation serves to contract the Dialogic space, limiting alternative viewpoints, and reinforcing his stance as a steadfast and reliable leader. Such use of Deny resources is instrumental in building trust and solidarity with the audience, aligning with the ideological function of Disclaim in political discourse to delineate the speaker's position and challenge opposing views.

Example 2: "*When you open your heart to patriotism, there is **no** room for prejudice*." (D1, S1,023)

The word "*no*" is utilized as a Deny resource to explicitly negate the possibility of coexistence between patriotism and prejudice, asserting that genuine patriotism inherently excludes discriminatory attitudes. By declaring "*there is no room for prejudice*", he not only rejects any association between patriotic sentiment and prejudice but also preempts and counters potential criticisms that nationalism

[1] **Politico**, Full text: Donald Trump inauguration speech transcript, 20.01.2017. Available at: https://www.politico.com/story/2017/01/full-text-donald-trump-inauguration-speech-transcript-233907 (accessed 27.02.2025).

[2] **NBC News**, Donald Trump's full inauguration speech (C-SPAN) [Video], YouTube, 20.01.2017. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=v8QgvqaxpwE (accessed 27.02.2025).

[3] **The White House**, Inaugural address [Speech transcript], The American Presidency Project, 20.01.2025. Available at: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/inaugural-address-54 (accessed 27.02.2025).

[4] **The Independent**, Donald Trump's full 2025 inauguration speech, YouTube. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=BNArBr_J8mA (accessed 27.02.2025).

may harbor exclusionary tendencies. This strategic negation serves to contract the Dialogic space, limiting alternative interpretations and reinforcing his stance that patriotism is inclusive and unifying. Such use of Deny resources is instrumental in aligning national identity with positive values, promoting unity, and distancing his political vision from divisive ideologies.

The Frequencies of Deny Resources in the 2017 Inaugural Speech

The following table displays the frequencies and percentages of Deny resources identified in Donald Trump's 2017 inaugural speech.

Table 3. Deny Resources in Trump's 2017 Inaugural Speech

Deny Resources	Frequency	Percentage
not	10	0.69%
never	6	0.42%
no	4	0.28%
no longer	2	0.14%
failed to	1	0.07%
Total	**23**	**≈1.60%**

Table 3 presents the distribution of five deny expressions: "*not*", "*never*", "*no*", "*no longer*", and "*failed to*". These lexical items serve to reject or negate alternative positions or prior assumptions. The expression "*not*" appears most frequently, with 10 instances (0.69%) to indicate a strong rhetorical tendency to negate propositions. "*Never*" occurs 6 times (0.42%) to emphasize categorical rejection, often for dramatic effect. "*No*" is used 4 times (0.28%), and "*no longer*" appears twice (0.14%), typically signaling a break from past policies or conditions. Additionally, "*failed to*" occurs once (0.07%), highlighting criticism of past actions or administrations. Collectively, these deny resources appear 23 times in the speech (≈1.60%) to demonstrate a consistent effort to close down Dialogic space and assert a definitive stance. This pattern reflects the speaker's intent to present a clear, authoritative vision and disalign from previous administrations or competing viewpoints.

Deny in Donald Trump's 2025 Inaugural Speech

The deployment of Deny resources in Donald Trump's 2025 inaugural speech strengthens the speaker's position through explicit negation of alternative perspectives. In Trump's 2025 speech, these Deny resources are strategically employed to invalidate Counterarguments and assert his ideological stance as definitive and uncontested.

Example 3: "*We will **not** be conquered, we will **not** be intimidated, we will **not** be broken, and we will **not** fail*." (D2, S 2,863)

The repeated use of "*not*" functions as a key Deny resource explicitly rejects any possibility of submission, fear, defeat, or failure. The strategic repetition of "*not*" serves to contract the Dialogic space by preemptively closing off alternative outcomes or interpretations that might suggest weakness or vulnerability. By consistently negating these negative states, the speaker fortifies a collective identity of resilience and strength, presenting these assertions as unequivocal truths. This use of "*not*" not only asserts a firm stance but also mobilizes the audience's confidence and solidarity to emphasize determination in the face of potential adversity. The cumulative effect of the repeated Deny resource is to create a powerful rhetorical rhythm that reinforces the speaker's unwavering resolve.

Example 4: "*Our liberties and our nations glorious destiny will **no longer** be denied*." (D2, S 639)

The phrase "*no longer*" functions as a significant Deny resource signals the cessation of a previously ongoing state – specifically, the denial of liberties and national destiny. By asserting that these conditions "*will no longer*" persist, the speaker explicitly rejects the continuation of past injustices or constraints to contract the Dialogic space by foreclosing the possibility that such Denial might continue into the

future. The use of "*no longer*" not only negates the status quo but also projects a commitment to change and progress. It positions the speaker as an agent of transformation, affirming a shift from repression to empowerment. This negation creates a rhetorical emphasis on renewal and reclamation to reinforce the speaker's authoritative stance and invite the audience to share in a collective hope for restored freedoms and a fulfilled national destiny.

The Frequencies of Deny Resources in the 2025 Inaugural Speech

The following table demonstrates a concise quantitative overview of Deny resources in Trump's 2025 inaugural speech to illustrate how the frequent use of negation serves to reinforce his stance and marginalize opposing perspectives.

Table 4. Deny Resources in Donald Trump's 2025 Inaugural Speech

Disclaim Resources	Frequency (2025)	Percentage
not	16	0.54%
never	9	0.31%
no	6	0.18%
no longer	2	0.07%
nothing	2	0.07%
nobody	2	0.07%
no one	1	0.03%
without	1	0.03%
Total	**39**	**1.23%**

The above table illustrates the distribution of Deny resources found in Donald Trump's 2025 inaugural address. A total of 39 Deny tokens were identified, accounting for 1.26% of the entire speech content. The most frequently used Deny term is "*not*" (16 instances, 0.54%), indicating a strong tendency toward direct negation. This is followed by "*never*" (9 instances, 0.31%), with the collocation "*never before*" occurring *five times*, emphasizing historical uniqueness and rhetorical intensification. Other negative markers such as "*no*" (6 instances, 0.18%) and "*nothing*", "*nobody*", "*no one*", "*without*" and "*no longer*" appear with lower frequency, each individually contributing between 0.03% and 0.07%. The predominance of "*not*" and "*never*" suggests that Trump strategically employed these Deny resources to contract the Dialogic space, reject contrary viewpoints, and strengthen authoritative declarations about America's future. The frequent use of these forms contributes to a rhetoric of certainty, determination, and opposition to align with persuasive political discourse aimed at mobilizing support and affirming national identity. All in all, the variety and distribution of Deny resources reinforce Trump's rhetorical strategy to reject previous failures, assert national revival, and portray his vision as both corrective and exceptional.

The comparison of Deny resources in Donald Trump's 2017 and 2025 inaugural speeches

The comparative table below provides a diachronic comparison of Deny expressions identified in Donald Trump's 2017 and 2025 inaugural addresses, detailing their respective frequencies and proportional occurrences to reveal patterns of rhetorical continuity and change.

The preceding table shows notable shifts in the use of Deny resources between Donald Trump's 2017 and 2025 inaugural addresses. While the overall number of Deny resources increased from 23 instances in 2017 to 39 in 2025, the total percentage slightly declined from approximately 1.60% to 1.23%, indicating a broader lexical base or increased discourse volume in the latter speech. The expression "*not*" remained the most frequently used Deny resources across both speeches, though its proportional use decreased slightly (from 0.69% to 0.54%). Similarly, "*never*" and "*no*" were used more frequently in 2025 than in 2017, though their percentages also declined, suggesting that while Trump relied on these

familiar negation strategies, they constituted a smaller share of the overall discourse. New Deny expressions such as "*nothing*", "*nobody*" "*no one*" and "*without*" appeared in 2025 but were absent in 2017, reflecting an expansion of the rhetorical repertoire used to reject alternative viewpoints or undesirable conditions. Conversely, the expression "*failed to*", which appeared in 2017, did not recur in 2025, possibly indicating a strategic shift away from overt criticism of predecessors toward more implicit forms of negation. Notably, "*no longer*" remains consistent with 2 occurrences in both speeches, though its percentage decreases from 0.14% to 0.07%. Overall, the data indicate a diachronic trend toward greater lexical variety and more subtle, embedded forms of denial in Trump's later rhetoric.

Table 5. Comparative Deny Resources in Donald Trump's 2017 and 2025 Inaugural Addresses

Deny Resources	Frequency (2017)	Percentage (2017)	Frequency (2025)	Percentage (2025)
not	10	0.69%	16	0.54%
never	6	0.42%	9	0.31%
no	4	0.28%	6	0.18%
no longer	2	0.14%	2	0.07%
nothing	–	–	2	0.07%
nobody	–	–	2	0.07%
no one	–	–	1	0.03%
without	–	–	1	0.03%
failed to	1	0.07%	–	–
Total	23	≈1.60%	39	1.23%

Counter

This section examines the use of Counter resources in Donald Trump's 2017 and 2025 inaugural speeches and focuses on their frequency, distribution, and rhetorical functions across both texts.

Counter in Donald Trump's 2017 Inaugural Speech

Donald Trump's 2017 inaugural speech makes notable use of Counter resources to construct contrastive meanings and assert ideological positioning. The use of Counter not only enhances the argumentative force of the speech but also reflects a deliberate strategy to challenge the status quo and establish a break from preceding administrations.

Example 5: "*Today's ceremony, **however**, has very special meaning. Because today we are not merely transferring power from one Administration to another, or from one party to another, **but** we are transferring power from Washington, D.C. and giving it back to you, the American People*." (D1, S119)

This sentence exemplifies the strategic use of Counter resources – specifically "*however*" and "*but*" – to construct a contrastive and ideologically significant narrative. The adverb "*however*" signals a departure from what the audience might expect from a typical inauguration speech, framing the event not as a routine ceremony but as one with exceptional importance. This sets up a Counter-expectation that Trump further reinforces by explicitly rejecting the conventional understanding of a power transition through the phrase "*not merely transferring power from one Administration to another, or from one party to another*". This denial anticipates and challenges a widely held public assumption. The contrastive pivot marked by the adversative conjunction "*but*" then asserts an alternative and more radical framing: "*we are transferring power from Washington, D.C. and giving it back to you, the American People*". Also, "*but*" functions as a Disclaim: Counter to reject a presumed proposition and replace it with a more assertive, ideologically marked alternative. This Counter move achieves multiple rhetorical purposes: it contrasts institutional continuity with populist rupture, delegitimizes previous transitions as superficial, and constructs a populist stance by positioning Trump as the agent of a political reclamation on behalf of "*the people*". Thus, "*however*" and "*but*" are not merely cohesive devices but ideologically charged

mechanisms that challenge the status quo and recast the inauguration as a transformative moment of anti-establishment significance.

Building on the contrastive and ideologically charged use of Counter resources seen with "*however*" and "*but*" in the above mentioned, Example 6 similarly employs the intensifier "*even*" to escalate ambition to reinforce the theme of challenging expectations and promoting a transformative vision.

Example 6: "*Finally, we must think big and dream **even** bigger.*" (D1, S 1,112)

In this sentence, the word "*even*" functions as an intensifier that signals a Counter to mark a departure from the expected scale of ambition. The phrase "*think big*" already encourages boldness, but "*dream even greater*" introduces an enhanced, more extreme alternative, rejecting any limitations that the initial clause might imply. The deployment of "*even*" creates a contrast between two levels of aspiration – thinking big as a baseline, and dreaming bigger as the ideal. This scalar contrast functions rhetorically to elevate the audience's expectations and align them with an expansive, visionary outlook. Ideologically, it reinforces Trump's populist appeal by inspiring a sense of limitless possibility and national renewal. In this way, "*even*" serves not merely as a modifier but as a Dialogic device that challenges complacency and urges the audience to transcend conventional goals, positioning the new administration as a catalyst for extraordinary achievement.

The Frequencies of Counter Resources in the 2017 Inaugural Speech

The table below presents the frequency and percentage of Counter expressions used in Donald Trump's inaugural speech, highlighting the linguistic resources he employed to introduce contrastive or opposing viewpoints.

Table 6. Counter Resources in Donald Trump's 2017 Inaugural Speech

Counter Expression	Frequency	Percentage
but	13	0.90%
even	2	0.14%
however	1	0.07%
Total	**16**	**1.11%**

The aforementioned table provides an overview of the Counter expressions found in Donald Trump's inaugural speech to illustrate how he used linguistic resources to signal contrast or shift in perspective. The most frequently used Counter expression is "*but*", occurring 13 times, which accounts for 0.90% of the total words in the speech. This indicates a strong reliance on this common conjunction to introduce opposing ideas or to contrast previous statements. The word "*even*" appears 2 times (0.14%), often used to emphasize unexpected or intensified contrast. Meanwhile, "*however*" appears only once (0.07%), suggesting a more limited use of formal or academic-style contrastive markers. In total, 16 Counter expressions were identified, making up approximately 1.11% of the speech, reflecting Trump's rhetorical tendency to contrast ideas as part of his persuasive strategy.

Counter in Donald Trump's 2025 Inaugural Speech

The use of Counter resources in Donald Trump's 2025 inaugural speech reflects a strategic effort to challenge prevailing assumptions and reinforce contrastive meanings, contributing to the construction of a persuasive and ideologically marked narrative.

Example 7: "*In recent years, our nation has suffered greatly, **but** we are going to bring it back and make it great again, greater than ever before.*" (D2, S2,755)

This sentence demonstrates that Donald Trump employs the adversative conjunction "*but*" as a Counter resource to reject or soften a preceding negative proposition – "*our nation has suffered greatly*" – and replace it with a more hopeful, assertive alternative: "*we are going to bring it back and make it great again*". This use of Counter shifts the evaluative focus from a portrayal of decline to one of renewal and national

restoration. The sentence strategically constructs a contrastive meaning: the initial clause acknowledges hardship and decline, which resonates with public discontent, while the second clause reverses this framing with a confident commitment to recovery. This rhetorical maneuver helps Trump align himself with the people's grievances while simultaneously positioning himself as the agent of change. The phrase "*greater than ever before*" further intensifies the optimistic Counterclaim , amplifying the promise of transformation and reinforcing a populist, future-oriented narrative. In brief, the use of "*but*" exemplifies a common rhetorical strategy in Trump's discourse: acknowledging dissatisfaction to enhance credibility, then pivoting to a bold, restorative vision that underscores his leadership as a turning point.

Example 8: "*And we have an education system that teaches our children to be ashamed of themselves in many cases, to hate our country* ***despite*** *the love that we try so desperately to provide to them.*" (D2, S558)

The conjunction "*despite*" in the sentence functions as a concessive marker, signaling a contrast between two opposing ideas. It introduces a Counter-expectation by acknowledging that, although there is a strong and sincere effort to provide love to the children, the outcome is paradoxical: the children are taught to feel shame and even hatred toward their own country. This concessive relation highlights the tension between the positive intention ("*the love that we try so desperately to provide*") and the negative result ("*to be ashamed of themselves… to hate our country*"). Ideologically, the use of "*despite*" serves to position the speaker's effort and patriotism as genuine and earnest, while framing the education system as problematic or even harmful by contradicting those good intentions. This contrast subtly critiques the educational content or approach, suggesting it undermines national loyalty even in the face of nurturing care. The concessive structure thus functions to evoke sympathy for the speaker's viewpoint and to delegitimize opposing influences in the education system.

The Frequencies of Counter Resources in the 2025 Inaugural Speech

The subsequent table illustrates the frequencies and percentages of Counter resources identified in Donald Trump's 2025 Inaugural Speech.

Table 7. Counter Resources in Donald Trump's 2025 Inaugural Speech

Counter Resources	Frequency	Percentage
but	9	0.31%
even	4	0.14%
still	2	0.07%
despite	1	0.03%
yet	1	0.03%
Total	**17**	**0.58%**

It can be seen that the distribution of Counter resources in Donald Trump's 2025 inaugural speech, focusing on lexical items that function to introduce contrastive or Counter-expectational meanings. These expressions signal a shift in perspective or acknowledge alternative viewpoints while reinforcing the speaker's stance. The term "*but*" appears most frequently, with 9 instances (0.31%), underscoring its central role in contrasting propositions and asserting ideological distinctions. The resource "*even*" follows with 4 occurrences (0.14%), typically used to intensify or highlight unexpected assertions. "*Still*" is found twice (0.07%), suggesting ongoing relevance or persistence in the face of opposition. Both "*despite*" and "*yet*" occur only once (0.03%) each to introduce concessive or contrastive ideas that reinforce the speaker's position. Altogether, these Counter resources appear 17 times, accounting for 0.58% of the total discourse. While numerically modest, their strategic placement contributes to Dialogic Contraction by acknowledging other perspectives only to discount them to strengthen the speaker's rhetorical authority. The relatively low percentage also suggests that these resources are selectively employed for rhetorical emphasis rather than frequent reliance.

The Comparison of Counter Resources in Donald Trump's 2017 and 2025 Inaugural Speeches

A comparison of the Counter resources in Donald Trump's 2017 and 2025 inaugural speeches reveals differences in both frequency and lexical selection, indicating a shift in rhetorical strategies and ideological emphasis over time.

Table 8. Comparative Counter Resources in Donald Trump's 2017 and 2025 Inaugural Addresses

Counter Resources	2017 Frequency	2017 Percentage	2025 Frequency	2025 Percentage
but	13	0.90%	9	0.31%
even	2	0.14%	4	0.14%
however	1	0.07%	0	0.00%
still	0	0.00%	2	0.07%
despite	0	0.00%	1	0.03%
yet	0	0.00%	1	0.03%
Total	**16**	**1.11%**	**17**	**0.58%**

The aforementioned table indicates a comparative analysis of Counter resources in Donald Trump's 2017 and 2025 inaugural speeches, highlighting both the frequency and percentage of specific contrastive expressions. The total number of Counter resources remains relatively consistent across the two speeches – 16 in 2017 and 17 in 2025 – yet notable differences emerge in their distribution and usage. In 2017, the dominant Counter resource is "*but*" accounting for 13 instances (0.90%), whereas its frequency declines to 9 (0.31%) in 2025, indicating a reduced reliance on this common adversative marker. Conversely, the use of "*even*" remains proportionally stable at 0.14% in both speeches, although its frequency increases from 2 to 4 occurrences, suggesting a growing emphasis on scalar contrast. Interestingly, while "*however*" appears only once in 2017, it is entirely absent in 2025, implying a potential shift away from more formal conjunctive structures. The 2025 speech also introduces a broader lexical range of Counter resources – such as "*still*", "*despite*" and "*yet*" – none of which are present in the 2017 address. These additions, though infrequent, reflect a diversification of contrastive strategies. All in all, while the 2017 speech is characterized by a concentrated use of a few dominant Counter expressions, the 2025 address demonstrates a more varied, though less frequent, deployment of these resources, suggesting a subtle shift in rhetorical style and engagement.

Comparative Analysis of Disclaim Resources in 2017 vs. 2025 Speeches

Table 9 illustrates a detailed comparative analysis of the frequency and proportional usage of Deny and Counter Disclaim resources in Donald Trump's 2017 and 2025 inaugural addresses, highlighting shifts in rhetorical strategies over time.

The above table demonstrates a comparative analysis of the distribution of Deny and Counter Disclaim resources in Donald Trump's 2017 and 2025 inaugural speeches. The findings reveal an increase in the absolute frequency of deny expressions from 23 instances in 2017 to 39 in 2025, albeit with a slight decrease in their relative percentage within the overall discourse. Predominant deny markers such as "*not*", "*never*" and "*no*" are consistently employed across both speeches, with "*not*" demonstrating a marked increase in usage in the later address. Furthermore, the 2025 speech incorporates several Deny expressions absent from the 2017 speech, including "*nothing*", "*nobody*" and "*no one*" suggesting a diversification in the speaker's rhetorical repertoire. Conversely, Counter expressions exhibit a marginal increase in frequency but a notable decline in proportional use, with "*but*" remaining the most frequent marker despite reduced occurrence. Additional Counter terms such as "*still*", "*despite*" and "*yet*" emerge exclusively in the 2025 speech, whereas "however" present in 2017, is omitted in 2025. These patterns indicate that the 2017 speech employs Disclaim resources with greater density, while the

2025 speech demonstrates a broader and more sophisticated application of such resources, potentially reflecting shifts in ideological positioning and discursive strategy over time.

The table below demonstrates a comparative overview of the use of Disclaim resources in Donald Trump's 2017 and 2025 inaugural speeches. It outlines the total number of instances and the percentage distribution of the two subtypes – *Deny* and *Counter* – each speech. This comparison highlights the differing emphasis placed on these engagement strategies across the two addresses.

Table 9. Full Disclaim Comparison (2017 vs. 2025)

Disclaim Resources	2017 Frequency	2017 Percentage	2025 Frequency	2025 Percentage
Deny Resources				
not	10	0.69%	16	0.54%
never	6	0.42%	9	0.31%
no	4	0.28%	6	0.18%
no longer	2	0.14%	2	0.07%
nothing	–	–	2	0.07%
nobody	–	–	2	0.07%
no one	–	–	1	0.03%
without	–	–	1	0.03%
failed to	1	0.07%	–	–
Deny Total	**23**	**≈1.60%**	**39**	**1.23%**
Counter Resources				
but	13	0.90%	9	0.31%
even	2	0.14%	4	0.14%
however	1	0.07%	0	0.00%
still	0	0.00%	2	0.07%
despite	0	0.00%	1	0.03%
yet	0	0.00%	1	0.03%
Counter Total	**16**	**1.11%**	**17**	**0.58%**

Table 10: Disclaim Distribution by Subtype in Donald Trump's 2017 and 2025 Inaugural Addresses

Year	Total Disclaim Resources	Deny (Instances)	Deny (%)	Counter (Instances)	Counter (%)
2017	39	23	≈ 59.0%	16	≈ 41.0%
2025	56	39	≈ 69.6%	17	≈ 30.4%

The data in Table 10 and Figure 2 illustrate a notable shift in the distribution of Disclaim resources across Donald Trump's 2017 and 2025 inaugural addresses. The total number of Disclaim instances increased from 39 to 56, reflecting a growing reliance on Dialogic Contraction as a rhetorical strategy. More specifically, Deny resources rose in both absolute terms and proportionally – from 23 instances (59.0%) in 2017 to 39 instances (69.6%) in 2025 – indicating an intensified use of direct negation to reject alternative viewpoints. In contrast, the share of Counter resources declined from 41.0% to 30.4%, suggesting a reduced engagement with Dialogic alternatives and a less frequent acknowledgment of opposing voices before introducing contrastive claims. These changes point to a rhetorical shift toward a more monoglossic stance in the 2025 address, characterized by greater assertiveness and ideological firmness, and a diminished openness to Dialogic negotiation.

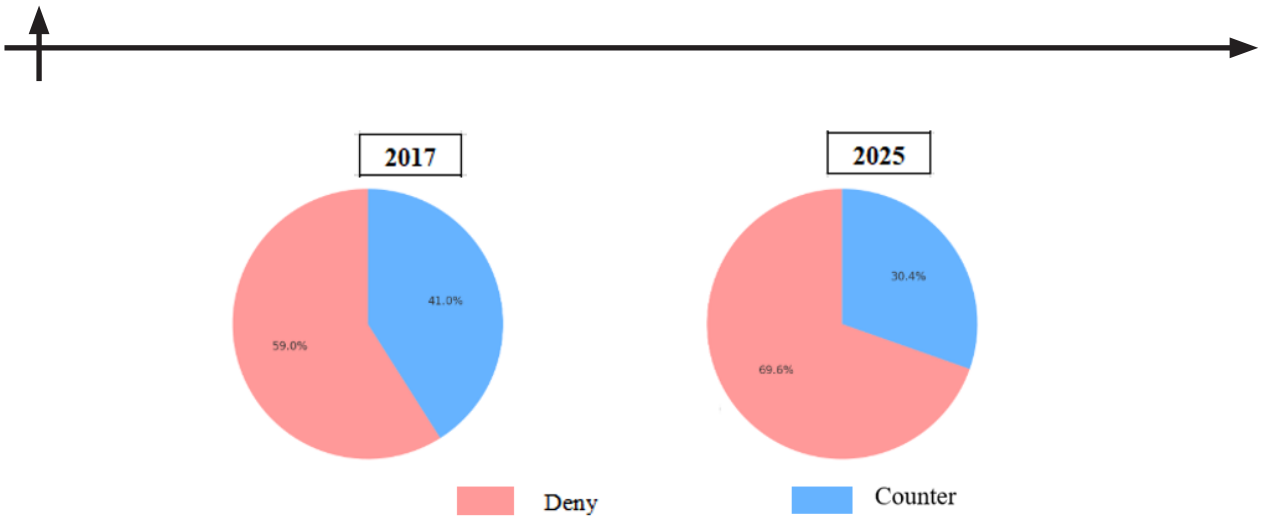


Fig. 2. The Distribution of Disclaim Resources in Donald Trump's 2017 and 2025 Inaugural Speeches

Rhetorical Functions of Disclaim Resources

The rhetorical functions of Disclaim resources in Donald Trump's inaugural addresses reveal strategic choices in managing intersubjective positioning. Deny resources, such as "*not*", "*no*" and "*never*" serve to explicitly reject propositions to assert ideological certainty and close down Dialogic alternatives. Their increased use in the 2025 speech suggests a deliberate rhetorical effort to reinforce Trump's authority and portray a clear separation from prior policies or opposing viewpoints. In contrast, Counter resources like "*but*", "*however*" and "*even*" function to introduce contrastive meanings to allow for a limited acknowledgment of other perspectives before presenting an alternative stance. The reduced frequency of Counter expressions in 2025 implies a rhetorical shift away from accommodating multiple viewpoints toward a more unilateral and confrontational style. Together, these patterns demonstrate how Disclaim resources are employed not only to manage stance but also to construct a persuasive narrative that aligns with the speaker's ideological and communicative goals.

Conclusion

The analysis of Disclaim resources in Donald Trump's 2017 and 2025 inaugural speeches reveals a consistent rhetorical strategy grounded in Dialogic Contraction and political identity construction. Central to this strategy is the Deny subsystem, through which Trump rejects alternative viewpoints, delegitimizes prior administrations, and emphasizes a clear break from the past. This is achieved through frequent use of lexical markers such as "*not*", "*never*", and "*no*", which convey categorical certainty and resolve. Although the 2025 speech illustrates a greater variety and higher raw frequency of Deny resources, a proportional decline in their density suggests a shift toward a broader and possibly more nuanced discursive approach. The emergence of expressions such as "*nothing*", "*nobody*", and "*no one*" reflects an expanded rhetorical repertoire, while the absence of phrases like "*failed to*" may indicate a move from retrospective criticism to a more forward-looking narrative. These Disclaim resources, particularly Deny, function not merely as grammatical constructs but as strategic tools for managing Dialogic opposition, guiding audience alignment, and reinforcing Trump's distinctive and polarizing political persona. More broadly, the study highlights the critical role of Disclaim in political discourse as a means of regulating ideological meaning, asserting authority, and shaping public perception. Its findings contribute to the fields of discourse analysis, political communication, and English education, while also offering insights relevant to political psychology, media literacy, and English language teaching. Furthermore, the corpus-based methodology demonstrates the value of integrating quantitative and qualitative approaches in discourse studies. Nevertheless, the research is limited in scope, focusing exclusively on two inaugural speeches by a single political figure and examining only the Deny subsystem. This restricts the generalizability of the findings and overlooks the complexity of Engagement strategies

in political discourse. Future research should therefore expand the corpus to include multiple political actors, diverse speech genres, and other Engagement subsystems, enabling richer cross-cultural and diachronic comparisons that can further illuminate the rhetorical dynamics of political language.

REFERENCES

[1] **Fairclough N.,** Critical discourse analysis: The critical study of language, Longman, London, 1995.

[2] **van Dijk T.A.,** Discourse and manipulation, Discourse & Society, 17 (3) (2006) 359–383. DOI: 10.1177/0957926506060250

[3] **Chilton P.,** Analysing political discourse: Theory and practice, Routledge, London, 2004.

[4] **Wodak R.,** The politics of fear: What right-wing populist discourses mean, Sage, London, 2015.

[5] **Hart R.P.,** Why do they talk that way? A research agenda for the presidency, Presidential Studies Quarterly, 32 (4) (2002) 693–709. DOI: 10.1111/j.0360-4918.2002.00241.x

[6] **Charteris-Black J.,** Politicians and rhetoric: The persuasive power of metaphor, 2nd ed., Palgrave Macmillan, London, 2011.

[7] **Martin J.R., White P.R.R.,** The language of evaluation: Appraisal in English, Palgrave Macmillan, London, 2005.

[8] **Wei Y.,** Wherrity M., Zhang Y., An analysis of current research on the Appraisal Theory, Linguistics and Literature Studies, 3 (5) (2015) 235–239. DOI: 10.13189/lls.2015.030506

[9] **Halliday M.A.K.,** An introduction to functional grammar, 2nd ed., Edward Arnold, London, 1994.

[10] **Bakhtin M.M.,** The dialogic imagination: Four essays, Holquist M. (Ed.), Emerson C., Holquist M. (Trans.), University of Texas Press, Austin, 1981.

[11] **White P.R.R.,** An introductory tour through appraisal theory, 2001. Available at: https://www.grammatics.com/appraisal/appraisaloutline/framed/appraisaloutline.htm (accessed 27.02.2025).

[12] **Miller D.,** "...to meet our common challenge": ENGAGEMENT strategies of alignment and alienation in current US international discourse, Textus, 18 (1) (2004) 39–62.

[13] **Ismail H.Y.S.I.,** Engagement in Obama's speech in Cairo, CDELT Occasional Papers in the Development of English Education, 66 (2) (2019) 73–97. DOI: 10.21608/opde.2019.126874

[14] **El-Sufi M.F.M.R.,** Denial in Donald Trump's inaugural and farewell addresses, Journal of the Faculty of Arts, Suez University, Articles in Press (2022). DOI: 10.21608/jfask.2022.126063.1023

[15] **Chen X., Yan Y., Hu J.,** A corpus-based study of Hillary Clinton's and Donald Trump's linguistic styles, International Journal of English Linguistics, 9 (3) (2019) 13–22. DOI: 10.5539/ijel.v9n3p13

[16] **Fernandez M.C.,** A corpus discourse analysis of Donald Trump's speeches between 2015 and 2022, Revista Científica y Tecnológica QANTU YACHAY, 2 (1) (2022) 147–166. DOI: 10.54942/qantuyachay.v2i1.24

[17] **Garifullina D.B., Khismatullina L.G., Giniyatullina A.Y., Garaeva M.R., Gimadeeva A.A.,** Inaugural speech as a tool of forming speech portrait of the president, Linguistics and Culture Review, 5 (S3) (2021) 413–421. DOI: 10.21744/lingcure.v5nS1.1429

[18] **Yang M., Jia F., Cao Y.,** A Comparative Study of the Political Discourse from the Perspective of Appraisal Theory – Based on the Corpus Data of the Two Presidents' Inaugural Addresses, Proc. of the 2020 International Conference on Big Data and Informatization Education (ICBDIE), 2020, 69–74. DOI: 10.1109/ICBDIE50010.2020.00023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Нгуен Тхи Бич Джианг
Nguyen Thi Bich Giang
E-mail: nguyentbichgiang@dtu.edu.vn
ORCID: https://orcid.org/0009-0002-7171-2307

Чан Суан Хиеп
Tran Xuan Hiep
E-mail: txhiep@ued.udn.vn
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5236-993X

Поступила: 13.05.2025; Одобрена: 22.06.2025; Принята: 30.06.2025.
Submitted: 13.05.2025; Approved: 22.06.2025; Accepted: 30.06.2025.

Terra Linguistica. 2025, Том 16, № 2. С. 135–146.
Terra Linguistica. 16 (2) (2025) 135–146.

Рецензии
Review

Рецензия
УДК 81`22
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16209
EDN: https://elibrary/HPXOZQ

РЕФЛЕКСИЯ НАД ЯЗЫКОМ. РЕЦЕНЗИЯ НА ИЗДАНИЕ: ЩЕДРОВИЦКИЙ Г.П. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МЫСЛИ: ВВЕДЕНИЕ В СИСТЕМОМЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД. М.: МИФ, 2024. 672 С. ISBN 978-5-00214-612-3

А.В. Загуменнов ✉

Вологодская духовная семинария,
г. Вологда, Российская Федерация

✉ zaw1991@mail.ru

Аннотация. Рецензия посвящена рассмотрению новой публикации работ Г.П. Щедровицкого, идейного вдохновителя и руководителя «Московского методологического кружка», одного из выдающихся философов второй половины XX века. Издание, получившее название «На перекрестке мысли: введение в системомыследеятельностный подход», является первым томом из задуманного десятитомного собрания сочинений упомянутого автора. Цель вышедшего издания можно охарактеризовать как изложение ключевых понятий, принципов и оснований руководителя «Московского методологического кружка» не в хронологической или тематической последовательности, а в логике самого подхода. Издатели постарались передать дух работы Г.П. Щедровицкого и его единомышленников, собрав под одной обложкой не только статьи или доклады самого Г.П. Щедровицкого, но и стенограммы с обсуждениями высказанных им тезисов, аргументы его противников в диспутах и т.д. В рецензии особенно акцентируется внимание на моментах, значимых для языкознания (что есть язык, знак, знаковые системы и пр.), поэтому наше рецензирование сопровождается комментарием со стороны лингвистики, который явно недостаточен в первом томе. Несомненным его достоинством мы считаем официальное издание архивных материалов из личного фонда, примечания редактора, позволяющие восстановить контекст происходящего, список литературы, в который помещены выходные данные прижизненных и посмертных публикаций Г.П. Щедровицкого с 1957 по 2014 год, и два указателя: именной и предметный. Основным адресатом представляются философы, логики и исследователи отечественной интеллектуальной истории. Автор приходит к выводу, что это издание необходимо и языковедам, поскольку в нем фиксируется и часть истории филологических наук второй половины XX века. Работа представляется масштабной, перспективной и заслуживает пристального внимания со стороны самого широкого круга читателей.

Ключевые слова: язык, знак, система, рефлексия, мышление, понимание, деятельность.

Для цитирования: Загуменнов А.В. Рефлексия над языком. Рецензия на издание: Щедровицкий Г.П. На перекрестке мысли: Введение в системомыследеятельностный подход. М.: МИФ, 2024. 672 С. ISBN 978-5-00214-612-3 // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 2. С. 135–146. DOI: 10.18721/JHSS.16209

© Загуменнов А.В., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Review
DOI: https://doi.org/10.18721/JHSS.16209

LANGUAGE REFLECTION. BOOK REVIEW: SHCHEDROVITSKY G.P. AT THE CROSSROADS OF THOUGHT: INTRODUCTION TO THE SYSTEM-THINKING-ACTIVITY APPROACH. MOSCOW: MIF, 2024. 672 P. ISBN 978-5-00214-612-3

A.V. Zagumennov ✉

The Vologda Theological Seminary,
Vologda, Russian Federation

✉ zaw1991@mail.ru

Abstract. The review examines a new publication featuring the works of G.P. Shchedrovitsky, the philosophical leader of the Moscow Methodological Circle (MMC) and one of Russia's most influential 20th-century thinkers. As the first volume of a planned 10-volume collection, "At the crossroads of thought: Introduction to the system-thinking-activity approach" uniquely presents the core principles of Shchedrovitsky's system-thinking-activity approach not in chronological or thematic sequence, but in the logic of the approach itself. The publishers tried to convey the spirit of the work of G.P. Shchedrovitsky and his associates by collecting in one book not only articles or reports by Shchedrovitsky himself, but also debate on his theses transcripts, containing arguments of his opponents etc. In the review, the focus is on the points important for linguistics (language/sign systems theory), because the linguistic commentary clearly lacks in the first volume. Its undoubted merit includes the following: previously unpublished archival materials, editorial annotations contextualizing debates, comprehensive bibliography (1957–2014 publications), name and subject indices. The publication is intended for philosophers, logicians and researchers of Russian intellectual history, as well as linguists, since it captures the part of the history of philological sciences in the second half of the 20th century. The work appears to be large-scale, promising and deserves close attention from the widest range of readers.

Keywords: language, sign, system, reflection, thinking, understanding, activity.

Citation: Zagumennov A.V., Language reflection. Book Review: Shchedrovitsky G.P. At the crossroads of thought: Introduction to the system-thinking-activity approach. Moscow: MIF, 2024. 672 P. ISBN 978-5-00214-612-3, Terra Linguistica, 16 (2) (2025) 135–146. DOI: 10.18721/JHSS.16209

В истории советского языкознания Г.П. Щедровицкий, идейный вдохновитель и руководитель «Московского методологического кружка» (далее – ММК), был, помимо уже упомянутых фактов, философом, который либо присутствовал при обсуждении важнейших направлений в филологии, либо задавал новые векторы лингвистических исследований. Примером первого случая можно считать его участие в дискуссиях о соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков, о методологических проблемах лингвистической типологии, о способах изучения знаковых систем, выступления с докладами на психолингвистических симпозиумах, на конференциях, посвященных лексикологии, семасиологии и теории языка (подробнее в разделе «Литература» рецензируемого тома [1, с. 633–641]). И если во всех этих эпизодах взаимодействия с языкознанием Г.П. Щедровицкий оставался, скорее, на маргинальных позициях[1], то не признать его влияния на целые направления лингвистики,

[1] По утверждению В.П. Литвинова: «Многим языковедам Г.П. Щедровицкий запомнился как обидчик лингвистов. <…> Позиция Щедровицкого почти всем лингвистам, с которыми он имел дело, представлялась антикультурной или в лучшем случае акультурной» [2, с. 11–12].

© Zagumennov A.V., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

сегодня получившие вполне легитимный статус составляющей текущей научной парадигмы, уже не получится.

В частности, теория языковой личности изначально была разработана «Тверской герменевтической группой» ММК [3], руководителем которой был Г.И. Богин [4]. Поэтому с точки зрения эпистемологии филологических наук последующая книга Ю.Н. Караулова [5] была переосмыслением самостоятельной региональной концепции со смещением ее координат в область прагма- и когнитивной лингвистики, хотя изначально ее фундамент – феноменологическая философия позднего Э. Гуссерля и филологическая герменевтика. Другой пример – В.П. Литвинов из Пятигорского государственного лингвистического университета (ныне Пятигорский государственный университет). Созданные под его руководством семинары тематически предвосхитили исследования в области когнитивной лингвистики на всем Северном Кавказе. Также, как и Г.И. Богиным, В.П. Литвиновым проводились научно-теоретические поиски в области феноменологической философии и герменевтики.

Можно утверждать, что разработки ММК все-таки смогли привлечь внимание и других филологов, хотя оценки этих разработок оказываются полярными. Например, в середине 1960-х годов для редколлегии выпусков «Трудов по знаковым системам» [6, с. 5] понимание семиотики в стиле Г.П. Щедровицкого было чуждым, но в XXI веке В.В. Колесов критиковал современную ему когнитивную лингвистику цитатами из трудов Г.П. Щедровицкого [7, с. 697]. Сегодня идеи руководителя ММК переосмысливают в ракурсе теории коммуникации [8] и дискурсологии [9], однако проблема значимости ММК в истории отечественного языкознания остается недостаточно изученной.

Первый том из запланированного издания десятитомного собрания сочинений Г.П. Щедровицкого посвящен раскрытию содержания концепции советского философа. При этом специфика работы ММК накладывает свой отпечаток на формат издания: перед нами не «сборник статей» и не «монография» в классическом понимании этих слов. Это – зафиксированная в тексте история обсуждения конкретной проблематики, интересовавшая Г.П. Щедровицкого и его сторонников в рамках определенного направления поисков с 1964 по 1989 год. Все опубликованные в первом томе материалы, по словам главного редактора десятитомника А.Г. Реуса, следуют не хронологическому или тематическому принципу, а логике подхода; сам подход – «это не концепции, это идеи и инструменты, реализуемые в живом мышлении, деятельности, коммуникации, мыследеятельности» [1, с. 10]. По этой причине мы и говорим об отпечатке работы в ММК на формате издания: здесь в буквальном смысле воспроизводятся не только лекции, доклады и тезисы, но и их обсуждение в формате стенограмм, поскольку диалог в этом разрезе является фиксацией позиций в научной коммуникации.

Том включает «предисловие» А.Г. Реуса ко всему запланированному многотомному изданию «Учение Георгия Щедровицкого» [1, с. 9–10]. Вероятно, оно будет стабильно повторяться и в последующих томах. С одной стороны, решение верное – по содержательной составляющей этот текст служит хорошим введением для «неискушенного» читателя, с другой – было бы небесполезно для общей рецепции «подхода» дать слово и другим «методологам», чтобы четче обозначить точки зрения на то, что получилось в итоге.

Первая глава «Проблемы построения теории мышления и системомыследеятельностный подход» целиком состоит из семи докладов, прочитанных на семинарах Комиссии по психологии мышления и логике при Московском отделении Общества психологов в течение трех месяцев 1979 года (26 апреля, 10, 24, 31 мая, 7, 21, 28 июня). Эта часть интересна целым рядом замечаний, появившихся в результате обсуждения исходных тезисов. Например, в полемике с В.В. Давыдовым по первому своему докладу («Пространство методологической работы и деятельностный подход» [1, с. 13–42]) Г.П. Щедровицкий постулирует «деятельность как объективный мир, как универсальный объект» [1, с. 41], считая это

особенностью своего подхода[2]. Второе выступление («Проблемы организации пространства методологического мышления. Рефлексия и мышление» [1, с. 42–65]) содержит подробное раскрытие понимания «рефлексии» и вырастающего из неё «мышления» («мышление рождается из рефлексии. Мышление – это особая, превращённая форма рефлексии» [1, с. 49]). Это разграничение прослеживается вплоть до конца обсуждения всего доклада, но ряд высказанных положений вызывают особый интерес.

По словам руководителя ММК, рефлексия «не имеет собственных форм и, следовательно, не имеет своего собственного идеального содержания», «существует лишь тогда, когда мы движемся по чему-то уже данному в нашей деятельности», «может быть ретроспективной и проспективной» [1, с. 50]. Она «не имеет как таковая другой логики, кроме логики той деятельности, которая рефлектируется»[3], хотя при этом «обладает бесконечным множеством законов, соответственно тому, что она рефлектирует» [1, с. 51]. Мышление же, напротив, обладает не законами, а средствами и нормами. Рефлексия индивидуальна и не может быть передана другому, мышление же раскрывается в коммуникации между людьми, наделенными способностью к рефлексии.

Третий доклад («Мышление, мыслительная деятельность и деятельность» [1, с. 65–92] содержит рассуждение Г.П. Щедровицкого о знаке. По его мысли, любой объект внешнего мира выступает пределом индивидуальной, а потому внутренней рефлексии, и в этом отношении мир объектов нашему пониманию недоступен. «Знак даёт нам возможность войти в объект, в этом его смысл. <...> знак – это всегда то, через что мы видим нечто другое, например, объект или, например, действие» [1, с. 71]. Этот момент объясняет известную любовь ММК к построению схем с фиксацией на них связей и отношений. В практике работы «методологов» эти знаковые образования воспринимались не как знаки, а как модельно представленные объекты в структуре определенного рода деятельности. Далее в докладе идет иногда очень образно поданное обсуждение, что такое «понимать» что-либо и что такое «понимание»[4] [1, с. 75–89]. Позиция Г.П. Щедровицкого по этим вопросам сводится к утверждению, что «понимание ... предполагает ориентацию на то, что делается, а не на денотаты того, что сказано» [1, с. 89]. Поэтому подлинное «понимание» того, что происходит в рамках обсуждения этого и всех остальных опубликованных в первом томе собрания сочинений докладов, доступно только посредством повторения логических ходов в размышлениях вслед за самим Г.П. Щедровицким его слушателями и читателями. В свою очередь, реципиенты, присвоив себе путь Другого через индивидуальную рефлексию, должны либо наметить иной вектор поисков, признав всё ранее сказанное ошибочным, либо развить программу действий сообразно заданным координатам. Такова «логика подхода» Г.П. Щедровицкого в свёрнутом тезисе о понимании: ориентация на то, что делается, а не на то, что сказано.

Четвертый доклад («Смысл методологической работы. Проблематизация основных методологических понятий» [1, с. 92–115]) интересен рассмотрением употреблений понятия «теория» в семи «смыслах»: оппозиция теория / практика, оппозиция априорного / апостериорного по процессу получения, продукт определенной систематизации, основание для производства определенного типа суждений, результат научного исследования, синоним научно-исследовательского предмета и, наконец, результат и продукт функционирования научного предмета [1,

[2] В третьей главе рецензируемого тома это утверждение станет основополагающим принципом при характеристике семиотических построений ММК, а потом встречается в расширенном списке принципов работы методолога в пятой главе настоящего издания.

[3] На наш взгляд, этот тезис имеет значительный теоретико-методологический потенциал для филологических исследований. Рефлексия над языком нормируется логикой языка как деятельности, либо логикой того, что приписано языку как деятельности со стороны общества (правильно/неправильно, соответствует стилю / не соответствует стилю и т.д.). Возможно, каждый морфологический тип языка (изолирующий, аффиксальный, инкорпорирующий), гипотетически, формирует свою логику для рефлексии над языком как деятельностью, однако это лишь один из вариантов развертывания высказанного Г.П. Щедровицким тезиса.

[4] Сам по себе весь отмеченный диапазон страниц в усеченном виде мог бы быть основанием эпистемологического анализа двух герменевтических школ России – Тверской и Пятигорской. Проблемы терминологии, осознание того, что нет пассивного понимания – все это уже заложено в публикуемом обсуждении доклада Г.П. Щедровицкого. К сожалению, формат издания сохранил (насколько это было возможно) фамилии только тех, кто задавал вопросы выступающему, а не общий список находившихся на этом мероприятии (примером такового можно считать перечни присутствовавших в Государственной академии художественных наук в 1920-е годы). По этой причине сложно установить, присутствовали ли Г.И. Богин и В.П. Литвинов на чтениях хотя бы третьего из семи докладов.

с. 110–111]. По сути, весь этот перечень был приведен только для констатации участникам обсуждения, что в рамках дискуссии «теория» не берется в конкретном из этих пониманий, и объем этого понятия в процессе развития рассуждения все время меняется, но остается в рамках семи перечисленных «смыслов»[5].

Пятый доклад («Построение понятий и вопросы онтологии» [1, с. 115–138]) посвящен понятиям и способу работы с ними в рамках подхода. «Я исхожу из того, что понятия – это такие особые образования, которые, с одной стороны, характеризуют те стадии мышления, которые существовали до предметной организации мышления. Во-вторых, понятия – это такая форма организации рефлексии и мышления, которая обслуживает все другие формы организации мышления» [1, с. 123]. Г.П. Щедровицкий предлагает три образца работы с этими «особыми образованиями»: «...соорганизация понятий в отнесении к онтологической картине (зафиксированные в знаковой форме принципы, аксиомы и пространство деятельности, где понятия обретают свою значимость и функции. – *А.З.*), разворачивание единой онтологической картины и предметная организация онтологии» [1, с. 131]. Каждый из перечисленных вариантов работы с понятиями образует свой тип построения теории. В первом случае благодаря «живому рассуждению» по какому-либо вопросу эти «особые образования» порождаются и могут быть соотнесены друг с другом за счет самого «живого рассуждения». Второй образец работы с понятиями строится на том, что соотнесение понятий с первоначальными основаниями приводит к постоянному пересмотру сначала самих понятий, а потом – оснований. Третий случай особый, и не каждая теория к нему методологически готова. По мысли Г.П. Щедровицкого, «если вы начинаете разворачивать... онтологию», и она «становится базовым основанием, то вы в этом процессе единого разворачивания онтологии порождаете систему необходимых вам понятий в жесткой последовательности и связи. И поскольку эти онтологии начинают определять и предметные организованности, и возможные области экспериментов, и цели для научного исследования и т.д., они все оказываются замкнуты на этой единой онтологии» [1, с. 133]. Это и есть то, что в докладе охарактеризовано как «предметная организация онтологии»: аксиоматические положения, пространство деятельности и материал формируют предметы изучения с фиксацией рефлексии и мышления в понятийном слое «теории».

Шестой доклад («Понятие рефлексии. Рефлексия и мышление. Рефлексия и сознание» [1, с. 138–168]) вводит новое понимание нарисованных объектов внутри схем, которые буквально мелом на досках выводили участники ММК. «Первая важная особенность того пространства, которое рисовалось все эти заседания, – это то, что его заполняют, сказал бы я, системодеятельностные образования... <...> Здесь можно, конечно, воспользоваться словом „объекты“, но понимая, что слово „объект“ употребляется не в собственном смысле. Это – некие системодеятельностные образования, которые... требуют четвероякой интерпретации: каждый из нарисованных внутри объемлющей рамки блок есть всегда 1) процесс, 2) структура, 3) организованность и 4) материал. И это принципиально» [1, с. 142]. В дальнейшем обсуждение вновь возвращается к проблеме рефлексии и мышления, перетекая в седьмой завершающий доклад («Чистая рефлексия и организованная рефлексия» [1, с. 168–192]).

Таким образом, в первой главе задаются тематика и проблематика всего рецензируемого тома целиком. «Деятельность», «рефлексия», «знак», «понимание», «мышление», «понятие» и «теория» выступают своеобразными категориальными координатами, вокруг и внутри которых строятся все дальнейшие дискуссии и обсуждения.

[5] Ни Г.П. Щедровицкий, ни издатели не ставили своей целью раскрытие этой классификации предметно, тем более применительно к лингвистике. Тем не менее мы можем поставить вопрос: что есть «теория языка» в приведенном перечне? Вероятно, «результат и продукт функционирования научного предмета». Но что есть «грамматические теории», «теории коммуникации», «теории дискурса», «теории языковой личности»? Не исключено, что за привычными и одинаковыми употреблениями скрываются неравнозначные образования в эпистемологическом пространстве филологических наук, однако это требует специального исследования.

Вторая глава «„Подход“ – это что?» включает публикацию четырех докладов, прочитанных на семинаре ММК в течение двух месяцев 1979 года (13 октября, 8, 22, 30 декабря). Первый из них («Деятельностный подход. Введение в тему» [1, с. 195–210]) вводит оппозицию теории и подхода: «...теория, или научная концепция, представляет собой... организацию... эпистемических или семиотических элементов, но безотносительно к ситуациям употребления. В то время как подход есть такая организация эпистемических и семиотических элементов, которая с самого начала учитывает определенную область употребления... <...> ...подход есть некое средство организации мышления и деятельности, с самого начала создаваемое в этой функции» [1, с. 199]. Подход – то, что что можно передать другому через коммуникацию и трансляцию, и в отличие от теории он, по мысли Г.П. Щедровицкого, не имеет объекта. Во втором докладе («Системно-структурный подход» [1, с. 210–235]) эти рассуждения получают свое продолжение с примером из истории языкознания. «Был синтаксический подход, это фактически определенный анализ, выросший, оформившийся в подход. В результате появился синтаксис языка (как теория. – *А.З.*). У индийцев и арабов был морфологический подход – появилась морфология. И европейские, и греческие, и латинские синтаксисты и индийские, и арабские морфологисты решали одну и ту же задачу – описывали структуру речи. <...> Они описывали одно и то же, но разными методами, тогда возникли две онтологии, два объекта, которые сейчас, по образному выражению, „нанизываются на вертел“. Появилось понятие „уровень языка“: синтаксический, морфологический и т.д. <...> Возник сравнительно-исторический метод – появилось сравнительно-историческое языкознание, теория; возникает в лингвистике типологический метод – появляется типологическая лингвистика» [1, с. 231]. В рамках представленной логики развития сначала есть ориентация на строго определенную деятельность, а уже после она подменяется ориентацией на идеальный объект в рамках возникшей теории.

Третий доклад («О понятии „подход“» [1, с. 235–266]) посвящен представлению абстрактной схемы работы методолога и ее обсуждению, а четвертый («О системном подходе в структуре подхода» [1, с. 266–292]) содержит рассуждение о смысле и значении, на котором мы остановимся подробно. По утверждению руководителя ММК, «значение слова в словаре уже связано с возможными употреблениями этого слова в речи и по смыслу речи, но не за счёт того, что оно актуально связано [с этими употреблениями], а за счёт того, что оно предуготовлено для такого употребления» [1, с. 268]. В этой же части Г.П. Щедровицкий высказывает нетривиальное видение вклада Ф. де Соссюра в лингвистику и методологию лингвистики. «Поэтому Фердинанд Соссюр был первым, кто ввел в лингвистику деятельностный подход и в этом смысле методологический. <...> Соссюр после этого различения (языка и речи. – *А.З.*) должен был различить лингвистику языка и лингвистику текста, а это было сделано через 50–60 лет после него. Задание двух лингвистик как двух разных предметных образований – это есть деятельностное завершение идей Соссюра в лингвистике...» [1, с. 277] Сходное рассуждение с некоторым развернутым пояснением мы встретим в первом томе собрания сочинений Г.П. Щедровицкого в дальнейшем.

Во второй главе намечаются новые темы для осмысления – «язык» и «языкознание», которые «суммируются» к уже обозначенному перечню тем. Это, на наш взгляд, весьма интересный момент в композиции тома, ведь Г.П. Щедровицкий, исходя из названия докладов, не посвящал свои выступления обсуждению филологической проблематики, но тем не менее она у него присутствует, что говорит в пользу ее значимости для советского философа.

Третья глава («Как „подход“ употреблять в кооперативной работе?» [1, с. 295–408] включает пять работ разного времени написания. Первый доклад представляет фрагмент работы 1964 года, второй – разработки 1973 года, третий и четвертый – 1979 года, пятый – 1968 года. «Хронологический разнобой» третьей главы компенсируется тем, что в этой части подобраны содержательно близкие выступления, и их обсуждение оттеняет те или иные исходные тезисы Г.П. Щедровицкого.

Первый доклад («В чем специфика методологического подхода к проблемам науки» [1, с. 295–305]) вводит разграничение двух точек зрения на то, какова должна быть методология науки. Первая из них «считает, что предмет методологии – природа, мир как таковые» [1, с. 296]. Вторая точка зрения – «предмет методологии как науки принципиально отличен от предмета всех других конкретных наук. <...> методология... есть теория человеческой деятельности» [1, с. 296]. И поднимается вопрос: кто должен разрабатывать методологию конкретных наук. В идеале – сами ученые каждой определенной отрасли знания, но только после того, как они осознают свой статус методологов.

Во втором докладе («Системно-структурный подход в анализе и описании эволюции мышления» [1, с. 305–310]) обсуждается широкий спектр проблем. Тем не менее в этой части есть весьма характерный тезис: «Системное изображение объекта... обязательно должно содержать четыре слоя представлений – процессов, функциональный структур, организованностей материала и морфологии» [1, с. 308]. Сходное, хотя и не тождественное видение мы обнаруживаем в трудах советского лингвиста-типолога Г.П. Мельникова, с которым Г.П. Щедровицкий был знаком лично[6]. Третий доклад («Проблемы организации исследований: от теоретико-мыслительной к оргдеятельностной методологии анализа» [1, с. 310–332]) носит, скорее, историографический характер, раскрывая суть и смысл движения идей ММК с 1952 по 1972 год. Примечательно, что один из периодов работы над проблемой воспроизводства деятельности осмысляется Г.П. Щедровицким как переоткрытие соссюровского различения речи и языка, но в рамках их логико-философских поисков. Четвертый доклад («Нормативно-деятельностный подход в исследовании интеллектуальных процессов» [1, с. 332–366]) сходен по посылу описать историю становления ММК, однако роль языкознания здесь обозначена гораздо яснее. «Великий лингвист Ф. де Соссюр уже различил в рамках речевой деятельности систему языка (для меня это система норм) и систему речи (для меня это „живые“ процессы, выраженные в текстах). <...> Хотя Соссюр и решил ту проблему в принципе, различив в системе речевой деятельности язык и речь, но сами лингвисты никак не могут додумать эту идею до конца и вывести все методологические следствия. <...> Правда, последние десять лет очень продвинули нас вперед, и появилась „лингвистика текста“. Это, конечно, большое достижение, но только лингвистику текста по-прежнему пытаются строить как лингвистику языка, не ставя вопрос о необходимой специфике её методов» [1, с. 347]. Этот полемический момент относится к 1979 году, т.е. еще до публикации ключевых языковедческих монографий по этой проблематике.

Пятый доклад («Человеческая деятельность и предметный мир» [1, с. 366–408]) интересен, во-первых, требованием удерживать в памяти, что все слова, произносимые Г.П. Щедровицким, значимы в определенном месте рассуждения и что все противоречия, которые в этом выступлении могут возникнуть, вызваны именно движением от исходных постулатов к итоговым заключениям. Во-вторых, в этой части раскрывается девять принципов объектно-онтологической картины в построениях ММК. «Первый принцип... <...> ...принцип деятельностного подхода. Он гласит: единственное, что существует, это деятельности и её организованности. <...> Второй принцип – принцип эволюции... <...> Утверждается, что всё происходящее в гео-, био-, ноомире – а это и есть мир деятельности – может рассматриваться лишь в свете процессов эволюции и с их точки зрения» [1, с. 393–394]; третий принцип – каждая последующая организованность „паразитирует“ на предшествующих, это значит, что она живет на них и за счет них. Всё то, на чём паразитирует какая-то организованность, образует материю, или материал, по отношению к этой организованности. <...> Четвёртый принцип: деятельность представляет собой массу связанных между собой процессов и в этом смысле является не процессом,

[6] На текущий момент мы не можем однозначно говорить о влиянии Г.П. Мельникова на Г.П. Щедровицкого (или наоборот) в понимании строения системы или системного представления объекта, по крайней мере, учениками и коллегами Г.П. Мельникова в личных беседах с автором этих строк даже факт какой-либо дискуссии между Г.П. Щедровицким и Г.П. Мельниковым был неизвестен до апреля 2025 года.

а структурой. <...> Пятый принцип: деятельность ассимилирует материал, в среде которого она существует, и превращает его в наполнение своих элементов. <...> Шестой принцип: ассимиляция (поглощение материала и его структурирование в соответствии с деятельностью как совокупностью процессов. – *А.З.*) и аккомодация (изменение самих процессов в соответствии со структурой поглощаемого материала. – *А.З.*) приводят к дифференциации структур деятельности. <...> Седьмой принцип: в деятельности существует и реализуется масса различных процессов, каждый из них по-своему структурирует материал. <...> ...восьмой принцип... число разных видов деятельности и, соответственно, число разных процессов в деятельности непрерывно возрастает. <...> ...девятый принцип... внутри структурируемого... материала появляются автономные организованности этого материала, которые приобретают относительную самостоятельность внутри всей сферы деятельности и создают особые специфические процессы функционирования (употребления) и развития» [1, с. 394–396]. В конце этого доклада также обосновывается работа со схемами внутри ММК как работа семиотическая и с разными типами знаковых систем, вследствие чего семиотика в понимании Г.П. Щедровицкого предстает как теория предметного мира [1, с. 401].

В третьей главе в большей степени внимание сосредотачивается на раскрытии принципов, на которые опираются участники ММК в своих построениях и обсуждениях. Их можно экстраполировать на сферу изучения лингвистики, однако даже подобный механический перенос вызывает больше вопросов, чем ответов[7].

Четвертая глава («Как „подход“ передавать другим (воспроизводство)?» [1, с. 411–480]) также включает три работы разного времени написания. Первая и третья из них были созданы в 1980 году, вторая – опубликована в 1991 году. Первый доклад («О значении исследования коммуникации для развития представлений о мыследеятельности» [1, с. 411–451]) интересен признанием ошибок, допущенных в ходе дискуссии с лингвистами в 1957 году[8]. «Я утверждал, что язык есть не что иное, как предметное представление речи-мысли – наряду с другими предметными представлениями. <...> В оправдание могу сказать, что я в тот момент, в 1957 году, Соссюра не читал. И когда Ф.А. Сохин, представитель школы Рубинштейна, прочитав мои первые работы, спросил: „А вы различаете речь и язык? “ – я сказал: „Да, я их различаю“. И рассказал ему о том, как я их доморощенно различаю. Но подлинного различения не было» [1, с. 421–422]. Проблема возникшего непонимания заключается в том, что Г.П. Щедровицкий шел к лингвистике от логики, где подобных разграничений не было вовсе.

Второй доклад («Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодеятельностного подходов» [1, с. 451–466]) фиксирует то, что, по словам Г.П. Щедровицкого, адекватно присуще исследователю. У него «1) определенный набор мыслительных и деятельностных средств, с которыми он „выходит“ на объект; 2) определенный набор действий (процедур и операций), которые он применяет в отношении к объекту; 3) то, что мы называем (в технической

[7] Проведем мысленный эксперимент, перенеся эти принципы на «речь». По этой логике, речевая деятельность – одна из организованностей деятельности вообще, эволюционирует и паразитирует – на чем? Может, на «языковой способности» или на «языковой личности», или вообще на бытующей системе языка? По сути, с третьего принципа мы имеем три различных сценария в выстраивании объектно-онтологической картины.

[8] В рубрике «Научная жизнь» журнала «Вопросы языкознания» (1957 г., № 4) в материале с подзаголовком «В Институте языкознания АН СССР» (автор не указан) содержится следующее описание тех событий: «Выступившие в прениях логики т.т. (товарищи. – *А.З.*) Г.П. Щедровицкий и Б.А. Грушин поддержали тезис доклада А.А. Реформатского о том, что характер изображения объекта зависит от задачи исследования и что поэтому принципиально возможны „чисто“ синхроническая и „чисто“ диахроническая системы языка. Но чтобы воспроизвести каждую из этих систем, необходимо изучить всевозможные связи исследуемого объекта. В этом плане действительно существует неразрывное единство синхронии и диахронии, но задача исследователей — языковедов и логиков — состоит не в том, чтобы снова и снова выдвигать этот принцип, а в том, чтобы проанализировать конкретные формы этого единства. Г.П. Щедровицкий и Б.А. Грушин особенно подчеркивали необходимость изучения и использования языковедами методов и приемов, примененных Марксом при структурном исследовании сложных исторически развивающихся объектов. Г.П. Щедровицкий в своем выступлении пытался также провести разграничение объекта науки о языке (речь) и ее предмета („язык вообще“, который как „система, построенная человеком в процессе отражения“, „живет по своим особым законам, не совпадающим с законами существования обычных актов речи“). Это разграничение встретило критическое отношение со стороны большинства участников дискуссии». [10, с. 127]. К сожалению, этот момент упоминания дискуссии с лингвистами в рецензируемом томе остался без приведенного нами комментария.

манере) „табло сознания“ исследователя, на котором появляются образы, фиксирующие опыт его исследовательской работы; 4) тексты речи-мысли, в которых исследователь фиксирует ход и результаты своей исследовательской работы и сообщает о них другим людям... 5) строго определенные нормы и схемы организации исследовательской мыследеятельности, в частности, категории, которые этот исследователь реализует в практике своего мышления и своей деятельности» [1, с. 455]. Эта часть тома, по нашему мнению, должна войти во все учебные пособия и монографии, посвященные методологии и технологии филологических исследований. Наконец, третий доклад («Организационно-деятельностный подход: цели и задачи психологических исследований в сфере культуры и спорта» [1, с. 466–480]) затрагивает вопросы современного (на момент 1980 года) состояния, проблем и перспектив развития психологии спорта, суть спортивной работы, значение знаний для развивающейся сферы деятельности, схемы циклов жизни знания, соотношение научных знаний и практики и вопросы о том, что такое прикладная дисциплина.

В четвертой главе, где раскрывается список того, что присуще исследователю, может возникнуть вопрос: а работает ли этот перечень при междисциплинарном исследовании? На это мы должны ответить утвердительно. Междисциплинарные исследования языка все равно оперируют 1) определенным набором мыслительных и деятельностных средств и 2) определенным набором действий (процедур и операций) по отношению к объекту изучения. Сложен именно последний пункт – нужно либо удерживать согласующиеся категории для теоретического осмысления, либо перестраивать имеющие категории под интересующий ученого угол обзора[9].

Пятая глава («Как работает системомыследеятельностный подход?» [1, с. 483–615]) состоит из трех работ. Первая представляет собой объединенное изложение двух докладов на семинаре ММК (5 и 19 мая 1987 года), вторая – выступление 1989 года, а третья – 1971 года. В первой части («Основные понятия и проблемы системомыследеятельностного подхода» [1, с. 483–528]) Г.П. Щедровицкого спрашивают, как определить принадлежность людей к СМД-подходу. «Я считаю принадлежащим к СМД-подходу человека, который заявляет, что он к нему принадлежит. При этом для меня всегда остаётся открытым вопрос, насколько он понимает СМД-подход, его принципы и идеи и насколько он может этим пользоваться. <...> А формально таковым является всякий, объявивший о принадлежности» [1, с. 486]. В этой части вновь возникает проблема семиотики, и здесь характерен тезис: «Мышление – это работа со знаками, и знаки должны нести по крайней мере три функции: функцию отражения, функцию экспрессии, или выражения» [1, с. 506], при этом название третьей функции Г.П. Щедровицкий забывает назвать, но ему напоминают слушатели из зала: третья функция знака – функция коммуникации.

Второй доклад («Перспективы и программы развития системомыследеятельностной методологии» [1, с. 528–574]) представляет местами трогательное повествование о пережитом и прожитом, причем здесь автобиографии не меньше, чем рассуждений об истории становления ММК. И здесь же в кратком пересказе того, о чем говорится, Г.П. Щедровицкий утверждает: «Работа в методологии требует предельно резкого разделения логики и герменевтики, и соответственно разделению логики и герменевтики необходимо разделять мышление и понимание» [1, с. 544]. Это позднее выступление 1989 года происходит тогда, когда и В.П. Литвинов в Пятигорске, и Г.И. Богин в Калинине (ныне Тверь) уже как минимум десятилетие разрабатывают свои проекты, о которых мы упоминали в самом начале нашей рецензии, но исходный импульс поисков этих ученых был получен именно из семинаров ММК.

Третий доклад («Краткая характеристика метода работы, или способа мышления» [1, с. 574–615]) представляет собой расширенное (по сравнению с пятым докладом в третьей главе тома) изложение принципов работы в системомыследеятельностном подходе (с учетом дробления вместо

[9] Это решение намечено рассуждениями из первой главы рецензируемого тома о трех сценариях работы с понятиями. Мы не затрагиваем мысль о развертывании онтологии с последующим жестким закреплением понятийного слоя теории по той причине, что не для каждого междисциплинарного исследования это является ключевой проблемой.

девяти принципов здесь мы обнаруживаем тринадцать). На этом материал докладов, статей, выступлений Г.П. Щедровицкого в первом томе исчерпан.

Достоинством книги является ее справочный аппарат. Примечания редактора [1, с. 617–631] позволяют восстановить некоторые исторические реалии и источники, на которые ссылается Г.П. Щедровицкий в своих выступлениях. Перед нами открывается целая галерея из философов (К. Маркс, П. Тейяр де Шарден, М.К. Мамардашвили, Г.В.Ф. Гегель, и др.), психологов (Л.С. Выготский) и филологов (Л. Ельмслев, Ю.М. Лотман). Раздел «Литература» [1, с. 633–641] позволяет ознакомиться не только с публикациями самого Г.П. Щедровицкого (они даны в хронологическом порядке), но и с работами других авторов (расположены после работ идейного вдохновителя ММК по алфавиту). Именной указатель [1, с. 643–655] содержит не только имена, фамилии и отчества (если есть), но и краткую характеристику деятельности этих людей, а предметный указатель [1, с. 657–671] – ключевые понятия, которые значимы для содержания «подхода». И в этом тоже есть момент раскрытия общего видения теоретико-методологических координат. Вот, например, часть этого перечня: знак (знаки), знаки в (процессах) деятельности, знак и объект, знаковая форма, знаковые схемы, оперирование со знаками, психология знака, функции знака, функции знаков, знаковые системы, значение, значение и смысл, значение слова.

При этом нет буквы «я», и эта лакуна – следствие немногих недостатков издания. Во-первых, редактор приводит постраничные ссылки на некоторые работы Г.П. Щедровицкого, в том числе филологической направленности, но не сопровождает их комментарием. Во-вторых, издатели по какой-то причине посчитали «язык» недостаточно «весомым» ключевым понятием в рецензируемом томе. При этом именно эта книга позволяет понять логику выступлений, опубликованных в других сериях и форматах. В частности, известно, что в эпоху написания академических грамматик русского языка Г.П. Щедровицкий был апологетом мысли о языке как «конструкции значений», продукте специфической деятельности языковедов-инженеров, строящих объект лингвистики по определенным образцам[10]. В рецензируемом томе мы обнаруживаем, скорее, намеки на этот тезис, и это неслучайно: сюда не попали статьи исключительно лингвистической направленности, однако и в «непрофильных» докладах и обсуждениях возникает филологическая проблематика. Да, можно по хроникальным заметкам о конференциях и списку литературы отследить интересовавшие руководителя ММК направления языковедческих исследований, можно выявить скрытую полемику на страницах статей лингвистов-современников, можно, наконец, систематизировать уже опубликованный корпус, чтобы обозначить место СМД-подхода в советском языкознании, однако именно у задуманного десятитомного собрания сочинений есть возможность дать подобным обобщениям исчерпывающий материал.

Руководитель целого методологического движения, создатель особого типа семиотики, теоретик в области языка, языкового мышления, текста, один из выдающихся исследователей системы как объекта и системных объектов как таковых – частично все это если не раскрыто, то приоткрыто рецензируемым изданием, но, к сожалению, именно «приоткрыто». Этот том не только для философов, логиков и специалистов по отечественной интеллектуальной истории. Новое собрание сочинений Г.П. Щедровицкого рекомендуется к прочтению и филологам, хотя бы потому, что в творческой биографии основателя ММК и его публикациях присутствует, метафорически выражаясь, некое «равнение» на лингвистов и литературоведов. Уже по первому тому вся задуманная издателями работа представляется масштабной, перспективной и заслуживает пристального внимания всех специалистов гуманитарного цикла научного знания.

[10] Сходной линии рассуждения, но независимо от ранних разработок ММК придерживался А.В. Вдовиченко [11], однако между ним и Г.П. Щедровицким пролегает водораздел. Если первый на пленарном выступлении в рамках Международного научного симпозиума «Грамматика 4.0» отрицал наличие системы языка, меняя ее на типологию довербальных интенциональных коммуникативных актов, то для второго «конструкция значений» все равно будет системой заданных параметров описания материала и функционирования положенных в конструкцию элементов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Щедровицкий Г.П.** На перекрестке мысли: введение в системомыследеятельностный подход / ред.-сост. Г.А. Давыдова. М.: МИФ, 2024. 672 с.

2. **Литвинов В.П.** Предисловие. Демистификация знака // Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность: в 3 кн. Кн. 1: Структура знака: смыслы, значения, знания. М.: Восточная литература, 2005. С. 7–30.

3. **Львова Ю.А., Оборина М.В.** Генезис концепции языковой личности и терминологическая неоднозначность в работах Г.И. Богина 1970–80-х годов // Понимание и рефлексия в России: Международная научно-практическая конференция: материалы докладов. Тверь, 2020. С. 145–174.

4. **Богин Г.И.** Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику // KLEX. URL: https://www.klex.ru/2s6 (дата обращения: 23.04.2025).

5. **Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. М.: ЛЕНАНД, 2024. 264 с.

6. Труды по знаковым системам. Вып. 2 / отв. ред. Ю. Лотман. Тарту: Тартуский государственный университет, 1965. 359 с.

7. **Колесов В.В.** Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.

8. **Григорян А.Э.** Мыследеятельность как коммуникативный проект в концепции Г.П. Щедровицкого // Философия, культурология, социология и религия: история и современность: сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2016. С. 62–69.

9. **Васильева С.Л.** Возможности применения герменевтического подхода и теории системомыследеятельности Г. П. Щедровицкого для описания политического дискурса XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1–2 (5). С. 64–70.

10. В институте языкознания АН СССР // Вопросы языкознания. 1957. № 4. С. 124–129.

11. **Вдовиченко А.В.** Коммуникативное оправдание грамматики. К вопросу о пределах условности грамматического описания // Русская грамматика 4.0: Сборник тезисов Международного научного симпозиума. Москва, 2016. С. 66–69.

REFERENCES

[1] **Shchedrovitsky G.P.,** Na perekrestke mysli: vvedeniye v sistemomysledeyatelnostnyy podkhod [At the Crossroads of Thought: An Introduction to a System Cogitative Activity-based Approach to Research], comp. and ed. by G.A. Davydova, MIF, Moscow, 2024.

[2] **Litvinov V.P.,** Predislovie. Demistifikatsiia znaka [The preface. Demystification of the sign], Shchedrovitskii G.P., Sign and activity], Vol. 1, The Structure of the Sign: sense, meaning, knowledge, Vostochnaya Literatura, Moscow, 2005, pp. 7–30.

[3] **Lvova Iu.A, Oborina M.V.,** Evolution of the Concept of Linguistic Individual in G.I. Bogin's Works of 1970^{ths} and 1980^{ths}, Ponimanie i refleksiia v Rossii: Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia: materialy dokladov [Understanding and Reflection in Russia: International Scientific and Practical Conference: proceedings of reports], Tver, 2020, pp. 145–174.

[4] **Bogin G.I.,** Obreteniye sposobnosti ponimat: Vvedeniye v filologicheskuyu germenevtiku [Acquiring the ability to understand: An introduction to philological hermeneutics], KLEX. Available at: https://www.klex.ru/2s6 (accessed 23.04.2025).

[5] **Karaulov Yu.N.,** Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost [Russian language and linguistic personality], LENAND, Moscow, 2024.

[6] Works on Semiotics, 2, resp. ed. Yu. Lotman, Tartu State University, Tartu, 1965.

[7] **Kolesov V.V.,** Osnovy kontseptologii [Fundamentals of Conceptology], Zlatoust, St. Petersburg, 2019.

[8] **Grigoryan A.E.**, Mental activity as a communicative project in the concept of G. Shchedrovitsky, Filosofiya, kul'turologiya, sotsiologiya i religiya: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov po materialam I mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Philosophy, cultural studies, sociology and religion: history and modernity: a collection of scientific papers based on the materials of the I International Scientific and Practical Conference], Nizhny Novgorod, 2016, pp. 62–69.

[9] **Vasilyeva S.L.,** Opportunities of Applying the Hermeneutic Approach and G.P. Shchedrovitsky's Theory of System-thinking-activity for the Description of the Political Discourse of the XXth Century, Philology. Theory & Practice, 1–2 (2010) 64–70.

[10] At the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR, Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language), 4 (1957) 124–129.

[11] **Vdovichenko A.V.,** Communicative justification of Grammar. To the Problem of Limits of Conventionality in Grammatical Description, Russkaya grammatika 4.0: Sbornik tezisov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma [Russian Grammar 4.0: Abstracts of the International Scientific Symposium], Moscow, 2016, pp. 66–69.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Загуменнов Александр Владимирович
Alexander V. Zagumennov
E-mail: zaw1991@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2440-3918

Поступила: 25.04.2025; Одобрена: 09.06.2025; Принята: 30.06.2025.
Submitted: 25.04.2025; Approved: 09.06.2025; Accepted: 30.06.2025.